

Annotation

Темное фэнтези с элементами Вселенной Warhammer 40,000 и Вселенной Звездных Войн. Псевдосреднековье. Не стандартное попаданство. Квестовая линейность сюжета. Сцены насилия. Цинизм. И разная-другая гадость, но в меру и без откровенной «чернухи». И все же гуманистам, моралистам, беременным женщинам и идеалистам данный текст читать строго воспрещается. Текст без взрывающей мозг идеи и вычурных поворотов сюжета.

Глава 1

Темное фэнтези с элементами Вселенной Warhammer 40,000 и Вселенной Звездных Войн. Псевдосреднековье. Не стандартное попаданство. Квестовая линейность сюжета. Сцены насилия. Цинизм. И разная-другая гадость, но в меру и без откровенной «чернухи». И все же гуманистам, моралистам, беременным женщинам и идеалистам данный текст читать строго воспрещается. Текст без взрывающей мозг идеи и вычурных поворотов сюжета.

«Книга для чтения на один вечер».

Но я очень надеюсь, что книга Вам понравится, и вы проведете этот вечер с удовольствием.

Р. С. В «тесте» использованы «изобретенные» слова и выражения, в чем автор сам признается, искренне раскаивается и просит его «понять и простить». Буква «К» в слове «тесто» пропущена сознательно.

Целый осколок.

Часть первая.

(или маленькая первая книга)

Глава первая.

Треснувший колокол, первая встреча с ГГ, чернила, много чтения официальных документов, бумажная пыль и очень много вопросов без ответов.

На кампаниле собора Сан-Марино города Нуэлл вечером прошлого дня треснул колокол. Треснул он как-то хитро, без четко видимой змеящейся трещины на массивном бронзовом теле или с грохотом падения отвалившегося куска. Ранним утром пастор собора вместе с викарием, шумно отдуваясь и пыхтя, с трудом поднялись наверх башни кампанилы. Самостоятельно преодолели все четыре яруса башни, правда справлялись они с подъемом тяжело и с длительными остановками.

Шли еле слышно шелестя шелками сутан и громко стуча при подъеме медными оковками посохов по деревянным ступеням. Потом, там, наверху, они долго-долго смотрели на треснувший колокол, протирали раскрасневшиеся потные лица платками, перебирали янтарные бусины четок и хмуро переглядывались с друг другом. После переглядываний, только вдвоем, без свиты, они обошли колокол по кругу с нескрываемым опаской косясь вниз и крепко держась за дубовые перила. Их величавое шествие заставило субдиакона, аколитов, чтецов и прочий клир терпеливо тесниться на узкой площадке верхнего яруса и пролете лестницы.

Обошли, вернулись на место с которого начали, вновь переглянулись. И с горестными вздохами раскрыли молитвенники. Шустрый носатый остиарий уже обмахнул пыльные половицы пола неведомо откуда добытыми пучком веток и тряпкой. Святые отцы еще раз вздохнули и заботливо придерживаемые под руки, опустили на колени. Молиться.

Начали для разогрева с Pater noster, затем громко прочли Sub tuum praesidium — под твою защиту прибегаем, и в завершении с чувством и очень воодушевлено затянули Oratio ante initium aliquod bonum opere — перед началом доброго дела. Затем плавно и без всякой связи перейдя к Benedicite Dominum — Благословите Господа. Клир чутко ловил ноты и органично вплетал в вязь голосов святых отцов басы субдиакона с остиарием. Теноры аколитов и пару козлячьих фальцетов чтецов в общую ораторию.

Голоса священников вначале чуть охриплые и одышливые, постепенно набрали силу и к концу незапланированной литургии уносились к небу раскатами грома, заставляя добрых горожан опускаться на колени на брусчатку мостовой, деревянные плахи перед входом в дома или прямо в подтаявший снег и весеннюю грязь. Замирать на мгновение, вслушиваться трепетно и истово осенять себя знаком святого Бесконечного Круга. Они задирали просветленные лица вверх, к Небесному престолу и глаза их сияли светом веры.

Им всем казалось, что это ангелы Господни возносят голоса свои к стопам Его. Голоса чистые правдой и полные верой. И небо было тоже невероятно чистым и наполнено светом солнца, словно доброе светило нарочно задержалось на небосклоне, озаряя своими лучами город, стены города, глиняную черепицу крыш домов, высокие острые шпили ратуши, соборов и дворца Наместника.

Но молитвы не помогли, и местный мерзавец звонарь с утра упрямо тянул за веревку раскачивая колокол и заставляя его издавать все те же гнусные и дребезжащие звуки, что неслись с башни кампанилы прошлым вечером. За ангельский хор эту гадостную какофонию не принял бы даже кантонский козлюб-пикинер, упившийся крепленным вином до полного изумления. Выходит, так, что в представительство Ордо Механикус, к молчаливым суровым технобратьям, святые отцы так никого и не отправили.

Леонардо Мауриччи де ла Маттэо де Франко Раннийский несколько секунд вслушивался в эти ужасные звуки, потом с треском свел вместе створки раскрытого окна, сделал несколько шагов влево вдоль стены кабинета и с силой захлопнул второе окно. Жалобно дзинькнули вставленные в свинцовый переплет рамы окна многочисленные цветные стекляшки. Но лучше в духоте, чем слышать это!

Леонард вскинул руки над головой и потянулся всем телом вверх, к сводчатому потолку, к темным балкам перекрытий. Резко бросил руки вниз, громко стукнув подкованными каблуками кавалерийских сапог по плахам пола, резко опускаясь на пятки. Несколько раз плавно и сильно повел плечами, качнул головой из стороны в сторону, разминая заостренную от одного положения шею. Плавным, мягким движением развернулся к огромному, в полтора человеческих роста зеркалу в строгой серебряной оправе. Всмотрелся, осмотрелся, дружески подмигнул своему зеркальному двойнику.

А что, он несомненно хорош! Красив. Высок и строен. Силен и... И умен! Как говорил гость отца из Серверных лесов — все эти... гм-м... как там их? А! Все угодья в нем! И еще он молод!

А плечевые накладки на его куртке делают плечи еще шире и мужественнее. Высокий строгий воротник твердо подпирает подбородок, заставляя взгляд пронзительно голубых глаз становиться строгим и надменным. Даже немного суровым и малую часть угрожающим.

Его отражение в зеркале еще более светло брови вместе и грозно нахмурилось. На лице Леонардо возникло выражение совсем уж строгое и совершенно непримиримое. Да уж... С таким лицом и таким взглядом и Мастера Слова исследуемым не надо и так будут говорить, говорить и говорить. Не остановишь.

Самодовольно улыбаясь он тщательно поправил ухоженными пальцами чуть перекосившуюся на груди цепь с золотой Печатью Вопросы. На отполированных маникюристом ногтях блеснул холодом льда бесцветный лак. Пирамидальный алмаз перстня на левом безымянном пальце возмущенно возмутился, возревновал к блеску ногтей и пустил вокруг себя злые искры.

Леонардо ладонями разгладил чуть смявшуюся ткань бархатной куртки с золотым

шитьем по рукавам и длинным обшлагами. С трудом поддел большие пальцы под прекрасно выделанную кожу широкого ремня пышных штанов-фарртоли. Прошелся по талии, расправляя образовавшиеся складки нижней шелковой рубахи. Никакие кружева на воротнике и рукавах куртки он не носил. Брезговал он и новомодными пуговицами из горного хрусталя или с жемчуга. Взамен «стекляшкам» на его куртке красовались стальные пуговицы фиолетового отлива из данатаской оружейной стали. Тот, у кого пуговицы из стали, что повесу равна золоту, не будет унижать себя горными осколками и морскими песчинками. И человеку понимающему, одного взгляда на его пуговицы вполне достаточно для одобрителного кивка и хмыканья. Ну и примерной оценки его наряда. Высокой оценки.

Он вновь коснулся ухоженными кончиками пальцев Печати. Всего лишь золотая Печать. Пока лишь золотая! И, возможно, пока лишь Печать, не инсигния. А вот чтобы изменить это и заменить, ему нужно....

Леонардо коротко вздохнул и с нескрываемой ненавистью покосился в сторону письменного стола. Дубового и массивного. Неимоверно раздражающего своими грубыми линиями и отсутствием какой-либо резьбы, виньеток или хоть каких-нибудь убогих завитушек, вышедших из-под острого резца мастера. Чистая и незамутненная ничем утилитарность и кондовость. Даже сукно на столешнице грубое и темное, мрачного болотистого оттенка. И в многочисленных чернильных пятнах. Неопрятных, расплывшихся, побуревших от времени грязных пятнах! Какая же все-таки мерзость, этот стол, возьми его эльдары!

И очень интересно, а сколько же лет этому дубовому чудовищу, жуткому монстру канцелярских пещер? Сто, двести или все полтысячи? Какие страшные тайны он хранит? Сколько приговоров, указов, наставлений и доводных бумаг подписано на нем? Скольких писарей и секретарей он пережил, скольких неосторожных бумагомарак сожрал в вечернем мраке? Обхватил руками-бордюрами, подмял под себя боковыми тумбами. И перемолол их в бумажную кашу своими зубами-ящичками вместе с нарукавниками, стилусами и плотно исписанными листами? Тоже сто или двести? Ох, да за него страшно вновь садиться!

А как было бы сейчас хорошо вместо возни с протоколами, выписками, выдержками и разными справками, спуститься во двор и проделать со шпагой и дагой в руках несколько финтов. Широко раскинуть руки и вдохнуть теплый весенний воздух, после неторопливо перемещаясь из секунды в терцию по потемневшим островкам талого снега. Или выпить подогретого вина, щелчком пальцев подозвать симпатичную подавальщицу, заказать жаренного на углях мяса и кинуть пару сантимов трактирным музыкантам — веселее, быстрее, громче играйте! А Бруно со значением похлопает ладонью по оголовку рукояти плетки для придания еще большего рвения музыкальным ремесленникам — шевелитесь, нищелброды, а если господин не доволен будет... То запорю! Но... Но ему нужно продолжать свою работу. Ступени Постижения сами под ноги не бросятся, ему нужно совершать Шаги Познания и неутомимо Следовать Путем Истины!

От высокого градуса пафоса свело зубы словно от спелого лимона. Леонард громко фыркнул в ответ своим мыслям и вновь раздраженно помотал головой словно боевой жеребец, отгоняющий злых мух. Разметал водопадом длинные черные волнистые волосы по плечам. Ныне модный обруч для волос он тоже не носил. Мм-м, а вот если одеть повязку... Да, надо бы надеть повязку для волос... Короткий взгляд в зеркало — нет, это потом! Целых полчаса уйдет на выравнивание повязки и завязывание тройного петлевого узла. Сзади, самому, одному. Справиться ли он? Не перекосит ли неуклюже петли узла? Правая рука

непроизвольно поднялась к затылку в попытке собрать волосы в длинный «хвост».

Леонардо резко отдернул руку от волос и решительно отвернулся от зеркала.

Все, все! Хватит прохлаждаться! За работу, господин легат-следователь, за работу! Не стоит так откровенно лениться и кряхтеть словно древняя развалина всего в девятнадцать лет, господин будущий Отец-Инквизитор!

Леонардо сел в кресло, чуть поддернул рукава куртки, поправил на поясе неудобно развернувшийся рукоятью в бок кинжал. Вернее, пародию на кинжал — широкий, на ладонь короче боевого, с тяжелой, изукрашенной золотом и самоцветами рукоятью. Но не с боевым же клинком ему ходить по узким коридорам архивириума, душным допросным и темным залам приората? Да и нельзя — неписанные правила приората не позволяли нахождение у посетителей и прикомандированных оружия на поясе. Можно и не запрещено, но крайне невежливо. Верная дага и красавица шпага, как верные псы, терпеливо ждут его на выходе, под тщательным приглядом сержанта приоратской стражи.

Итак, что тут у нас следующим?

Очередной лист плотной желтоватой бумаги, исписанный убористым почерком с забавными завитушками на буквах Р и А разместился на грубом сукне столешницы. Допрос от пятого дня недели, осеннего месяца ноября, исходящий номер... Регистрационный номер, внутренний индекс архива, номер отдела, номер раздела... Номера, номера... Так, ведет сей допрос отец-инквизитор Святой Конгрегации Гнесс фон Руст согласно единственно верным правилам «Directorium» и «Practica Inquisitionis Haeretice Pravitatis». А если коротко, то Кодексу и Уставу.

«... и тогда я увидела, как исповедник Гийемины Го, святой отец Ансельмар, он и священник нашей деревни, что зовется Домин. Так он брал вот так ее руки в свои и наклонялся к ней близко и близко, совсем близко! Можно я к вам наклонюсь? Ах, простите, простите святой отец! Так вот он губами своими ее губ вот прямо совсем касался! И язык свой ей в губы совал! Глубоко, ох и глубоко же, святой отец! А потом он платье ее как...».

Ерунда и сластолюбивая мерзость! Похоть. Низменные чувства простецов. Вот кто за это убивает? Никто! Следующий протокол!

«Мы, отец — инквизитор Святой Конгрегации Гнесс фон Руст и добрые верующие в Господа нашего и в Небесный престол; Авейрон Кантен и Сидуан Мельес, соответственно викарий епископа де Нуа и протоколист при синодальном дворе Сабарте, в канун праздника Рождества Девы Марии, на второй год правления... И тогда этот злой человек ударил ножом длинным в брюхо достойного господина как целил, прям над бляхой ремня в пупок! Сережки же — вот так и рвал с ушей, вот с чего в крови они все».

Не то. Это дело раскрыто, убийца опознан и пойман, осужден и повешен. Да, следствие по разбою тоже вел отец-инквизитор, он же и составлял обвинительный приговор, но с Той Стороны не возвращаются, будь ты хоть трижды злобный мститель. Тем более после усекновения членов и последующего медленного удушения для устрашения и в надзидание.

Следующий лист. О, а тут несколько листов! Сшиты вместе суровой нитью в верхних и нижних краях, нить провощена, концы нитей залиты сургучом, на котором ясно видны мелкие литеры Q и J. Ого! Весьма серьезный документ... И что-то даже вспоминается при взгляде на него. Так, а от какого он числа? Ах, ну да! Это то самое дело о Гиннгогском людоеде! И его тоже вел отец-инквизитор фон Руст. И он же был обвинителем.

«Это была человеческая рука, ваше преосвященство. Отрубленная человеческая рука!

Вопрос его милости Старшего отца-инквизитора Креден Ларту:

Почему же рука не тонула в водах, Кретьенотта?

Ответ исследуемой Кретьенотты Пауль, у роженицы деревни Фиош, жены плотника Жака Пауль:

К ней был привязан бечевкой, раздёрганной такой, мочевого пузыря ягненка, ваша милость!».

И все же опять не то! Дело раскрыто и закрыто! Тогда не смогли задержать только младшего сына людоеда — он успел сбежать и скрылся в болотах. Там он и утонул, скорее всего. Так что вряд ли эта белесая тварь вернулась в славный город Нуэлл и занялась мщением — по всем показаниям сынишка людоеда был жалок и труслив до безумия. Да еще со скрюченной иссохшейся правой рукой.... Велик Господь наш, и наказует Он тех, кто рушит законы его.

Взгляд Леонардо зацепился на дополнительный индекс внизу листа. Так, что это и где это? Ага, вот оно!

«...тело, зверями растерзано... остаток руки трупа судя по искривлённому с рождения суставу.... На основе осмотра, выносим мы предположение, что...».

Ну вот и сынок Гиннгогского людоеда нашелся. Так что, вновь не то. Так, тогда посмотрим следующий документ.

Широкие листы в полметра шириной и длиной не менее семидесяти сантиметров — обычный стандарт канцелярии — плотно исписанные аккуратным убористым почерком — хорошо учат в Доме Письма секретарей! — ложились один за другим пред Леонардо. Они покрывали все свободное место столешницы, мертво шелестели по сукну, упрямо загибались краями внутрь. Упорно пытались свернуться в грубое подобие свитков. Тончайшие точки пылинок взметались вверх и плавно опускались вниз, творя завораживающий своей хаотичностью быстрый танец в полосатых лучах солнца.

Даты, номера, числа, имена, индексы, неприятный шорох скрепляющих нитей и дергающий звук неосторожно задеваемых сургучных печатей с мелкими литерами. Простые люди, благородные люди, люди, что хуже зверей и совсем уже не люди. Жизни, смерти, судьбы, зло, ненависть, зависть, ложь и всегда непреходящий страх и ужас. Явственно ощущаемый, почти материальный. Грубая желтоватая бумага иногда словно сочилась слезами, холодным потом и кровью испытуемых. Или мертвенно осыпалась сухим песком холодных и бездушных слов приговора.

Так, а вот это интересно! Что тут расследовал отец-инквизитор?

«...Допрошенная же сказала, что ни она, ни ее сестра Пейронна, не поклонялись означенным Совершенным. Что же касается того, когда она видела спутника Совершенных, то это было приблизительно полгода назад.

.....Item, она же сказала, что в то время, когда она жила целый год в Виллемур, в город пришли три воина Адэптус Астартес, и означенный Раймонд Аймерик, диакон Совершенных из страха дикого пред ними оставил свой castrum со всеми служителями означенного castrum, всеми мужчинами и женщинами и детьми малыми... А вот тот служитель Совершенных так в городе и остался, не было в нем испуга».

Служитель Совершенных? Что это за бесстрашный служитель Совершенных, что не боится оставаться там, где находятся сами Ангелы Смерти? Пусть их всего и трое? Или это совсем не служитель, а ловко притворяющийся обычным человеком сам Совершенный? И почему наш всегда дотошный и уперто ответственный при жизни отец-инквизитор, не отметил данный протокол допроса двойными звездами как крайне важный? Забыл

дополнение в Кодекс от Сияющего года? Не придавал особого значения? Или что-то ему помешало? Очень и очень странно... И абсолютно неприемлемо! Это ведь Совершенные и не придавать внимания любым проявлениям этих тварей есть преступления против людей, Империи человечества и Божьего закона!

Лист допроса переместился на стоящую слева подставку в невысокую стопку на ней. Леонардо на мгновение замер и аккуратно вписал своим дорогим стилусом с серебряной гравировкой в правый верхний угол листа двойную звезду и «жирный» восклицательный знак — «крайне повышенное внимание».

Нужно перечитать это потом еще раз, тщательно и вдумчиво. А пока смотрим следующий документ.

Гм-м... Какой необычный лист. Нет на нем ни входящего номера, нет ни индекса, нет и даты. Да и лист не соответствует стандартам — узкий, белый, короткий, неровно обрезанный внизу. И имя ведущего допрос тщательно выскоблено. Вплоть до двух неопрятных протертостей. Старались, очень старались уничтожить имя. Зачем? Для чего? Кто за выскобленными пятнами прячется?

Леонард откинулся на спинку кресла, перевернул лист текстом вниз, тщательно осмотрел изнаночную сторону. Нет, это чистовик, чернила никто не сводил. Не похоже на выписку или справку, кои писались на уже использованных, а затем очищенных листах. И цвет бумаги.... Почему белый? Ведь согласно правилам, допросные листы должны быть желтоватого цвета; «...дабы пусть и выцветая, чернила были все так же различимы для читающего сей документ...».

Случайная ошибка при сортировке документов? Нет, он сам делал выборку и не заметить это белое пятно среди желтизны основной массы он не мог. Кто-то подложил? Кто? Зачем? И если это обдуманное подлогах, то где тут дата, регистрационный номер документа, имена, значимые литеры и скрепляющая сургучная пломба? Без этих реквизитов данный текст не является официальным документом и теряет смысл подлога. Без всего указанного это так, бумажка-бумажонка. Ладно, почитаем, что тут написано. И кстати, почерк ужасный, неровный и нервный, словно писали на ходу. Но текст вполне читаем.

«Допрос же сего человека был вечером поздним, уже когда звезды видны стали. А его милость отец-инквизитор палача да писца звать не стали, сам все, говорит, сам все запишу да вызнаю, а ты иди голубчик, вина возьми да выпей. И целых полфлорина мне дает... Ну я взял и с камеры допросной то вышел и пошел. А так как службу я-то уже до седьмых факелов исполнял, то переслужил аж два факела и в полном праве своем. Только, ваша светлая милость, сержанту знать про полфлорина не надо, а? А что два факела переслужил — пусть знает!

Вопрос (вычищено):

И как же выглядел сей допрашиваемый человек?

Ответ стражника второго класса приорства Нуэлл (вычищено) по прозвищу (вычищено), уроженца Льежа:

А вот то ваша (вычищено) мне никак неведомо. На башке то у него мешок был, сам же всем телом в плащ, как гусениц в кокон. Ну весь закутанный аж до ног. И высокий он такой, под свод камеры почти. А, еще руки его до локтей видны были. Сильные такие руки, пальцы как клещи, что на левой стене висят. И с метками. С черными точками как от пороховых ожогов. Но связанные они были крепко! Я еще тогда его милости колодки из освященного железа или оковы цельные предложил вместо веревок, а его милость мне отвечает — хватит

тут, мол, и крепкого вервия. А так и все, более я и не видел ничего — темно в допросной было. А я у самой двери стоял, почти на выходе».

Хм-м и еще раз хм-мм....

Леонардо встал, прошелся несколько раз от двери до камина, раскрыл одно закрытое им окно, затем второе. Дружелюбный весенний ветер ворвался в помещение, разорвал легкой прохладой натопленную духоту кабинета на тяжелые полотна. Принес на своих невидимых крыльях гомон птиц, отрывистые звуки голосов. Звучный и чистый звон расковываемого металла от кузнечных мастерских. И просто разный шум.

Шум проснувшегося, живущего, торгующего, работающего города. И тепло. Нежное, как касание ладони матери, весеннее тепло. Добрая Дева Весна изгоняла злой холод Сестры Зимы напористо, неутомимо, сердито и непримиримо, как ведут себя все близкие родственники между собой.

Леонардо вернулся к столу, встал к пюпитру, резким движением раскрыл регистрационный журнал, быстро пролистал его страницы. Затем пробежался пальцами по входным листам книги допросного яруса. Чуть помедлив, вновь перебрал уже просмотренные и не осмотренные допросные документы. Не вчитывался, так, проглядывал по диагонали, выхватывая цепким взглядом лишь номера, даты и краткие кусочки текстов.

А вот это уже очень и очень интересно! Нет абсолютно никаких записей допроса человека в плаще, что вел его милость отец-инквизитор, нет и записей в регистрационном журнале исследуемых и отметок на входном листе в допросный блок. И не подтверждено нахождение никакого исследуемого с крепкими связанными руками и мешком на голове в допросной. Ни в какой. Ни в двадцать третьей, ни в семнадцатой, ни в девятой. Пятая и третья допросные закрыты, там перекладывают своды, расширяют и укрепляют стены, меняют подгнившие полы.

Ничего нет, словно призрак с веревкой на руках был призван отцом-инквизитором, а потом им же развеян руной изгнания Кано. Есть только показания безымянного стражника второго класса.

А безымянного ли? Где же это было? Где эта выписка? Вот она!

«Известно же нам, что на третий день недели стражник второго класса Жан Кломье, по прозвищу «Два пальца», уроженец Льежа, что состоит на службе в страже приората семь полных лет, пять месяцев и три дня, снова пошел пить вино и более уже на службу не явился».

Вино, вино, губит людей оно...

Ну тут и так все ясно — лежит где-нибудь под снегом, бедолага Жан, «подснежника» изображает. И явиться более на службу не может, так как мертв. Полностью и окончательно. И душа его уже давно успокоилась в Светлых рощах на Той Стороне, а не мечется неприкаянным призраком на месте убийства.

Почему он был в этом полностью убежден, Леонардо анализу подвергать не стал. Вот есть абсолютная уверенность в этом и все. А вот насчет души отца-инквизитора Гнесса фон Руст такой уверенности у него не было.

Хотя его милость отец-инквизитор Святой Конгрегации так же не явился на службу в приорат после дневной прогулки на берегу реки. Не смог он это проделать, потому что тоже уже лежал, остывая на заснеженном берегу проткнутый насквозь от макушки до паха «острым длинным предметом, предположительно, железным заточенным прутом».

И ни единого следа, ни единой отметины на расстоянии десятков метров, кроме

короткой цепочки его следов. Словно стальной прут упал с неба, пронзил отца-инквизитора от головы до пят и растворился в нем как кусок льда. Расплылся в ничто в горячей крови неукротимого и негибаемого борца с ересью, нечистой магией, проклятыми Господом нашим нелюдями Совершенными и чуждыми миру людскому эльдарам.

Кстати, первым его тело нашел семилетний мальчишка, сын пекаря и почти успел обогнуть покойника, когда его спугнули подмастерья из квартала ткачей. Что за времена, что за нравы! Сопливый мальчишка обирает труп отца-инквизитора!

И вот тогда сонное болото городка Нуэлл всколыхнулось. Ордос Маллус и Ордос Еретикус заполнили город своими представителями. Дочери Битвы сменили городскую стражу, без всякого уважения изгнанную со всех постов и унижительно, по сути действий, запертую в казармах. А по брусчатке улиц города неумолимыми молохами загремели стальные сапоги Ангелов Смерти, высекая снопы искр из мерзлого камня. В центре же площадей, на окраинах города и берегу реки завозились технобратья со своими непонятными механизмами. Стальными, с бронзовыми вставками, сочащимися смазкой, вспыхивающими желтыми огнями и словно бы почти живыми. Чуждыми и пугающими. А весь берег реки был вытоптан до мерзлой земли представителями Святой Конгрегации и лишь место убийства инквизитора оставалось нетронутым, охраняемое неразговорчивыми и суровыми Серыми братьями-рыцарями.

Город замер, город затих. И лишь только ранним утром, и поздним вечером, по улицам стремительно скользили бессловесные безликие тени — это хорошие горожане спешили на службы, в мастерские, в свои лавки и обратно. Или не скользили, а мертвенно-тихо сидели по домам под запорами, засовами, замками и трепетно дрожали, доедая последний ломоть черствого хлеба и мелкие моченные яблоки, отчаянно страшась выйти за порог дома. Неизбывный страх грубо и властно возлег на город и взял его, как мордатый здоровяк-наемник испуганную служанку трактира.

Сколько было тогда произведено арестов подозрительных и подозреваемых? Десятки? Сотня? Скольких «ночных людей» взяли на их хавирах, лежках, в тайных убежищах? Тоже сотня? Или две сотни? А сколько было раскрыто злоупотреблений городских властей и даже обнаружено двое павших, поклоняющихся Совершенным и их покровителя эльдарам.

Как тогда возбудились отцы-инквизиторы! Как забегали, метя подолами своих ряс все углы, улицы, ступени! Вот же они, подозреваемые в убийстве! На дыбу их! Каленным железом жечь! Все-все, расскажут, во всем покаются! Уу, демоны!

Но впавших в ересь через день в железной клетке увезли в Астурийскую обитель, а дело так и продолжило буксовать на месте. А потом и вдруг все, мертвая тишина. Более никаких результатов, более никаких вариантов у следствия. Ни арестов, ни задержаний ничего. Убийца отца-инквизитора не найден, орудие преступления тоже. Даже никаких разных, достойных рассмотрения и откровенно глупых, версий не выдвинуто. Затем в течении недели все как-то заглохло, затихло, успокоилось. Рассосалось, размылось и исчезло, как исчезают круги на воде от брошенного камня. Инквизиция, представители орденов, Сестры Битвы, Ангелы Смерти и технобратья неожиданно и враз за один день покинули город, и чуть осмелевшие горожане осторожно выглядывали на внезапно опустевшие улицы, блестя льдинками затаенного страха в глазах.

Но почему так? И почему столь любопытные показания стражника второго класса были оставлены без всякого внимания? Ведь этот документ уже тогда был в архивах приората. Или не был? Но кто-то же допросил стражника, кто-то же занес его слова на эту необычно белую

бумагу?

И почему никто не начал розыск стражника и неизвестного, таинственно исчезнувшего из камеры? Знали же об этом, знали! И тот, кто допрашивал, и тот, кто вел протокол допроса и тот, кто, кто фиксировал отсутствие стражника на службе. И кто выписывал разрешительный ордер на допросную. И выдавал ключи. Слишком много человек, слишком много глаз — нереально надежно скрыть и стереть все следы и признаки.

Кстати, кто это, как его имя? Кто опрашивал? О, гнусный Покровитель и проклятые Господом приспешники его!

В бешенстве отброшенный лист плавно спланировал на пол, бесстыже светя протертыми скребком участками на месте имени и имен.

Значит, это точно подлог. Продуманный и умело осуществленный. Кто-то, неизвестный ему, но имеющий доступ в этот кабинет, вложил эти листы в общую стопку, чтобы подтолкнуть его, подсказать ему. Подтолкнуть куда и что подсказать? Что нужно искать неизвестного со связанными руками и мешком на голове? И где же его искать? В мастерских, в кузницах? А может это револьвист, винтовальник или солдат какого-то барона или виконта, ведь они тоже имеют дело с порохом и могут легко заполучить подобные отметины на руках. А уж высоких ростом и сильных мужчин там не счесть. Сколько уйдет времени и сил без всякой надежды на хоть какой-то результат? Дни, десятки дней или уж сразу не мелочась, месяцы? Нет, это глупо и бессмысленно. Только удача или чудо помогут ему. Но чудес не бывает.

Тогда может быть, ему необходимо расследовать убийство стражника? И как расследовать? Обыскать весь пригород и весь Нуэлльский лес? Заглянуть под пока еще недвижимый лед на самое дно реки? Спуститься в скромные размером городские катакомбы? Да-да, только об этом он и будет думать всеми днями. Ему опять же ему потребуется чудо, чтобы наткнуться на труп стражника на столь огромной территории. Ну а с чудесами и их существованием, уже определились.

Кстати, а почему он не задается другим вопросом и вопросами? Отчего так? Что этому помешало, что его отвлекло? Почему он не думает о том, кто подложил эти бумаги? Ведь если этот неизвестный станет ему известен, то...

То может он и узнает чье слово и чья воля — это расследование поручила ему. Поручила вдруг, по прошествии целых двух месяцев. И поручено оно ему, юному легату-следователю, а не более достойному и опытному любому другому отцу-инквизитору.

Вот только.... А стоит ли узнавать, и какова будет стоимость этого знания? Леонардо глубоко задумался размеренно, вышагивая от стены до стены и не услышал ни шум шагов приближающихся к его кабинету, ни скрип открывающейся двери.

— Милорд! Ваш обед!

Леонардо вздрогнул, резко развернулся на голос и скрип открывшейся двери. Ладонь упала на оголовье «парадного» кинжала, судорожно сжалась, и тут же расслабилась, стекла киселем пальцев с рукояти оружия. Он испугался! Какой позор! Пусть и на мгновение, но поддаться страху! И от чего? От голоса его доброго слуги?!

— А, Бруно! Это ты... Что, уже полдень?

— Да, милорд, полдень. Время обеда. И вот он, ваш обед, ваше сиятельство. Отварное мясо курицы с травами, тушеные овощи и подогретое виннское. И еще ягодный пирог — голос Бруно наполнился неприкрытым сомнением — Кухарка утверждает, что он с малиной, и что ягоды с ледника. А вода с родника.

Нет, не видел Бруно его испуга. Или «не видел».

Леонардо прошел к креслу, неторопливо убрал бумаги в стопки, ребром ладони подравняв края. Расстегнув стальные пуговицы, небрежно бросил одежду на широкий сундук. Усевшись в кресло, назидательно поднял указательный палец вверх и произнес скучным и пыльным голосом:

— Вступая же в лоно нашей матери Церкви, либо беря на себя временное бремя служения Ей, отринем же все мирские различия свои и будем именоваться лишь братом или сестрой, отцом или матерью. Тот же кто в Мире был высок положением и рождением своим, может просить и только просить, именовать себя монсеньор или же видам. Ты это забыл, Бруно?

— Это очень не нравится Его Светлости, вашему отцу, милорд. Он считает это принижением чести рода. Рода Раннийских владетелей. И это не нравится мне, вашему верному Бруно. Сыну великого герцога и его наследнику...

— Довольно! Замолчи, Бруно! Мне это надоело!

Голос Леонардо с капризными нотками грубо оборвал фразу крепко сложенного мужчины, с невероятно широкими плечами, длинными мускулистыми руками, наголо обритого и жемчужной серьгой в правом ухе. Еще у мужчины имелось три глубоких параллельных шрама на челюсти, спускающиеся на шею, как раз под серьгой. Словно кто-то когтистой лапой пожелал вырвать серьгу из его уха, но промахнулся. Обритая же голова скрывалась под фиолетовым платком плотной ткани с узлами, повязанным так, как вяжут на голову подобные платки «морские люди». На широком поясе мужчины висели три открытые кобуры с огромными, брутальными, без всяческой отделки, капсульными револьверами. Два шестизарядных монстра спереди, грузно свисают на бедра, третий же за спиной, стальным овальным кольцом завешанный в почти горизонтальное положение. Широкий проклепанный ремень скрипит и провисает под их тяжестью, тянет в овал кольца наплечных ремней. А наплечные ремни льются волнами по широкой груди, пересекаются на шерстяной ткани черной куртки полосами грубой кожи, уходят, расширяясь лопастями на плечах за спину, спускаются к поясу. И сильно отвисают вперед под тяжестью ножен с кинжалами, закрепленными рукоятями вниз и снаряженными барабанами для револьверов в специальных «кармашках». Левого широкого и короткого, почти тесака, и длинного правого, с сильно зауженным лезвием. Убрать еще полсантиметра и это будет стилет, а не добрый кинжал. На негласный запрет нахождения в приорате с оружием, мужчина плевал с самой высокой кампаниллы. Сапоги мужчины имели медную оковку носков и так же как нагрудные ремни, щеголяли начищенными бронзовыми бляшками. Из голенища левого сапога, из специально вшитого клина кожи, торчала костяная рукоять короткого ножа. С левого бока, чуть покачиваясь при его движениях, врагам Бруно угрожала острым конусным оголовьем тяжелая боевая шпага.

Благодаря всему этому колющему, режущему и стреляющему железу, вид мужчины имел невероятно брутальный и грозный, но какой-то ненастоящий, почти театральный. Словно опереточный злодей вдруг сбежал с подмостков убогого провинциального театра и теперь бродил в веселящейся толпе, в костюме и гриме, пугая своей воинственной бутафорией добрых людей.

— Все продолжаешь развлекаться, Бруно? Все персонифицируешь того персонажа из оперетты... Из этой, какой ее там?

— Благородная домуазель Анна и смелый «морской» рыцарь Фарлоу, милорд. «Любовь

в шпорм», авторства маэстро Лорртеро Маккулиани.

— Да, вот именно. Именно его, этого Маккулиани, который маэстро. Не надоело тебе еще это фиглярство? Выглядишь как наш шут на дне праздновании Победы на Весстских холмах.

— Нет милорд, мне не надоело. И вид мой мне нравится, прошу прощения за дерзость, милорд.

Сильные руки Бруно, аккуратно расставив блюда с едой, наполнили бокал из сосуда, обернутого несколькими слоями ткани. Легкий парок от еды и тяжелый, насыщенный аромат подогретого, настоящего виннийского, коснулись ноздрей Леонардо. Он не удержался, чуть наклонился к бокалу, еще раз втянул запах полуденного солнца, жаркого неба, налитых соком виноградных лоз, легкой дымки сжигаемых засохших отводок. Запах родного дома. Бруно тем временем переместился ему за спину, широкие ладони опустились на плечи Леонардо. Крепкие пальцы пробежались по мускулам плеч и спины скрывающимся под шелковой тканью рубахи. Чутко надавили, вначале осторожно, а потом грубо вмялись, с силой разминая трапециевидную мышцу, потянули на себя и вверх дельтовидные.

— Ох! Прекрасно, Бруно! Продолжай!

— Благодарю вас, милорд. Рад вам служить.

Отрезать кусочек мяса птицы, тщательно разжевать, подцепить двузубой вилкой нарезанное... Или нарезанный? А, не важно! Какой-то местный овощ. Подцепить с горкой глубокой ложкой тушенное нечто из овощей. Запить все это небольшим глотком вина. Чудесно, превосходно! Повторить.

Чуть насытившись, Леонардо, аккуратно протер уголки губ, положил приборы на край блюда, взяв в руки бокал с вином, на пол сектора клепсидры повернул голову влево:

— И все же, Бруно? Мне интересно — сколько ты еще будешь пугать своим видом несчастных горожан и добрых братьев приората? На тебя жалуются.

Крепкие пальцы на мгновение замерли и вновь продолжили разминать мышцы плеч Леонардо. Негромкий хмык и голос Бруно чуть изменился, в нем появились забавные, смущающиеся нотки, речь его неожиданно огрубела и упростилась до лексикона портовых грузчиков и неграмотных подмастерьев:

— Ну они, милорд, тут... То есть людишки местные, милорд. Они такие пугающиеся всего. И очень забавные. И еще, милорд.... Женщины... Местные женщины.... Они, когда видят меня, такого, всего прям воинственного, милорд.... То, это, сами они ко мне, и я даже ни сантима...

— Все, все, хватит! Замолчи Бруно! Хватит смешить меня, разговаривая как простец! — Леонардо громко рассмеялся — Хочешь ходить обвешанный оружием как Ель Зимнего праздника, так ходи! Тем более, женщины!

Женщины! Ну куда же без них! Ох, Бруно, Бруно.... Уже сед как луна, уже четыре сына внебрачных на стороне да две дочери, это точно известно, а сколько неизвестных? Все жалованье уходит на любовниц и бастардов от них, но все никак не угомониться! Как отвечал отец любимой матушке на ее жалобу об очередном приставании Бруно к ее служанкам: «Этого жеребца только смерть остановит или же острый нож лекаря! Но умирать ему без моего дозволения нельзя, а скопцы мне в слугах не нужны! Так что, дорогая, пусть его, пусть резвиться! Мне нужны хорошие солдаты!».

Леонардо негромко фыркнул, вспоминая очень рассерженное и возмущенное лицо милой матушки грубоватым ответом отца и запил терпким вином улыбку и кусок

прожеванного мяса. И еще кусок этого, неизвестного ему овоща.

— Ваше сиятельство?

— Мм-м... Да, Бруно?

— Развеяться бы вам, милорд.

— Развеяться, Бруно? Что ты подразумеваешь под этим выражением, неграмотный простец? Где ты это услышал? На пашне? — Леонардо открыто веселился, Бруно сохранял заботливое и участливое выражение на своем лице. Оно, это выражение, ему не шло совершенно.

— Отдых от ваших дел, милорд. Небольшая лесная конная прогулка. Затем стрельба из ваших великолепных револьверов по вороньим гнездам. Звон клинков, скрещенных в *imbrocata*, шаги по снегу, переходы в *la guardia di seconda*. А затем холодное пиво или кислое разбавленное вино в местном трактире, сочный жаренный поросенок на столе, вот только-только с вертела. А может и какая привлекательная служанка вам подвернется, милорд. Или чья-то юная дочка — мельника там или трактирщика. Два полновесных флорина, уютная комнатка наверху, опытность и умение, а может и неожиданная невинность. Милорд?

— Ого, Бруно! Да ты просто поэт!

— Можно и бард и маэстро поэм в одном лице, милорд. Все как будет угодно вашему сиятельству.

Леонардо коротко пробарабанил кончиками пальцев по столешнице, резко сжал кулак:

— Развеяться, говоришь. Пострелять? Из моих лучших во всей империи револьверов? Симпатичная служанка? Вкусный жаренный поросенок? А почему бы и нет, Бруно? Почему бы и нет?

Он задумчиво сделал глубокий глоток из толстостенного стеклянного бокала. Поморщился. Фу, пить отличное виннское из вульгарного стеклянного бокала! Не из хрустального, на тончайшей ножке, тонкостенного фужера! Какой стыд! Чуть свел брови к переносице, прикидывая и просчитывая.

— Хорошо, Бруно! Развеемся! Готовь лошадей и оружие, но не с рассвета, а к восьмому удару колокола. Я хочу выспаться.

Леонардо с ненавистью покосился на правую стопку протоколов — работы тут до первых звезд, раньше он точно не закончит. Поэтому, отдохнуть ему крайне необходимо!

Глава вторая.

О конных прогулках, холодном снеге, дестрезе, о мерах безопасности при стрельбе из револьверов и неожиданной встрече на тракте.

Когда уже преодолели утреннюю толчею у ворот и вынеслись рысью на пустой участок главного тракта, Леонардо вдруг резко натянул поводья, осаживая своего скакуна. Гнедой жеребец, носящий гордое имя Инвиктус, Неодолимы, злющий и с отвратительным характером, затанцевал, пошел боком. Злобно загрыз удила с возмущенным храпом и недовольным взвизгиванием, но сильный хлопок ладонью между его ушей усмирил начинающийся бунт.

Леонардо развернулся в седле, вскинул ладонь к глазам, прикрывая их от яркого света утреннего солнца. Тогда, две недели назад, они въехали в город ночью и в свете коптящих факелов и редких масляных светильников он почти ничего и не разглядел.

А на город стоило посмотреть, город Нуэлл был невероятно красив. Аккуратен высокими стенами из белого камня, строен тонкими линиями надвратной и угловых башен, пышен широким барбаканом, с толстым самодовольным бруствером наверху, скалящегося острыми зубцами и горд острыми шпильями башен и кампанил. Здания соборов, ратуши и дворца Наместника возвышались над угрюмо-тяжеловесными стенами города, упрямо пытаясь взлететь в невероятно чистое весеннее небо, плавясь яркой киноварью черепиц крыш-крыльев, искрились бесценными бриллиантами стекол узких стрельчатых окон, остужая теплый весенний воздух холодом мраморной облицовки стен. А блистающие под солнечными лучами жестяные флюгера в виде рыцарей и сказочных существ хранили покой города вместе с грозными львиными мордами сливных желобов домов.

И еще город Нуэлл был очень зеленым и ярким. Цветущим. Не сейчас, разумеется, в самом начале весны, а на пике лета. Сочен зеленью стройных кипарисов — и как они только растут в таком холоде? — кипенно бел невесомым пухом тополей, робко-нежен редкостью изумрудных пихт в аллеях.

Город был ярок и одновременно темен кустарниками, кустами, бесчисленными цветочными клумбами и мириадами горшков со цветами, что стояли у дверей в дома добрых горожан. Гроздьями свисали на грубо откованных цепях и веревках. Теснились разноцветной толпой на подоконниках. Гордо, а где-то и высокомерно, возвышались на опорных столбах ворот и даже, по-простому, до хамской наглости, разваливались на брусчатке мостовой. Везде и всюду. И когда всадник, держащий поперек седла мерный шест, проезжал по улицам города, то его сопровождал грохот разбиваемых горшков и густой запах сырой земли. А возмущенным и недовольным горожанам стража тыкала в надпись на соборах и ратуше: «Diz ist die masze des uberhanges» — «Вот мера, допускающая навесы или выступы». Те же кто был без ума и наглел и упрявился, платили штраф городскому совету. А особо крикливые да и не очень умные, помимо штрафа подвергались порке плетью или вымоченными розгами в зависимости от настроения фогта-покровителя — договорного градоправителя. И жаловаться на городском вече — placitum legitimum — на причиненные обиды и ущерб мощне смысла не было. Вот таков городской закон непреклонно и неумолимо исполняемый бургомистром и ратманами. Наместник Императора же в сии мелкие дразги не вмешивался.

Славный, славный город Нуэлл, жемчужина Фаттонской провинции, роскошный цветок

в триумфальном венке Фаттонского герцогов!

И, скорее всего, не горожанину, неместному и непривычному, очень трудно было в первые дни спать, быть, жить тут — сильно болела голова от этой невероятной какофонии запахов цветов, распускающихся бутонов и юной завязи. Ну и пыльцы.

Откуда он все это знает? Читал, слушал рассказы путешественников посетивших сей город, рассматривал картины, наброски, зарисовки. Некоторые были весьма неплохи — сочные и яркие, выпуклые богатыми мазками масляной краски, но все же выполненные рукой ремесленника сердце они не трогали.

Да, летом тут невероятно красиво. А пока, ранней весной, когда снег еще почти повсюду лежал душным толстым одеялом, город Нуэлл строжился, словно любящий дед на шалости внука. Мрачнел проемами редких и ныне бесполезных машикулей на стенах, бездонной тьмой бойниц и тихо лязгал холодным железом опускающейся решетки в своде портала ворот.

Кстати, все городские ворота имели тут цветочные названия — Врата Розы и Гвоздики, Пиона, Тюльпана. А городской причал на берегу реки Нуэллы, безо всякого стеснения именовался причалом Цветущего Шиповника. Улицы же были Зелеными, Цветочными, Распускающимися и прочими и прочими изысками буйной фантазии жителей на тему флористики. И никак не Булочными, Кожевенными, Рыцарскими, улитарными и скучными названиями как в других городах, чем весьма гордились местные жители. И за эту невместную им гордость, горожане Нуэлла часто были биты соседями при случайной встрече в придорожных трактирах и имели на себе обидное прозвище «цветочников». Некоторые же храбрецы или безумцы сокращали данное прозвище до «цветочков» и тогда эти стычки редко обходились без крови. А то и пара или тройка трупов с расколотыми черепами или проткнутыми брюхами образовывалась. Добрые и богобоязненные горожане Нуэлла не были совсем уж жалкими и трусливыми, как о них поносили злые языки.

— Милорд?

— Не мешай, Бруно!

Леонардо перебросил левую ногу через луку седла, уложил на колено раскрытый планшет, занес над закрепленным тонкими ремешками листом бумаги стилус. Инвиктус стоял как вкопанный, не тропил землю копытами, даже не вел боками и головой не мотал, лишь изредка мелко вздрагивал, раздувал ноздри и косил выкаченным лиловым глазом на замершего всадника. Чудной выучки жеребец!

Линия, штрих, волнистая дуга, острые углы ломанных линий. Сброшенная, не глядя куда, перчатка — подберут! — большой палец стремительно растирает в пятно жирную угольно-черную линию.... Еще штрихи, еще линии... Наконец, невесомо летающая над листом рука постепенно остановилась, замерла расслаблено.

Леонардо отнес рисунок от глаз, насколько позволяла длина ремня планшетки. Неплохо, неплохо.... Вот тут чуть поправить, тут стереть... И город Нуэлл заживет на листе бумаги своей новой жизнью, жизнью запечатленного мгновения.

Планшет развернулся лицевой стороной к Бруно. Франсуаз и Пиллини подались вперед, вытянули шеи, стремясь разглядеть рисунок из-за его спины.

— Ну и как тебе, Бруно? Довольно похоже? Да? Или нет, не очень?

— Ваше сиятельство все как всегда — превосходно! И этот рисунок достоин украсить Южную галерею, как и все остальные ваши рисунки, милорд. Милорд, вы же знаете сами, что у вас талант. А маэстро Гинэльо именует вас гением, милорд.

— Ну-ну, Бруно! Льстишь ведь!

— Милорд! Да как можно? Я говорю только правду о вашей светлости!

И столько в одном лишь слове было воплощено праведного возмущения и оскорбленности, что Леонардо даже немного смутился и почувствовал, как налились еле-еле чужим жаром кончики ушей. Лесть приятна всем. А откровенная вдвойне. И тут же гонимко воскликнул, скрывая внезапное смущение:

— Так, и чего же мы ждем, мои славные домуазо?! Вперед! Вперед! Хей-хей-хей!

Взметнулась мерзлыми комьями выбитая подковами коней земля, громко звякнула их сбруя. Вторя ей хищно лязгнуло смертоносное железо на перевязях, и испуганный взгляд и сухой плевков в спины какого-то толи мелкого купца толи лавочника, проводили стремительно удаляющуюся четверку грозных всадников.

— Милорд, еще половину лье и вон там, за кривой елью, будет отличная поляна, чтобы позвенеть клинками.

— А вороньи гнезда, Бруно? Ты обещал мне стрельбу по гнездам!

Бруно коротко оглянулся на Франсуазо. Тот чуть шевельнул коленями подавая коня вперед и ближе, склонил голову, качнув широкими полями местной шерстяной шляпы с круглым верхом. Дурацкий фасон, кстати, словно к перевернутой миске приделали тележное колесо. Но тепло хранит отлично и в дождь неплохо.

— Ваше сиятельство, гнезда чуть дальше, почти на пять лье — раскатистый бас Франсуазо сочным рокотом наполнил тишину пустой дороги, заставив испуганно взлететь мелких пичуг — За мостом Утопленников вороньи гнезда, милорд. Пустырь там или покос, а сразу слева и сама роща. С гнездами.

Когда он говорил, то смешно дергал правым глазом, вздувал щеки и топорщил густые усы, подкрученные вверх. Неизлечимый *timidus tic*, тик нервический от удара сильного происходящий.

Леонардо задумался. Если сейчас провести на поляне тренировочную схватку, то потом руки будут дрожать от усталости и о никакой прицельной стрельбе речи быть не может. Тем более из револьверов. А если вначале ехать стрелять, то время... Время...

Леонардо извлек из внутреннего кармана кожаного колета часы, чудо механики, вышедшее из-под рук технобратьев, звонко щелкнул крышкой выпуская на волю мелодичный перезвон хитрого механизма. А время-то уже ближе к позднему утру, они растратили на дорогу времени больше чем он загадывал. Проклятье! Ведь поздним вечером этого дня ему придется долго сидеть за составлением очередной докладной — поленился, отложил на потом. И на это тоже нужно этой неощутимой, но всегда недостаточной субстанции — времени. Довольно много времени. Краткие докладные, по сути записки-отписки, канцелярией инквизиции воспринимались крайне негативно. А пиво? А жаренный поросенок? Пять лье до вороньих гнезд? Нет, в пасть к Совершенным эти гнезда!

— Бруно, мы сворачиваем с дороги! И стрелять будем тут, на поляне. Ткань взяли? Отлично! Франсуазо и Пиллини, вы знаете что делать! Да-да, готовьте мишени! А мы пока... Бруно! Ты как-то хвастал, что всё-таки отработал в совершенстве тот сложный вольт, что демонстрировал нам дома маэстро Ферро.

— Да, милорд. И я готов это подтвердить.

— Отлично, Бруно, просто прекрасно! Тогда начнем сразу, не будем терять время.

Леонардо спрыгнул в ноздреватый снег, провалился почти по взъём высоких кавалерийских сапог, брошенные поводья ловко подхватил Пиллини свесившись с седла.

Бруно тем временем уже звенел бронзой пряжек крышки оружейного чехла, извлекая из его темных глубин тяжелую боевую шпагу, превосходный немецкий reitschwert и парную ему дагу. Оружие Леонардо.

В Немции, в шахтах, была отличная руда, давние традиции и отличные мастера. Из рук немецких мастеров выходило отличное клинковое оружие и даже технобратья держали аж целых три представительства своего ордена в Немции, перенимая умения и знания, пользуясь услугами местных мастеров, мастерских и фабрик.

Леонардо вынул из колец перевязи свой легкий граненный, «гражданский», small sword, положил на расстеленный на снегу широкий кусок кожи. Принял из рук Бруно боевые клинки с уже надетыми на них защитными чехлами из прочной выдубленной кожи со стальными вставками-спицами. Сделал несколько коротких пробных взмахов и не глубоких выпадов, привыкая к их весу, заставляя руки «вспомнить» и разогревая мышцы.

Два шага влево, один короткий назад, три коротких, почти приступных, тесных в ступнях, вправо. Ни в коем случае не прямо, не линейно, не на противника. Маэстро Ферро, страстный, фанатичный и негибемый никакими авторитетами приверженец испанской доктрины фехтования, вколотил это в Леонардо на уровне рефлексов. Буквально, тростью или учебным смоллом.

«Вы не бык милорд! Вы не африкаский носорог! Вы кобра, вы королевская змея, вы леопард, вы лгун и обманщик! Грудью вы будете встречать лишь старуху с косой, когда окажетесь на смертном одре! А пока вы учитесь у меня, то вейтесь ветром, лейтесь водой! Повторить сто раз fendente! Удар в dritto, удар в rovesro! Двигайтесь как молния, милорд! Не спите на ходу!».

Снег скрипел, мялся, мятыми комьями рыхлился под толстыми подошвами сапог, взлетал тяжелыми хлопьями. Мышцы разогрелись, руки двигались все быстрее и быстрее, кисти рук крутили, вращали, опускали, поднимали, стремительно вели по дуге тяжелые клинки все легче и легче. Без натужного преодоления, сухих неприятных щелчков в суставах и тянущего неудобства в жилах.

Секунда, финт, пара мулине и сразу же переход в сексту, в шестую позицию. Контратака, защита. Вертикальный взлет клинка вверх от бедра — дерзкая stoccata — укол снизу, атака, укол, рез, переход на левый угол, проход по средней части воображаемого круга, выход на позицию кварта. И глубокий выпад вперед. И тут же жалкая пародия на sqvalembrati, на диагональный, от плеча к боку удар.

Правая нога не нашла под собой опоры, провалилась в пустоту, вынуждая Леонардо упасть на колено. Какая-то наглая птица громко и трескуче щелкнула, словно насмехаясь над ним. Короткой болью ткнуло где-то в районе ключицы и плеча. Леонардо болезненно поморщился — очень плохо, все же недостаточно разогрелся, так и жилы можно надорвать! Тяжелый Reitschwert ошибок не прощает, это не смолл, легкий учебный клинок. Тут, у него в руке, ровно один килограмм и семьсот грамм в правой и девятьсот грамм в левой руке, что не позволяет беспечно относиться к своим передвижениям и работе рук с клинком. Снег, снег, снег под ногами. Весенний, рыхлый, ноздреватый. Одновременно подтаявший и замерзший. Предательски обманчивый вроде бы ледяной нерушимостью наста и тут же он неожидан гранитной крепостью вьюжного намета. Не отскобленные песком до желтоватой белизны широкие доски пола зала для фехтинга, не речной песок тренировочного манежа. Тут нужно предчувствовать, предугадывать, куда и как ты ставишь ногу. Ступать мягко, как дикий кот, твердо вминая в подножье подушечки лап со спрятанными когтями.

Но постепенно он разогревался, двигался все легче и быстрее. Все, что все, получалось у него все лучше и лучше. Тепло тела, копившееся под плотной кожей подбитой мехом длиннополой куртки застремилось на свободу, на холод, побуждая скинуть куртку, снять, охладить разгорячённую кожу. Проходимые Леонардо круги, углы и кресты дестрезы, переходы из позиции в позицию все быстрее и сильнее гнали горячую кровь по венам и артериям, даруя ощущение стремительности и мощи в руках и нерушимой твердости в ногах. Это заставило его немислимо быстро развернуться назад с одновременным шагом вперед и громко вскрикнуть:

— Хээ-эй! Бруно! Эт-ву прэ?!

— Да, милорд! Я готов!

— Ангард, Бруно! Алле!

И взвились черными молниями клинки к синему бескрайнему небу. Глухо столкнулись плоскостями, заскользили змеиной волной, стремясь вырвать соперника из руки владельца. Хитрым финтом обмануть, батманом перевести удар противника в свой укол, в наглый, размашистый, только с виду, продольный рез по груди. Мгновенный выпад сменялся молниеносной атакой, обманное движение или контрзащита превращалось в разящий удар. Вихрь, смерч, ураган стали, небесные разящие молнии острых жал клинков. Песня, поэма, ода стали. Вот что такое дестреза, высокое искусство фехтования!

Горячее дыхание уже не вырывалось клубами изо ртов бойцов, оно превратилось в легкую туманную дымку, обволакивающую стремительно перемещающиеся темные силуэты. Размытые в движении, дрожащие маревом еле различимых быстрых атак и отходов.

Леонардо наслаждался. Его тело двигалось словно хорошо смазанный и отрегулированный механизм. Ни малейшей задержки, ни единого промедления! Он плыл, он танцевал, изобретая новые па прямо на ходу, в движении. Он рисовал, он творил картину боя, словно тяжелый клинок по его желанию неведомо как превратился в невесомую кисть. И он побеждал, он выигрывал. Он заставлял Бруно все чаще и чаще уходить в защиту, отступать. Прерывать начатую атаку, двигаться все медленней и даже один раз ошибиться. Не смертельно, легко, но хищная улыбка торжества все шире и шире раздвигала губы Леонардо, превращаясь в оскал хищника загнавшего добычу. Сердце билось все быстрее, взгляд словно предугадывал движение противника и в какое-то мгновение Леонардо понял — вот, именно сейчас!

Секта, выпад, вольт с переходом на отвод клинка Бруно дагой и укол! Прямо в сердце!

— Альт, Бруно!

— Ми... милорд.... Вы... — голос Бруно хрипел, его грудь взымалась и опадала вздуваемыми кузнечными мехами, руки... Да у Бруно дрожали руки!

— Стареешь, Бруно!

— Да, ваше сиятельство.... — Бруно оперся на шпагу, зубами стащил перчатку с руки, по-простому оттер ладонью пот с раскрасневшегося лица, стряхивая горячие соленые капли на взрытый сапогами снег.

— Время не шадит.... Уф-фф... Не шадит никого, милорд.

— Ну-ну, Бруно! Не стоит! Ты все так же силен, быстр и умел! Всего лишь один пропущенный укол, Бруно! Всего один!

— Смертельный, милорд. Смертельный укол.

— Да, Бруно. Смертельный...

Леонард довольно улыбнулся, легко встряхнулся, передал шпагу и дагу рукоятями

вперед Бруно. Повел плечами, коротко огляделся, несколько раз прошелся по истоптанному снегу, глубоко вдыхая и долго, затажно выдыхая, успокаивая внезапно сбившееся дыхание. Отлично, хорошо, прекрасно, великолепно! Действительно, пора, пора было ему выбраться из духоты допросных и сухого пыльного воздуха кабинета. Пора было развеяться. Бруно молодец, вытащил его из сих мрачных казематов. Самый верный, самый умный, самый нужный слуга. Нет, лучший слуга! Да, так правильно! Лучший!

— Милорд? — скрадываемый далеким бас Франсуазо отвлек от кратких мыслей — Милорд, ваши мишени готовы.

Леонардо посмотрел на дальний край поляны — действительно готовы. Из срезанных ветвей навязаны неровные овалы, на овалы натянута истрепанная серая ткань, на ткани углем линии прямых крестов. Вверху крестов что-то вроде круга изображающего голову, даже есть две еле видимые точки обозначающие глаза. Для скорой руки и отсутствия нужного материала довольно неплохо. Леонардо прищурился, меряя взглядом расстояние, усилил голос до громкого выкрика:

— Сколько шагов? Шагов двадцать, Франсуазо?

— Ровно двадцать три до вашей светлости. Если желаете дальше, милорд, то...

— Нет, этого расстояния мне достаточно для стрельбы.

Франсуазо коротко поклонился и отошел в сторону от мишеней прячась за толстым телом одинокого дуба.

Пиллини одновременно с уходом Франсуазо наклонился к расстеленному на снегу куску кожи, поднял с него два револьвера из мастерских грандмейстера Грольта и подал их Леонардо рукоятями вперед.

Два револьвера работы грандмейстера Грольта. Простые слова, простак подмастерье, поднявшийся к почетному званию Грандмастер, к преклонению и подражанию его особе, к сонму учеников от наковальни сельской кузницы. Гений, мастер, повелитель металла!

О, это было волшебное оружие! Не громоздкий перебокс с пятью или шестью стволами, не кремниевый револьвер с подпружиненной камерой и даже не недавно изобретенный шпилечный и не самый новый, принятый на вооружение в Чистом году Ангелами и Дочерями, капсульный. Это прекрасное оружие скрывало в матовых камерах своего барабана еще одно гениальное изобретение мастера Грольта — цельные стальные патроны. Толстые цилиндрики с зауженным в «цветок» дульцем гильзы золотились самодовольно выступавшими с торца точками капсуля. Они бережно хранили в своих телах от влаги «жемчужные» гранулы пороха и злились на тупорылые куски свинца, запрессованные в них, неистово желая, как можно быстрее избавиться от инородного тела.

Изготавливался каждый патрон почти вручную, как и сам револьвер, и стоил такой боеприпас, как и само оружие невероятных сумм. Почти золотом по весу. Но оно, это оружие, того стоило. Даже если бы просили за него в два раза больше.

Оно стреляло ровно семь раз, оно имело монолитную рамку, оно самовзводилось механизмом двойного действия, не требуя взвода курка! Оно имело семь левосторонних нарезов в стволе и прекрасный точный бой. А как эти револьверы перезаряжались, как перезаряжались! О, это была просто поэтическая ода скорости перезарядки и удобству!

Раз — шомпол извлекается из оси барабана, проворачивается на держателе, в результате чего оказывается напротив камеры барабана. Два — откидывается вниз дверца, закрывающая правую сторону заднего торца барабана. Три — открывается донце гильзы расположенного в камере патрона. Четыре — путем нажатия на торец головки шомпола

выталкиваются горячие и дурманяще пахнувшие сторевшим порохом цилиндрики. Четыре — звонко встают на пустое место их новые братья. Пять — сыто и довольно клацает дверца насытившегося патронами барабана вставая на свое место. Все, можно снова стрелять!

Леонардо выбрал левый револьвер. Откинул дверцу, провернул барабан, оглядывая округлости капсюлей на донце гильзы— в центре ли, не повреждены ли? Со звонким щелчком закрыл. Плавным движением быстро вскинул оружие на уровень глаз, совместил высокую мушку и целик на приподнимающейся планке на одной линии — все это тоже изобретение грандмейстера!

Дат-ц! Дат-ц! Дат-ц!

Грохот выстрелов разгоняет всю живность вокруг поляны. Рождает эхо и звенящую тишину в миллисекундных перерывах.

Широкий шаг лево, уход от белых, густых клубов дыма. Выбор следующей мишени. Еще три выстрела в мишень, что чуть выше других, последний выстрел в крайнюю. Ловкий проворот револьвера на пальце, рукоять опустошенного револьвера через мгновение смотрит в сторону Пиллини и тут же исчезает, а вместо нее тычется в раскрытую ладонь рукоять заряженного.

Дат-ц! Дат-ц-ц! Дат-ц-ц-ц!

Эхо выстрелов широко гуляет по лесу, блуждает между стволов деревьев, путается в голых ветвях кустов. Недовольно и голодно лязгает боек револьвера, нет больше для него пищи. Леонардо так же не глядя сует револьвер слуге:

— Перезаряди!

Шагает к мишеням чуть увязая в снегу, не отпуская взглядом куски ткани с лохматыми дырам.

Неплохо! Девять попаданий точно в неровный круг с точками-глазами. Три в центр воображаемой груди. А вот два попадания в пустой низ и вверх мишеней. Рука дрогнула, смазался выстрел. Но все равно, все равно неплохо!

— Франсуазо! Уголь!

— Я вас понял, милорд!

Леонардо возвращается с полпути к огневому рубежу, туго подтягивает шнуровку сапог, задирает воротник куртки, снимает шляпу, оставаясь с непокрытой головой. Туго обхватывает ремешками и затягивает раструбы перчаток — если снег и попадет, то немного. Бруно протягивает головной плат с уже готовым, только затянуть, узлом. Складки плата прихвачены грубыми стежками черной нити — работа рук мужчины, не легких пальчиков швеи. Ладони обхватывают рукояти револьверов. Вдох-выдох, вдох-выдох. Азарт внутри кипит жаркой волной. Волнующее и тревожное сомнение как на романтическом свидании — получится сегодня улучшить результат или нет, будет ли к нему благосклонна госпожа Удача? Не напрасны ли долгие часы тренировок и не в пустоту ли им брошено полновесное золото флоринов?

Мастерства мало, мастерства недостаточно, он всего лишь пятый раз пытается повторить показанную ему стрельбу с двух рук. Показанную случайно, на заднем дворе трактира, за один флорин грязной дармутцкой чеканки в качестве ставки. О, вот там было мастерство, вот там был опыт. И из чего? Из кремниевых револьверов, со взводом курка о локоть! Но как стрелял тот наемник-револьвист, не назвавший своего имени, хам и грубиян, с дурацким прозвищем Локоток! Как он стрелял! В падении, в передвижении, лежа, двигаясь, стоя. Леонардо запомнил все его движения, все шаги, все стойки в мельчайших

подробностях, а потом перенес запомненное на бумагу в скупых линиях рисунков. Сможет ли и он когда-то так стрелять? Сможет! Он сможет! Главное верить в себя и оттачивать движения, набирать опыт и умение. Когда-нибудь и он поразит этого безымянного стрелка!! Леонардо вскинул револьверы к плечам — готов!

Шаг вправо и револьвер с продольной царапиной на стволе смотрит бездонной тьмой ствола в центр мишени — в голову не попасть, даже не стоит и пытаться, левый в опущенной руке ждет своей очереди. Выстрел! Падение на колени, руки скрещиваются в упор, выстрел, выстрел. Отдача толкает назад, Леонардо ей не сопротивляется, переводя падение в кувырок через спину. Револьверы плотно прижаты к груди, холод не успевает догнать разгоряченное тело. Колени проминают снег, поза «раскаивающегося». Вновь «крест» и выстрел, выстрел, выстрел! Опять кувырок, на этот раз вбок влево. Перелив тела в стойку стрельбы с одного колена — выстрел, выстрел! Встать в полный рост, шаг влево, присесть непристойно, словно жаба готовая к прыжку — выстрел, выстрел. Два широких шага в сторону низко пригнувшись, резко упасть и опереться на колени. Револьверы поочередно извергают из вороненных стволов раскаленные кусочки свинца, короткие снопы пламени, рваные клубки дыма. Контролируемое падение на правый бок, переворот и лежа с упором на локти добиваются два последних патрона. Все. Револьверы разряжены. И напряженная тишина на поляне. Ее можно резать ножом, накладывать тяжелыми ломтями на блюдо и вкушать мелкими кусочками, чуть касаясь несуществующего блюда малой частью ушных раковин. Но никто не жаждет такого обеда.

Леонардо медленно, даже нарочито лениво поднялся на ноги. Револьверы горячей тяжестью тянули руки вниз, не хотелось ни крутить их на пальцах, ни отдавать Бруно, пока он... Пока он не узнает результат своей стрельбы.

— Эй, Франсуазо! Ты там жив?

— Да, ми-милорд! — блестящий от пота блин широкого, усатого и даже отсюда видимого странно-бледного лица Франсуазо показался из-за ствола дуба. И голос его слаб, хрипящ и еле-еле слышен на таком расстоянии. Где он потерял свой рокошущий бас?

— Я-я... В порядке... Ми-милорд.

В порядке? При чем тут он и порядок? Что может быть не в порядке? Мишени упали? Вроде бы нет — все плетенные овалы на месте. Леонардо недоуменно перевел взгляд на Бруно, вопросительно поднимая бровь.

И Бруно мгновенно сорвался с места взрывая снег стремительными шагами. Пинелли лишь не более чем на секунду задержался. Но они не успели и уже не успевали — Франсуазо неловко вышагнул из-за дуба, медленно опустился на колени, а потом как-то безвольно осел, заваливаясь вперед лицом в холодный снег.

Леонардо сперва удивленно смотрел на упавшего слугу, суматошную возню вокруг него Бруно и Пинелли, перевел взгляд на револьверы, потом поглядел на свои следы на снегу и глубокие вмятины от своих кувырков. Понимание произошедшего еще не пришло, не сформировалось в кристальную истину, но слабый отблеск догадки уже был. Так, вот тут он делал «крест», а вот тут стрелял с колена. А вон там он двигался пригибаясь влево. Двигался влево?

Леонардо сделал несколько коротких шагов в сторону, бросил короткий взгляд на сгорбленные спины Бруно и Пинелли. И все понял.

Демоново проклятье! Ангелово дерьмо! Тупой идиот! Вот зачем?! Для чего?! Зачем этот кретин вылез из-за дерева?

Леонардо сильно прикусил губу, переносицу прорезала тяжелая складка. Первый шаг он делал медленно, затем все быстрее и быстрее. Когда он оказался напротив куска кожи с выложенными на нее патронными ящиками и кобурами револьверов, он почти бежал.

— Бруно? Что с ним?

— Все, милорд. Отошел — Бруно сильно сдвинулся в сторону, открывая взгляду Леонардо мраморно-белое лицо Франсуазо и два широких бордовых пятна на его груди и левом боку обрамляющих вспоротую пулями ткань теплого кафтана.

— Франсуазо, наверное, зачем-то высунулся из-за ствола дерева, милорд. Словно сам Совершенный толкнул его под руку. Та самая глупая нелепость, милорд. Посмотреть, наверное, хотел. Ну вот и посмотрел.

Леонардо чуть наклонился вперед, пристально всмотрелся в лицо Франсуазо будто что-то пытался прочесть в остекленевшем взгляде слуги, негромко произнёс:

— Такая нелепая, глупая смерть. Наиглупейшая смерть.

Он чуть помолчал и повысил голос:

— Я отпишу родственниками и кептену Марко, что он погиб от рук разбойников. На... На мосту Утопленников. Да, так будет лучше для него — героически погиб, преследуя напавших на нас негодяев и подлых мерзавцев.

Леонардо сделал короткую паузу и закончил:

— И приложу к письму вексель нашего банковского дома. Для его семьи. У него же есть семья, Бруно?

— Да, милорд! Хранит вас Бог, милорд! Трое детишек у него. Милорд — это так...

— Не стоит, Бруно! Пиллини, перезаряди револьверы. Не сейчас — когда закончите с телом.

— Слушаюсь, милорд.

Леонардо передал оружие в руки Пиллини и развернулся к мишеням. Прошелся вдоль развешенных овалов скрипя снегом, критически оглядел натянутую ткань и угольные метки, вновь прикусив губу.

М-да-а-а... Жалкий результат. Всего шесть попаданий! Ровно половина пуль мимо! А те что попали... Леонардо досадливо скривился — два попадания в самые верхние края мишеней, остальные четыре ну чуть-чуть ближе к центру. Да, учиться ему еще и учиться! Но он все равно научится! И превзойдет того стрелка с дурацким прозвищем! Или он не Леонардо Мауриччи де ла Маттэо де Франко Раннийский! Кстати, а во Франсуазо он метко попал — так что не шесть более-мене точных выстрелов, а все восемь. И два из них смертельных! Не все так плохо, не все так плохо...

Но в трактир с их скорбной ношей они заезжать не будут, это точно, и жаренный поросёнок вместе с доступными подавальщицами, симпатичными и юными дочками мельников сегодня не удостоятся его внимания и благосклонности. Очень жаль. Какой все же болван этот Франсуазо! Ну тогда... Тогда он съест кусок воздейского сыра, пару колбасок, глотнет немного вина из фляги и поупражняться со шпагой еще раз, пока Бруно и Пинелли возятся с телом. А почему бы и нет?

— Бруно! Где воздейский сыр и колбаски?

Когда они закончили хлопотные сборы и наконец-то увязали тело Франсуазо на седло — его кобыла не давалась, храпела, роняла пену и дичилась от запаха крови, был уже четвертый час после полудня. Легкое недовольство Леонардо непредусмотренной задержкой оформилось в сочащееся ядом раздражение, окончательно похоронив под собой жалкие

остатки хорошего настроения от конной прогулки. Да еще при повторной тренировке перехода на третью позицию с контратакой, он неловко споткнулся об корень, и теперь тупая и ноющая боль в голеностопе бесила и выматывала нервы. Так что, когда они почти уже вымахнули с поляны на тракт и столкнулись взглядами с подозрительной тройкой всадников в темных плащах, то Леонардо не стал себя сдерживать громко и зло выкрикнув:

— Consto! Именем Святой инквизиции, остановитесь! Кто вы такие и куда...

И он даже ничуть не удивился и не изумился, а скорее как-то по-детски обрадовался, когда пола плаща всадника с краю резко откинулась в сторону, являя на свет уже заряженный малый двухдуговой пехотный арбалет.

Глава третья.

О головной и телесных болях, вернувшихся воспоминаниях, странных голосах в голове, тайном лекарстве от предков и о том, что себя не надо бояться — это бессмысленно и бесполезно, от себя не убежать.

— Который час, Бруно?

От звука слабого голоса Леонардо ссутулившееся в кресле тело Бруно по-собачьи встряхнулось, глаз задремавшего слуги широко распахнулся, обжигая излучаемым пылом нешуточного волнения, переживания и нескрываемой радости. Второй его глаз, правый, прятался под широкой повязкой из белой ткани с редкими темными каплями. Это кровь? Да, точно кровь.

— Ваше сиятельство! Вы очнулись! Слава Господу! Радуйся Мария, благодати полная.... Милорд, ваше сиятельство! Лео, мальчик мой! Ох, простите, милорд! Что, что у вас болит, ваше сиятельство? Голова болит? Мне позвать лекаря?! Я сейчас! Вы только велите! Мэтр Нинно тут, я его сейчас, я мигом!

— Заткнись, Бруно!

Леонардо хотел строгим окриком оборвать сбивчивую речь слуги, но не вышло — в горле запершило и вместо четких слов из его уст вырвался лишь жалкий хрипящий шепот. Но этого хватило — Бруно мгновенно замолчал, словно смуглый эмирский палач одним движением отсек ему язык. Он вывалился из кресла и упал на колени перед ложем Леонардо. И таким неизбывным светом преданности, непонятной вины и желания исполнить хоть что, хоть приказ, хоть каприз, хоть не высказанное желание он весь светился, что Леонардо даже немного растрогался и невольно улыбнулся. И тут же нижнюю губу пронзила резкая боль. Кончик языка осторожно коснулся тревожащего места — привкус соли, привкус меди... Кровь? Да, опять кровь... Не слишком ли много крови на сегодняшний день? Или сейчас уже другой день? Тот, так переполненный событиями, вероятнее всего давно закончился.

Леонардо медленно опустил голову на подушку, с опаской сжал пальцы в кулаки, осторожно потянул стопы на себя. Тело со скрипом, нехотя отозвалось, под грудиной резануло тупой бритвой, в подреберье нещадно кольнуло, будто с силой ткнули чем-то зазубренным и острым. И голова... Голова кружилась и от боли раскалывалась так, что невольно хотелось обхватить ее ладонями и держать, держать все время, держать бесконечно.

— Бруно, дай мне воды.

Тут же его губ коснулось холодное стекло.

Глоток, второй, третий... Живительная влага водопадами устремилась в иссушенное горло, даруя краткое облегчение. И невероятное наслаждение прохладой. Леонардо пил и пил, глотал, кашляя и давясь, проливая воду на подбородок, на грудь, на нательную рубаху. Он пил так, будто от этого зависела его жизнь и никак не мог напиться. В глазах потемнело, дыхание стало прерывистым, и он с трудом оттолкнул руку Бруно.

— Милорд, может еще глоток? Вы не выпили и бокала!

Бокал? Всего один бокал? То есть ни ручей, ни река, ни водопад? Что, что происходит? Ладно, потом, все потом.

Леонардо коротко, чуть закашлявшись, выдохнул, с надугой втянул тяжелый воздух и выдавил-выплюнул из себя:

— Бруно, скотина, почему здесь так душно? Немедленно открой окна. И рассказывай... Рассказывай о том, что со мной приключилось.

Малый двухдуговой пехотный арбалет вещь добротная, приемистая и абсолютно убойная на коротком расстоянии — шансов, что массивный болт с граненным наконечником не пробьет тело нет никаких. Пробьет, жадно клюнет жалом и просадит тело насквозь как булавка бабочку, не замечая преград. Прорвет в клочья всю требуху внутри и равнодушно полетит дальше. Он только сменит цвет с просто темного на темно-красный.

Леонардо это знал и даже как-то видел в своем двенадцатилетнем возрасте, как выстрелом из такого же арбалета вырывало ребра со спины револьвиста из баталии капитана Лоренцо на Коллинском редуте. Это было страшно, это было кроваво и настолько мерзко, что он тогда долго блевал, скорчившись за лафетом разбитой пушки, дрожащими руками стирая с лица кровь и мелкие белые щепки — осколки костей. Так что и секунды, не потратив на размышления, он резко натянул поводья в бок, заставляя Инвиктуса взвиться на дыбы, а затем завалиться на землю, рискуя при этом маневре получить второй болт грудь. Да, можно было бы соскользнуть с крупа скакуна и укрыться за его телом, но это было бы подло. Один раз он уже подставил благородное животное.

Жеребец обиженно заржал, гулко падая на бок, подошвы сапог Леонардо ударились о землю, а арбалетный болт пролетел чуть-чуть выше и левее его головы. Арбалетчик не спешил с выстрелом и тратить выстрел на животное не стал. Он хладнокровно целил в низ тела Леонардо, но промахнулся. Промахнулся почти в упор.

При мысли, что арбалетный болт мог сотворить с ним, Леонардо на долю секунды обморочно замер. Он ярко и четко представил, как с мерзким шлепком граненный металл наконечника болта рвет мышцы его пресса, тупой иглой входит в тело, вырывает клочок мяса. И летит дальше, волоча за собой сизые ленты кишечника.

Во рту закислило и в горле катнулся колючий комок. А потом страх слабака переплавился в гнев и ярость сильного, в лицо плеснуло обжигающим жаром и от второго болта он увернулся, просто коротко шагнув вперед и тут же упав на колено. Пальцы рванули кончики верхних клапанов кобур — сам Господь милостиво подсказал нацепить их на пояс! Ладони плотно обхватили рукояти револьверов и все так же стоя на колене Леонардо выстрелил. Выстрелил в пытающегося соскочить с лошади арбалетчика, во второго неизвестного, что рубился с Пиллини. И следом, почти не целясь, два раза в невероятно крупного человека, лениво отбивающегося удивительным для этих мест восточным тальваром от яростно наседающего на него Бруно. А затем Леонардо выстрелил еще и еще раз, потому что лютые свинцовые осы, что жадно впились в плечо и грудь арбалетчика и небрежно раскололи голову второго неизвестного, беспомощно зависли перед лицом противника Бруно. Повисли хищными серыми кляксами и вдруг бессильно опали на землю расплюснутыми кусочками свинца. Леонардо даже проводил их падение ошалелым взглядом, не веря своим глазам.

— Мальчик-инквизитор, ты удивлен? Да, я это вижу. Ты раньше не сталкивался с силой Совершенных, мальчик-инквизитор?

Голос огромного человека был тягуч, протяжен и бархатен как мяв сытого и ленивого кота. Он словно наслаждался ситуацией, совершенно не волнуясь, что остался один против троих. Снисходительно улыбался, смотрел на Леонардо как на забавного зверька и не глядя

отбивал тальваром резкие и размашистые удары шпаги Бруно, что уже не пытался как-то финтить, а просто рубил шпагой, как рубят дерево топором. Сила и напор, скорость и масса. Но ничего не помогало — Совершенный стоял незыблемо как гранитный утес, презрительно вззирающий на бессильно разбивающиеся об него волны. Стоял, скалился, с ленцой и с виду совершенно расслабленно двигал правой кистью с зажатой в ней рукоятью изогнутого тальвара. И он смотрел, смотрел в глаза Леонардо самоуверенным взглядом охотника, не спеша подходящего к пронзенной стрелой лани, тщетно пытающейся встать на ноги. И он совершенно не обращал внимание на медленно поднимающегося за его спиной пошатывающегося Пиллини. Огромный человек смотрел на него как смотрит пропасть, как смотрит бездна, как смотрит беспросветное пятно мрака в ночи, что уже и не темнота, а кристально чистая, абсолютная Тьма. И Леонардо ощущал, как что-то истекающее из глаз Совершенного медленно вливается в него, обволакивает холодным туманом, заставляет опустить руки, наполняя подлой слабостью с тошнотворным привкусом гнилой болотной тины. И вот еще немного, еще всего-ничего и уже нет сил, нет желания что-то делать, двигаться, сопротивляться, жить. Нет желанья, нет света. Как хорошо, что скоро наступит тьма...

— А-а-а! Проклятый carbone! Ум-мри тварь!

Оглушающий вопль Пинелли разрушил наступившее безмолвье туго скрученное нитями тьмы с безвременьем. Словно обезумевший тур, что спасается от лесного пожара, Пинелли, низко пригнув голову и весь сжавшийся в тугой ком напряженных мышц, ярости и ненависти бросился на Совершенного.

Три стремительных шага, три быстрых рывка и стальное острое палаша — где, где он его взял? — должно, просто обязано было пробить спину Совершенного и проклюнуться в середине его груди.

Но Совершенный, словно у него глаза на затылке, делает короткий шаг в сторону, сваливая телом от палаша Пинелли и сбивает обухом своего тальвара очередной удар Бруно. Мгновенный разворот на месте и тело Пинелли падает под ноги Бруно, а голова бесстрашного домуазо с распахнутым в крике ртом катиться кровавым шаром в сторону Леонардо. И ему кажется, что Пинелли все кричит и кричит. Громко, яростно и бессильно. И кричит Бруно, рвет в безумном реве рот, словно от громкости его вопля зависят их жизни:

— Милорд! Красные! Красные патроны!

И Леонардо понимает его, делает несколько шагов назад, отступая, бросая Бруно на расправу Совершенному, потому что ему нужно время, ему нужна жалкая, скоротечная, драгоценная минута. И ему ее дает Совершенный. Сбив, отвод, короткий подшаг и холодной молнией падающий сверху тальвар безжалостно бьет в голову Бруно, роняя его лицом в снег. А Совершенный, остановившись на месте и небрежно обтирая окрашенное красным лезвие тальвара о ткань на спине куртки Бруно, размыкает плотно сжатые нити губ и говорит, капает отравленные издевкой слова:

— Может быть мальчик-инквизитор возьмет в руки шпагу? Или — голова Совершенного подобно голове огромного ворона наклоняется набок, а губы режет гнутой чертой презрительная усмешка — Или мальчик-инквизитор не умеет обращаться с той железкой, что у него есть? Может мальчик-инквизитор на самом деле не мальчик, а очень красивая девочка? Я люблю красивых девочек. И красивых мальчиков. Хочешь узнать, мальчик-инквизитор, что я с ними делаю, с красивыми мальчиками и девочками?

Но Леонардо это не понимает, не цепляет, не волнует и не трогает. Небрежно

брошенный второй револьвер по самую рукоять утонул в снегу, ногти пальцев левой руки беспощадными клыками в ключья, в мясо, рвут застегнутый клапан куртки на груди. Пальцы правой руки стальными змеями в немыслимом изгибе извлекают шомпол револьвера. С еле слышимым лязгом откидывается вниз дверца барабана. Зубы прикусывают стальные тельца вырванных из кармана патронов. Язык, обожженный жгучей кислотой святой магии, пытается спрятаться в глубине рта, омываемый потоком слюны. Глупая мысль — так ведь можно и захлебнуться, дурным метеором мелькает в сероте сузившегося сознания. Метеорами падают на землю, вытолкнутые шомполом отстреленные гильзы. Раз, два, три. И набатным громом, искренней молитвой звучат в голове слова-заклинания, слова-просьбы — стой, говори еще, говори со мной! Не подходи! Дай мне время! Дай!

И ему дали, и он успел. Хищно клацает дверца-челюсть насытившегося патронами барабана вставая на место. Рука поднимает вверх бездушный механизм с маленькими детьми смерти внутри его тела.

— Мальчик-инквизитор упрям? Или просто глуп? Мальчик до сих пор не понял, что его стреляющие игрушки ничто перед Силой Совершенных?

Совершенный продолжает улыбаться змеящейся улыбкой уже с нотками презрения и неуместной жалостью к глупцу, что дрожащими руками наводит на него ствол бесполезного оружия.

— Мальчик говорит тебе — умри, тварь!

Голос Леонардо хрипл, голос его тверд и невероятно громок, но Совершенный его не слышит, потому что все заглушено басовито-звонкой нотой, что не существует, но она есть и она звучит так — данц-ц, данц-ц, данц-ц!

Воздух плавиться от ослепляющего огня выхлопов, воздух жалобно кричит от жалящей боли, разрываемый свинцовыми кометами. А левая рука сама по себе, самостоятельно покинув назначенное ей разумом место, с наглой бесстыдностью ищет на боку планшет. С сокрытыми в нем листами бумаги. Потому что это зрелище, эту прекрасную картину нужно, просто крайне необходимо увековечить хотя бы на бумаге, раз нет под рукой холста. Ведь они так прекрасны, так изумительно красивы, эти расцветающие багровыми розами кровавые пятна на плече и груди Совершенного. Третьего пятна не было — рука Леонардо дрогнула и вместо кровавого цветка во лбу Совершенного, на его скуле пролегла тонкая красная линия.

— Не... Нео-ожидан... Н-но... Ма... Мальчик-инквизи...

Совершенный покачулся, переступил с ноги на ногу, неверяще провел по скуле своего лица. Пальцы его безвольно разжались, выпуская на свободу рукоять хищного тальвара. Правая ладонь в бесплодной и бесполезной попытке вжалась в грудь. Она пыталась, она хотела обхватить и сжать в горсти кровавый цветок. Рука Совершенного хотела вырвать шедевр флористики, что вырастил на его теле Леонардо, но не смогла.

Леонардо перекинул в левую руку револьвер, правой извлекая из ножен шпагу и сделал шаг вперед. Шагнул осторожно, мягко ступая, шагнул напряженным как струна, готовый в любой момент отскочить с линии атаки Совершенного — такие твари сами не умирают, таких необходимо добивать.

Еще один осторожный шаг вперед, еще один короткий как всполох и быстрый как молния взгляд на противника. Черты лица Совершенного каменны, лицо бледнее снега, он качается словно сломанная ветка на ветру, но каким-то чудом сохраняет равновесие. В его глазах клубиться безумным вихрем и разгорается темный пожар, а искривлённый рот вдруг

распахивается в диком выкрике:

— Hee-т! Errins’ha... Haffu... Roagroo!

И Леонардо резко бросается в сторону, но не успевает. Не потому что он споткнулся, не потому что он медленен, а просто потому, что на него упало Солнце. Кто же сможет убежать от Солнца?

— Вот так, ваша светлость все и случилось. Я тогда на совсем немного времени сознание потерял, не разрубила тварь мне голову — стальная подложка в шляпе уберегла. Ну и видел, как вы стреляли, милорд. Только встать не мог, руки не двигались и сил никаких не было. А потом уже и не видел ничего — тварь эта заорала что-то и тут же сверкнуло как молния и все, темнота кругом, и я без памяти. Егеря герцогские, что на выстрелы с леса на тракт вывернули, вас, милорд, в десяти метрах нашли — тащило вас по тракту как бык повозку тащит. Весь ваш короткий плащ и всю одежду на спине в клочья порвало. А меня они подняли рядом с Совершенным. Тварь эту вы хорошо приложили, вбили святыми патронами его в землю. Он даже сопротивляться не мог и говорить, когда его егеря вязали, только кровью харкал да шипел как змея.

— То есть этот Совершенный выжил?

— Да, да, милорд. Выжила тварь! И тот арбалетчик тоже душу Богу не отдал. Да и зачем Господу нашему его проклятая душонка? Я узнавал — в казематах они, твари проклятые, на втором уровне оба, железом священным к стенам прикованы.

— Мэтр-лекарь приората их осмотрел? Они могут говорить? Я смогу их допросить?

— Ну... Мэтр Нинно с ним говорил и мне пересказал, что освященные пули метр-лекарь достал. Раны тварям промыл и перевязал. А вот насчет будут они говорить и будут ли они вообще жить, то он и не знает, ваша светлость. Милорд, вы им по пуле в сердца всадили! Если арбалетчику чуть повыше пришлось, под ключицу, то твари вы точно попали. Прямо в сердце. В самую сердцевину. Как жив еще этот гад, Господь только и ведает. Или его учителя эльдары и Повелитель их мерзостный.

— Ну если не сдохли сразу, то может и не умрут. Все в воле Господа нашего. Хотя, было бы очень досадно если бы я не смог их допросить. И кстати... — Леонардо откашлялся и чуть повернул голову, пристально вглядываясь в единственный глаз Бруно — Надеюсь, никто не посмел оспаривать мое *vitae necisque potestas* на пленников? Или кто-то заявлял на них свое право? Например, прислал запрос примарх Адептус Астарес? Поинтересовался представитель магистра? Сам приор?

— Да как можно, милорд? Ваше право на их жизнь и смерть сам святой отец-аксиларий подтвердил! Его святейшество так и сказал — эти проклятые еретики и *praedonism* полностью во власти его милости легат-следователя Леонардо и никого более!

— Это хорошо. Это отлично. Это весьма славные новости, Бруно. А сейчас вели принести немного вина и оставь меня — я желаю побыть один.

— А лекарь, как же лекарь, милорд?! А ваши раны, ваше сиятельство?! Их же необходимо осмотреть!

— Позже, Бруно! Все позже. Передай мэтру Нинно мои извинения и отпусти его — я чувствую себя прекрасно, можно даже сказать вполне здоровым и не нуждаюсь в его услугах. И это, Бруно, не обсуждается. Иди!

Грубая и откровенная ложь слетела с губ Леонардо предштормовым бризом, насыщенным легкими нотками приближающейся грозы. И Бруно кивнул и тихо прикрыл за собой дверь — он слишком долго служил наследнику Раннийского герцога и когда он

говорил так, лучше было...

Все другое иное было бы лучше, только не попытка оспорить и не исполнить. Сын своего отца — жестокий, требовательный и бескомпромиссный, что умножалось впитанной с молоком матери привычкой повелевать и абсолютно не сомневаться в том, что все исполнится. Мгновенно и без рассуждений. А если нет, то — кандалы, сырая камера в подвале замка Раннийских герцогов и неминуемое наказание. Часто не соразмерное проступку.

Почтительный и ревностный в подражании сын перенял от великого отца многое — решимость, дерзновенную смелость, властность, непримиримость и неистребимую жажду большего. И ненарушимый принцип — всегда карать за неисполнение своих прямых приказов. Но еще не приобрел понимания причин невыполнения и грани мер искоренения подобного. Быть отправленным в герцогство в кандалах у Бруно не было никакого желания. Ему и так грозило суровое наказание — не уберег наследника от ран. Если его отправят старшим патруля на границу с литерийскими головорезами «скакать» за ними по горам, то считай, что ему невероятно повезло. Ангел-хранитель уберег.

Когда повторно закрылась дверь за Бруно, Леонардо еще немного полежал, затем опираясь на локоть отпил немного принесенного ему вина и глубоко задумался — то, что ударило его, не было солнцем, это было смертельное заклинание Совершенных. Roagroo или же Черный огонь. Описание заклинаний и заклятий, используемых Совершенными, намертво вбили в его голову за полтора года обучения в Схоле Прогениум. И выживали после применения этого заклинания...

Да никто после него не выживал! Оставались в живых ослепленными и изломанными калеками задетые краем сферы действия заклинания, такое было, такое случалось. Но если удар заклинанием был точечным и направленным, то от мишеней даже пепла не оставалось. А он жив, не ослеп и не изломан до состояния парализованного калеки.

Синяки по всему телу, тяжелые ушибы, содранная до мяса на плечах и спине кожа. Поломанные ребра и трещины в костях, это не то, что остается после смертельных заклинаний. Его спасла ладанка, которую матушка возила на освящение в Астурийскую обитель? Нет, это невозможно — ну не бывает чудес, не бывает! Все чудеса в епархии Господа нашего, а святые отцы Астурийской обители уж точно не святые. Подвижники, аскеты, мудрецы и бессребреники — да и еще раз да, а вот святости в них ни на грамм, ни на йоту. Горестные обязанности и тяжкий долг по спасению душ человеческих, возложенные Сияющим Престолом на святых отцов, не позволяют им нимбом обзавестись. Тогда... Тогда его спасла инсигния, его Печать Вопрошающего?

Леонардо неловко перебирая пальцами подтянул печать к подбородку, поднял на уровень глаз — нет ни каких следов. Ни оплавленных краев, ни трещин на изумруде в центре печати. Да и не могла Печать его спасти — Печать не артефакт, не святой амулет. Это просто знак, как и нагрудные инсигнии отцов-инквизиторов. Это просто отлитый в форме кусок золота. Одна из сотен. Самое обычное золото с выбитым на нем девизом Святой Конгрегации и изумрудом, вставленным в центр Печати, обозначающим его ранг. Зеленым изумрудом. Легат-следователь, даже не простой Познающий-следователь. Громкое и пафосное звание, а на самом деле — неопытный юнец, новичок в Священной Конгрегации, которому вряд ли можно доверить серьезное дело. Глупая зелень, молодая поросль.

Леонардо криво усмехнулся — поросль, которую не сжег Черный огонь. Почему? Почему он его не сжег?

«Потому что я истратил почти все свои силы спасая тебя! Все силы на этот жалкий Тутаминис!».

Неясная, тусклая, еле ощущаемая как развеивающийся туман мысль-фраза мелькнула где-то на краю сознания и канула в глубинах разума. Как камень в омуте.

Леонардо резко вздрогнул и почти сел в постели, но невыносимая боль в ребрах безжалостно опрокинула его обратно. Это он подумал? Это его мысль? Если его, то... То на что он потратил свои силы? И какие силы? И что это за жалкий «тутаминис»? Что это значит или означает? Что за непонятное колдовское название неизвестно чего!?

Леонардо еще немного помучил разум, пытаясь вернуть, вытащить на свет растворившуюся в темноте разума неожиданную мысль, но вскоре бросил бесплодное занятие. Приподнял голову, скрипя зубами оперся на локти и приценивающееся посмотрел на сундук у входа. Нужно лечиться. Исцеляться.

До сундука шагов семь по прямой или в два раза больше, если идти, держась за стену. Риск и прямо или осторожность и по дуге? Медленно или быстро? Леонардо выбрал медленно и осторожно.

Пол стремительно качнулся на встречу, дерзко бросился в глаза многочисленными царапинами на широких каменных плитках и еле заметным слоем лака, но руки удержали падающее тело, вцепившись пальцами в простыню. Вдох-выдох, проглотить тошнотворный комок во рту, переждать приступ кошмарной боли, сильно оттолкнуться и встать! Давай же! Получилось!

Леонардо, чуть покачиваясь, оттер дрожащей рукой со лба обильные капли пота, вновь схватился за ткань балдахина. Неплохо, неплохо. Сейчас вытянуть руку и широкий шаг вперед. Витые шнуры на обивке стены послужат ему спасительными леерами, и он устоит на ногах в том шторме, что бушует сейчас у него внутри. Так что, легат-инквизитор, извольте отцепиться от почти разорванной болезненной хваткой пальцев ткани балдахина и шагнуть вперед! Смелее Лео, смелей! То, что нас не убивает, делает нас сильнее, а ему лишь бы добраться до сундука и эта боль его более не убьет! Вполне возможно, его убьет другая боль. Рванный шаг-падение и руки скребут по обивочной ткани, ища шнуры. Есть! Поймал, устоял, удержался, не упал! Губы тронула ломанная болью улыбка — какой там забавный персонаж из старых легенд постоянно повторял: «Не упал!»? Нет, сейчас ему не вспомнить. Горячий воздух с хрипом покинул легкие, впуская обратно холодную свежесть, затянутую в комнату из распахнутых окон. Ну, левую руку вперед, схватить шнур, босую стопу упрямо протащить по стылым плиткам пола. И еще раз. И повторить...

Когда Леонардо добрался до сундука, сердце его уже не просто билось, оно оглушительно гремело раскатами орудийной канонады, когда мэйстер-фейерверкер уже не ждет зарядки каждого орудия, а просто орет, срывая голос: «Пли!»! И incendiaries-поджигатель торопливо подносит горящий фитиль к заряженной пушке. Гром выстрела бьет шипастой булавой в виски, в глазах в который раз темнеет, тело вновь и вновь обдает скверным жаром, батистовая сорочка давно промокла насквозь и уже не впитывает пот. От него дурно пахнет, ноги и руки его бьются диким тремором, пляшут судорожный танец, но Леонардо все идет и идет. Скрипит зубами, обрывает своим весом витые шелковые шнуры с медных петель обойных гвоздей, но упрямо идет-ползет к сундуку. Потому что там, в сундуке, в потайном отделении задней стенки, в темном флаконе с серебряной оплеткой его Цель. Там, под плотно притертой крышкой, хранятся фиолетово-белые — как такое может быть? — невероятно тяжелые, но невесомые на вид гранулы *Arum saxum mederi*, Темного

камня исцеления. И ни одно, ни все вместе взятые лекарства мэтра Нинно не стоят и жалкой пылинки одной гранулы этого волшебного средства. И ничто другое ему и не поможет так, как волшебные свойства Темного камня. Но только знать об этом не должен никто — ни Бруно, ни мэтр, Нинно, никто. Ибо за обладание хоть одной гранулой Темного камня в империи только одно наказание — смерть.

Откуда эти камни в их роду, Леонардо не знал, да и не очень желал этого знания. Тогда, пять лет назад, в самый обычный день из других обычных дней, отец пригласил его в свой кабинет и надавив на плечо, усадил в «гостевое» кресло. Он долго молчал и пристально смотрел ему в глаза. Затем начал говорить. Размеренно, без эмоционально, чётким голосом он рассказывал Леонардо о Темных камнях. Что это, для чего это и как это используют. Кто и как их «твАрит», из кого и какая кара следует за их хранение, владение и использование. После вновь смотрел Леонардо в глаза, а затем молча поставил перед ним флакон из непрозрачного стекла и подоткнул его пальцами к нему, роняя на стол. Через неделю в их замок доставили сундук с тайником и секретным механизмом. Более они на эту тему не разговаривали. На вопрос Леонардо — не забирает ли он последнее, отец только улыбнулся и обронил загадочную фразу: «Гнездо проклятых было богатым».

Леонардо остановился. Вдох-выдох, вдох-выдох, вытереть пот, опять и вновь смахнуть с бровей и ресниц соленые жгучие капли. Дать себе минуту отдыха, недолго, рвано подумать о Темных камнях. Да, да, все знают — за владение Темными камнями наказание одно — смерть. Смерть дрянная, позорная, запоминаемая всеми на поколения — утопление живым в нечистотах. Утопление любого — захудалого пейзажиста — хотя откуда у нищеты золото на Темные камни? Воина, купца, ремесленника, графа, герцога и даже принца крови — было такое, случилось. Утопление в выгребной яме, в неимоверно вонючем дерьме, что уже почти забродило, с масляной ядовито-зеленой пленкой на поверхности. А перед этим тебе обрубят все пальцы, затем кисти и стопы, заклеют и в конце кастрируют. Глаза не выжгут — ты должен видеть, нос не отрежут — ты должен чувствовать все эти мерзостные миазмы, а барабанные перепонки не проткнут — ты должен слышать свой приговор. А знаете почему?

В памяти Леонардо всплыли злые кривые линии рун футтарского письма: «...возьми же сердце и печень младенца пола любого, пока он жив еще и истолки его ступкой из черного железа. Семя же юноши бери из тела его, каменным ножом взрезав жертву от аго, что сиречь пах, до нижних правых ребер одним резом и помни — не может дающий семя свое при этом умереть. Дале все это залей же кипящей кровью девственницы, сама же она может быть уже и мертва. Затем добавь туда же...».

«Ни хрена себе даосская пилюля бессмертия!».

Леонардо мгновенно вынырнул из воспоминания, сильно дрогнул телом, до нелепого взмахивания рукой и тревожно огляделся. Это случилось снова? Или это тут, снаружи его разума? Но в комнате пусто, тихо, даже нет теней, в которых можно скрыться, можно спрятаться. Ему вновь почудилось, ему вновь показалось? Показалось... Или не показалось? До сундука остался один шаг. И Леонардо решил, что ему... Неважно.

Пальцы царапнули ногтями тяжёлую крышку сундука, руки с усилием потянули ее вверх, ставя окованный стальными полосами деревянный массив на откидные упоры. Теперь нажать на шляпку второго в левом ряду гвоздя, затем вдавить пятый и одновременно поставить пальцы на первый и третий гвоздь первого ряда. Вот и ожидаемый щелчок. Теперь досчитать до десяти, до ослабления взведенной пружины, продолжая нажимать на шляпки

гвоздей. Иначе все — острый конец толстой иглы разобьет флакон с Темными камнями, а освобожденная движением иглы колба зальет все кислотой. Второй щелчок и чуть слышный звук проворачивающихся на пол-оборота шестеренок. Все, теперь можно доставать.

Леонардо дрожащими руками извлек из потайной ниши длинное тело прямоугольного флакона, рваными движениями скрутил защитный колпачок, вытянул из горловины плотно притертую пробку. На влажную потную ладонь упала свинцовой плюхой невесомая гранула. Одна или две? Две!

Язык торопливо слизнул еле видимые фиолетово-белесые крупинки, пальцы торопливо заткнули пробку, колпачок он накрутит потом. Сейчас надо переждать приступ. Сползти по стенке, ухватить-вгрызться зубами в кружевной воротник сорочки и терпеть, терпеть! Ничто не дается даром, ничто не дается без боли. А полное исцеление...

Болезненная судорога пронзила Леонардо от макушки до пят, ухватила раскаленными клещами икры ног. Пальцы ног заломило вверх, мизинцы рук стянуло к безмянным, с висков к затылку, а затем по шее, вниз к лопаткам, прокатилась волна обжигающе-колючего холода. И его тело наполнила боль, боль, одна сплошная боль. Боли было так много, что Леонардо казалось, что он плывет в ней, тонет в ней, живет ею. Почему, почему никто не предупредил его, что это так, так БОЛЬНО?!

«И стоит оно этого? Отлежался бы парень неделю, и встал бы на ноги без этого мазохизма».

«Он не владеет ни Курато-сальва, ни Темным исцелением. И у меня нет недели».

«Нет недели? Неужели развеешься? Радость-то какая! Ты то, желтоглазый, откуда знаешь?»

«Сила говорит со мной, Сила дает мне знание. И не тебе сомневаться в моих словах, низший!».

«Не ори, парень услышит. А за низшего мы еще поговорим».

Леонардо с шумным хрипом выплюнул изжеванный ворот рубахи изо рта, обхватил голову руками, больно ударив по щеке флаконом, зажатым в пальцах.

Это что, это кто... Это что сейчас с ним было? Галлюцинации, бред, чужие голоса? Это последствия приема гранул? Это еще одно не озвученное ему последствие приема Темных камней? Но это было так реально, это было так явно... Словно эти двое говорили рядом с ним, говорили в нем! Внутри него! Кто это говорил?!

Леонардо вскинул голову и громко произнес, почти выкрикнул:

— Кто здесь? Кто-то здесь есть? Немедленно отзовитесь! Я, легат-инквизитор видам Леонардо облеченный властью Задающего Вопросы именем Священной конгрегации приказываю вам отозваться! Немедленно!

Но никто не отозвался. Все так же кружились пылинки в прямых полотнах солнечного света, трещала фитилем зачем-то зажженная Бруно свеча и скребла-шуршала еле слышимо мышь где-то в углу. И последней мыслью Леонардо, когда он спрятал в тайник флакон и уже прямо — ровно девять шагов, не семь — дошел до кровати и обессиленно уронил голову на огромную подушку была так себе, безответственно-трусоватая мыслишка: «Он подумает обо всем этом завтра. Все завтра».

А где-то там, где живут, рождаются и умирают во сне разума кошмары, их дети и другие чудовища, послышался еле-еле различимый смешок. Или это ему вновь показалось...

Глава четвертая.

Об изысках архитектуры проклятых эльдаров, о смене имиджа, о внезапных приступах гнева и ярости, и о том, что что-то внутри него обретает силу и власть и это Леонардо, наверное, нравится.

Здание приората города Нуэлл не было построено, не было перестроено и не было передано властями города в дар Святой Церкви нашей. Здание приората было возведено.

Как возводят руки ввысь моля о милостях и прощении Отца Небесного, как возводят очи к бесконечной синеве неба, следя за нескончаемым бегом облаков, как преодолевают, гордо подняв голову, возводя свой дух на следующую ступень познания и понимания. И возведено сие здание было в незапамятные времена проклятыми высокомерными эльдарами, что нагло именуют себя Великими Древними. Оно было возведено тогда, когда люди еще бегали по лесам в доспехах из шкур и били друг друга по косматым головам мечами из отвратительно выплавленной меди. Так гласит легенда. Но легенды почти всегда лгут. Ну, на то они и легенды.

Строение неведомого предназначения — богомерзкий проклятый храм, дом могущественного владетеля или место общественных собраний, это никому не известно, было возведено на скальном основании. Возведено из переплавленного богомерзкой магией рубленного гранита и с высоты птичьего полета здание очень напоминало расплывшийся под собственным весом купол церковного собора. И это казалось злой насмешкой, якобы случайным совпадением или же осознанным и намеренным выбором архитекторов. Но люди не летают как птицы, никто здание сверху не рассматривал и коварные замыслы, и недобрые усилия пропали втуне. Но все же такие же пологие дуги полусферы, вначале невероятно массивные, а в конце еле видимые глазами, изящные и смелые в невероятно тонких пропорциях, вызвали обоснованное подозрение. Они неумолимо сходились в центр, в основание приземистой и толстостенной башенки с узкими как стрела прорезями окон. Внизу же «купола,» по кругу, растут дурными грибами извращенные подобия центральной башенки, делящие здание на сектора. Башенки разные — высокие и низкие. Круглые и широкие, башни-близнецы, башни-уродцы, все они несут одну функцию — это опорные колонны «купола» и связующие звенья между высокими стенами здания. Они разные, непохожие ни придаваемым им назначением, ни строением, ни видом, но все они неуловимо одинаковые. И идя мимо одной из них, ты ловишь себя на мысли, что ты тут уже был, здесь проходил, это ты видел. Но ты тут не был и быть не мог — не каждого и не всякого пускали за стены ограды приората и в его Северные и Южные крыла. И тревожащее чувство дежавю вдруг лишает тебя душевного покоя. Насыщенные же чернотой узкие окна-стрелы навевают на тебя какую-то тоскливую хмарь и портят твоё самое лучшее настроение своим гадостным видом. И очень пугают. Так-как когда приходит время теней, то во мраке тебе блазнится что-то невероятно жуткое и страшное. Тебе кажется, что узкие окна без ветра вьются темной рваной бахромой и мерзко змеятся аки гады болотные. И масляно блещут на лунном свету своей поганой, свинцового отблеска чешуей.

А краска, любая краска — въедливая охра, несмываемый глобуал небесного цвета и цепкий ко всякой поверхности блеклый грунт ржаво-горчичного оттенка, на переплавленном граните не держались. Месяц и еще неделя, если нет дождей, и стены вновь

черны как душа Проклятого. И тогда тебе начинает казаться, что забытые в веках неведомые строители насмеваются над нынешними пользователями их творения, а их прозрачные тени кривят безглазые лица в злых ухмылках. И это вновь пугает — хотя куда уж дальше? — это заставляет испуганно оглядываться и тебе вдруг чудится, что что-то неведомое с зубами-кинжалами стоит за спиной, жарко и предвкушающе дышит тебе в ухо и сладострастно касается твоей такой ранимой и незащитной шеи холодным жалом раздвоенного языка. И тут ты выбираешь. Выбираешь между стыдом и позором, когда ты бежишь с диким воплем безумно испуганного человека от страшного здания или проявлением храбрости и смелости. И платишь за второй выбор сожжёнными мириадами нервных клеток и мелкими зарубками на верхнем клапане сердца. Зато ты одержал очередную победу силы воли. Насытился исполна преодолением и превозмоганием, оставаясь стоять на месте. Только потом у тебя иногда сам по себе дергается глаз, появляется седая прядь и по ночам, при полной луне, сняться мерзкие кошмары. Но это ведь ничто для истинных героев! Это ведь полная чепуха и незначимая ерунда для храбрецов и настоящих мужчин! Ведь правда? Правда же?

Так что никто не назначал любовных свиданий при луне в уютном парке у здания приората и не касался там нежным поцелуем надушенной перчатки дамы, мадмуазели или сеньориты. В парке не прогуливались безмерно одаренные толстомясостью и ожирением почтенные матроны с очень тоже одаренными подкожными запасами почтенными отцами семейств. И не звучали в парке гнусавые, капризные, сопливые, а иногда и звонкие и задорные голоса их круглощеких и окорокосистых отпрысков.

Там не собирались у еле горящего костерка кутающиеся в жалкие лохмотья попрошайки, бродяги и нищие. Ну и ворами и «ночным работникам», сами понимаете, там тоже делать было нечего.

Да что там, романтические свидания, толстозадые матроны, жалкие нищие и гнусные бродяги! В парке у приората даже дуэли не назначались и не прятались в тени кустов безумные прокаженные, нагло сорвавшие со своих одежд Чумные бубенцы! И имени у парка не было, все так и говорили — это тот, парк что у проклято... Ох, у здания приората!

Но святые отцы города Нуэлл и глава их приор, не боялись кошмарных чудовищ и зубастых призраков прошлого. Напротив, святые отцы, святые братья и сестры, юные послушники и мудрые седовласые архонты, так и не принявшие постриг и пребывающие в Мире, противоборствовали этим чудовищами и повергали ничтожных тварей к стопам своим силой Веры своей. Их не пугали ни поганая чернота стен здания, ни оживающие по вечерам и ночам миражи тьмы. Ни еле слышимые в темных коридорах шаги неведомо кого, шорох и глухое кашлянье неведомых существ. Святые отцы лишь смиренно смотрели во мрак бесконечных коридоров, осеняли себя Святым Бесконечным Кругом и сотворив охранную молитву, шли далее по своим делам. И еще, Патриархи и Архиепископы Святой Матери Нашей Церкви, считали здание Нуэлльского приората одним из символов побед над скверной Совершенных и наставников их в богопротивной ереси, проклятых эльдар. А церковные стяги с вышитыми на них святыми гимнами и огромный серебряный Святой Бесконечный Круг на шпигеле здания они полагали действенной и достаточной защитой от всего, что смущает некрепкие в вере разумы. А кто утрачен и трепещет, тот в вере своей в Господа слаб и должен быть в ней укреплен. Средства, методы и пути укрепления слабых оставлялись на усмотрение высших иерархов приората, самого приора и епископа Фоттонского. Но такие «слабые» быстро перевелись и остались одни несгибаемые и сильные. А то что седы не по годам, заикаются и страдают энурезом, то есть след длани

Господа, ибо отмечены Им!

И Леонардо был с ними полностью согласен. Это здание действительно символ всепобеждающей Веры в Господа и Силы духа людского. Да и кроме того, что здание символ, оно еще и чрезвычайно рационально построено, словно строители прошлого предвидели его последующее использование.

На верхнем, первом, ярусе, анфиладой по диаметру полусферы расположены довольно большие помещения, ныне используемые в качестве кабинетов и жилых комнат высших иерархов приората. На втором ярусе бесчисленными сотами располагаются скромные кельи братьев и их же служебные комнаты. На третьем, самым нижнем, приемные залы, караульное помещение с арсеналом, несколько молельных, столовые залы и огромная кухня с пятью очагами и угловым ледником. А на минус первом — архивы, библиотека с мирскими книгами. Второй, скромный, арсенал стражи и огромный *conservatum* священных писаний, книг и свитков. На минус втором ярусе располагались допросные комнаты, на минус третьем — камеры для исследуемых, отступников и еретиков, на минус четвертом — прекрасно вентилируемые и сухие хранилища всевозможных припасов и запасов. Что размещалось на пятом и шестых ярусах не ведал никто кроме примата, коадьютора Святого престола, самого приора и викарного казначея. Спуск на эти уровни был запрещен, закрыт, опечатан и охраняли его суровые гвардейцы Святого престола, сменяемые каждые два месяца. Эти закованные в сталь молчаливые гиганты располагались в Северном крыле приората, отделенные от братии и клира отдельной стеной, отдельной решеткой, двумя караулами и зловещей славой безжалостных Выжигающих Скверну. Они были абсолютно неразговорчивы, да и с ними общаться никто собственно и не жаждал. Да и какой интерес разговаривать с огромным железным болваном, что на любое твое слово в ответ хочет тебя разрубить или проткнуть мечом, так как нет у тебя ни разрешающей инсигнии, ни свитка с сияющей печатью Наместника Господа?

Но сегодня Леонардо поймал себя на странном желании взглянуть на Выжигающих Скверну. Даже не просто взглянуть, а пристально взглядеться в перфорированные матовые забрала, стараясь проникнуть взором за литую сталь и померяться тяжестью взглядов. Бросить вызов. Зачем это нужно и что бы это ему дало кроме неприятностей, не понятно, но диковинная охота не проходила все утро, зудела мухой где-то далеко-близко, сбивая с мыслей и раздражая. Дурацкое, дикое и совершенно не свойственное ему желание, постепенно портившее такое прекрасное начало дня!

Ведь именно сегодня, на третий день после схватки на тракте, с него сняли бинты, стерли желтые потеки пахнущей цитрусами лечебной мази, и мэтр Нинно был вынужден признать, недоуменно и подслеповато щурясь и постоянно вздыхая, что Леонардо совершенно здоров и действительно может исполнять свои обязанности как легат-следователь Святой Конгрегации.

«Благословение Господа на вашем роду, ваше сиятельство, и это истинно так! Да-да, я наслышан о даре герцогов Раннийских заставлять *milites regrediuntur* тяжелые болезни и глубокие раны, возвращая тело к его естественному состоянию, но вот так... Своими глазами... Да простит меня Господь и вы, господин легат-следователь, за речи еретические, но это чудо какое-то! Столь *cipide* регенерация, это... Это... М-да...».

Леонардо на слова мэтра Нинно, разносимые по всей мыльне его невыразимым дребезжащим фальцетом, понимающе улыбался, кивал и произвольно бросал короткие взгляды в сторону своей комнаты и примерного расположения сундука. И поражался своей

ознакомленности с историей появления Темных камней в их роду. Не слышал об этом, не читал, но вот, пожалуйста, он знал. Создавалось впечатление, что кто-то, уловив его неявное желание знать, спустился в пучину времен, все выяснил и предоставил ему свои записи. Со странной, одновременно и пафосной и лаконичной манерой изложения. И использовал незнакомые, но понятные термины. К примеру — проклятый дар — как может быть дар проклят? Или регенерация.

Да, это чудесный и одновременно проклятый дар второго сына основателя рода своим потомкам, эта мнимая регенерация. Как смог укрыть колдуна от чужих глаз второй в роду герцог Гронт Раннийский, как удержал за устами слуг и ближнего круга знание о том, кто обитает в подвалах замка, чем он там занимается и каких усилий ему это стоило, неизвестно. Но видно не даром Гронт Раннийский носил говорящее прозвище Хитрый Немой. Ну и исчезновение многочисленных пленников и две обезлюдевшие деревни вряд ли кто заметил — времена тогда были суровые и беспокойные, и редко в какой день где-то что-то не полыхало багровым заревом и не лилась кровь. Кровь благородных владетелей, баннерных и без баннерных рыцарей, простых кнехтов и грязных, тупых, недочеловечных пейзажей. Кто их тогда считал, этих презренных землеедов? Рождались в грязи, жили в грязи, умирали в грязи. Черви. Зато ныне в тайной сокровищнице Раннийских герцогов хранятся ровно две унции *Arum saxum mederi*, Темных камней исцеления. И этого хватит и потомкам Леонардо, и потомкам их потомков. Хватит на века.

А колдуна, когда он стал не нужен, внезапно обнаружил сам Хитрый Немой, загнал собаками в полях, разорвал на части четверткой лошадей и отрубил голову, предварительно отрезав язык и выколол глаза. Все сам, все своими руками, лично, не побоявшись посмертного проклятья. Затем, в присутствии Большого Круга Владетельных и многочисленных представителей святой Матери Церкви он устроил отличное шоу с факельным шествием, с молебнами о спасении и искуплении и в конце представления торжественно сжег на гигантском костре эти, уже начинающие разлагаться, куски тухлого мяса. Но в правдивость этой героичной и пафосной истории Леонардо не верил — он внимательно и вдумчиво читал родовые хроники и, по его мнению, столь умный, рациональный, беспринципный и абсолютно аморальный человек, как второй герцог Раннийский так поступить не мог. Это ведь просто вселенская глупость, так глупо изничтожать столь ценный и невозполнимый ресурс! Ну разве мало тогда было бродяг в герцогских владениях? А уж подобрать человека похожего на колдуна дело простое и несложное. Ну, а у безгласного трупа не спросишь кто он — страшный колдун или обычный бродяга? Тем более, если перед допросом у трупа будет отрезан язык и отрублена голова.

Некромантия же, как наука, как учение и как действенное воздействие на реальность не существует. Некромантия — это миф, это страшная сказка и мнимое прибежище скорбных умом. И сжигаемые на кострах сумасшедшие чудики с ожерельями из костей и посохами с черепами в их наверхии, самое лучшее этому подтверждение. И ужасающие Бессмертные Владыки, коим так жаждут подражать эти сумасшедшие некромагики, тоже страшный миф. Жуткая сказка, байка и нелепая выдумка. Скрытые в межмирье гробницы для миллиардов неживых. Какие-то надменные могущественные фараоны или фаэроны. Безумные творцы, создающие стальных чудовищ — все это ересь, чушь и нереальный бред. Вымысел и небылица.

«Когда спадёт последняя печать, займёт своё положение последняя звезда и упадёт последняя капля крови, тогда те, кто спал мёртвым сном, восстанут, и смерть своим саваном

накроет пустоту...».

Да-да, а Император и Его Легионы будут в молчании за этим наблюдать и совершенно ничего не предпринимать. Про святую Мать Церковь и Ордена Ее, бездействующие при этом непотребном богохульстве лучше и не вспоминать, так пусть и до мысленного, но тем не менее, богопротивного и кощунственного падения в ересь недалеко!

Леонардо фыркнул на свои мысли, сдувая с губ и подбородка мыльную пену, и обвел ищущим взглядом помещение мыльни. Что-то было не так. Вроде бы все как всегда — масляные светильники, бедные светом в жарком тумане, жгуче нагретый пол мыльни, в меру горячая вода, мыльный раствор в малой чаше назойливо отдает запахом жасмина. Мыльник и массажист неподвижно замерли у лавки с чистой одеждой в ожидании приказаний господина. Все по-прежнему, все так и не так, не так как должно быть.

Леонардо еще раз осмотрел неожиданно потяжелевшим взглядом помещение, словно давя, вминая в камень пола и стен все, на что падал его взор. Светильники, малая чаша, столик, кувшины с водой и вином, лавка с полотенцами и одеждой, стоящие рядом с ней мыльник и массажист. Они стоят... Они стоят в его присутствии!

Пальцы Леонардо впились голодными вампирами в керамические бортики ванны, он стремительно подался вперед, выплескивая воду через края и сквозь перехваченное яростью горло, выдавилась опаляющая лава гневных слов:

— Как вы смеете стоять в присутствии моем?! На колени, низшие!

Мыльник и массажист испуганно и ошарашенно переглянулись, и тут же одновременно упали на колени одним ломаным движением, будто их дернул незримый кукловод за невидимые нити. Мертвенная бледность ужаса залила их лица молоком тумана и Леонардо ощутил, как внезапная ярость медленно его отпускает, а пламя гнева ворча и недовольно ворочаясь затихает в глубинах сердца. Все стало правильным, все стало так, как и должно быть.

— Не забываетесь, низшие — расслабленно буркнул Леонардо, отцепляя пальцы от краев ванны и вновь отдаваясь ласковым объятьям горячей воды.

А затем он удивил себя еще раз — с внезапной, и честно признаться, немного пугающей его самого ненавистью вырвал из тульи шляпы белоснежные перья горной цапли. И сменил свою верную, привычную руке простую дагу без глупых ненужностей в виде драгоценных камней, на вычурную, с рукоятью оплетенной золотым шнуром и оголовьем, украшенным теми самыми драгоценными камнями. Не остался он доволен и шпагой — ультимативная и необъяснимо твердая уверенность, что рукоять шпаги должна быть длиннее не менее чем на четырнадцать сантиметров не отпускала его. Очень удобно для двойного хвата рукояти при использовании четвертой формы боя Джем-со или более предпочтительной для него Джуйо. А вот сталь неплоха, но все же требует дополнительной обработки алхимическими составами и насыщением неведомой Силой.

Леонардо мысленно издал короткий смешок — какие забавные названия Джем-со, Джуйо! Они скорее подходят для кондитерского лакомства, чем для неведомых стилей боя. Которые, тем не менее, ему необъяснимо знакомы и которыми, он в этом совершенно уверен, превосходно владеет. Только оружие у него не совсем то, но воин сражается тем, что у него в руках и если он потерпел поражение, то виновато не оружие, а рука держащая его.

К револьверам претензий не возникло. Да, вначале они показались ему неуклюжими, примитивными и совершенно не эргономичными — еще одно неведомое слово, с понятным смыслом — но, когда ладони охватили рукояти, Леонардо ощутил, что это оно, его второе

оружие после меча. Надежное и смертоносное, абсолютно покорное его воле, жаждущее только одного — гибели его врагов. А с вываренными в эликсире Ксанорто кусочками свинца, что есть пули, и нанесенными на них рунами *Derriphan* и *Ror'jhan* оно сможет развоплощать его противников.

С выбором одежды, в отличие от оружия, он затруднений не имел — строгая короткая куртка и штаны непроглядно черного цвета. Шелковая рубаша была так же радикального черного цвета, цвета безлунной ночи. Откуда она в его гардеробе, Леонардо не помнил, но рука сама потянулась к ней, брезгливо минуя белоснежные сорочки. И как завершающий штрих на его плечи лег плотный, из тончайшей шерсти и длинный, до каблуков сапог плащ. Правда не желаемого черного, а темно синего цвета. И еще он был расшит по низу желтой и зеленой нитью. Леонардо подумал, что ему нужен новый плащ, а лучше несколько плащей. Длинных, черных, с глубоким капюшоном и бордовым подбоем. И это будет для него хорошо.

Он осмотрел себя в зеркало и остался доволен увиденным — так и должен выглядеть Владыка. И еле заметные тусклые золотые искорки в глазах его не пугали. Видящий отблеск тяжелого золота Кадафф в его глазах, зрит перед собой истинного Повелителя. Если бы его спросили, что за Владыка, что за Повелитель, он бы просто пожал плечам — люди непонимающего этого невероятные глупцы не стоящие и капли внимания. Владыка и Повелитель — это он.

И когда сержант стражи приората нагло и без всякого почтения пред Высшим, протянул свою грязную лапу к его оружию, то хватило одного короткого взгляда в его сторону. Тяжелое золото Кадафф раскаленной иглой впилося в глаза презренного гроттху и жалкий червь замер в мертвенном оцепенении, не осознавая и не понимая, но явственно ощущая своим трусливым нутром, что лишь один вздох, одно призрачное мгновенье отделяет его от смерти. Стоящие по краям входа рядовые стражи были щедро одарены животной осторожностью и предусмотрительно заледенели недвижимыми истуканами.

— Этот низший совсем обезумел, позволяя себе столь непростительную наглость. Полагаю, достойное наказание вернет его в границы должной почтительности пред Высшим. Сдирание кожи со спины, например. Как думаешь, Бруно, этого будет достаточно или вырвать ему еще ногти с пальцев рук?

Шедший за его спиной Бруно непозволительно долго молчал, мешкался, мялся пред ответом, а когда все же ответил, тон голоса его был незнакомо глух и не уверен:

— Как будет угодно вашему сиятельству. Только вот отцу-приору это вряд ли понравится, милорд. Боюсь он будет крайне против сдирания кожи и вырывания ногтей у сержанта стражи приората. Простите меня, милорд.

Леонардо бросил на него короткий взгляд через плечо и не встретился с ним глазами — Бруно шел за ним, опустив голову и пряча глаза. И в ответе его Леонардо почувствовал пряную нотку страха, бесцветный привкус растерянности, кислящее недоумение и горький тон не узнавания. Как будто Бруно шел сзади и слева не за своим Господином, а за кем-то другим, чужим, незнакомым ему и пугающим. Но к этому Леонардо отнесся снисходительно и без особого интереса — Бруно не истинный массасси и даже не дальний потомок славных воинов, что одарили своей Высокой кровью низших и такое поведение ему простительно. Пока простительно. В дальнейшем Бруно либо сам переплавит свой дух в квинтэссенцию безграничной верности и храбрости, либо Леонардо в этом ему поможет. Ибо не место жалкому праху подле Владыки. Но не хотелось бы — сознание разумных вещь хрупкая,

вторжение в себя с трудом переносящая и может получиться вместо достойного Слуги пусть и беззаветно преданный, но тупой и кровожадный Зверь. Подобных животных в облике разумных можно создавать сотнями и тысячами, а вот Слуг может быть не более десятка, ведь каждый из них несет в себе частицу Силы Владыки. Про Ученика пока можно даже не вспоминать, надеясь, что Сила не оставит его и Ученик сам возникнет на Пути его.

Тем времен они прошли центральный зал и свернули к лестнице на нижние ярусы. Долгий спуск, недолгий проход по широкому коридору и еще одна лестница вниз с широкими и неудобно высокими ступенями не под человеческую ногу.

— Доброе утро, мэйстер Гаспар!

— А... Доброе, добре утро, легат-следователь Леонардо! Как ваше самочувствие, молодой человек?

Невысокий, приземистый, с невероятно мощными шеей и плечами, мэйстер *admitto* чуть привстал, приветствуя и улыбнулся, растянув рот в широкий провал, обнажающий крепкий частокол неровных зубов. Лучики морщин стремительной волной пробежали от уголков губ до его висков, собирая перечеркнутое глубоким шрамом лицо мэйстера в облик неприкрыто сияющего радостью от встречи доброго дядюшки.

— Раны не беспокоят, все зажило, и вы тут же на службу, легат-следователь? Да, юность — это лучшее лекарство! А за раны вам награда — ныне вы не бумажки с места на место будете перекладывать, а дело вести! Настоящее дело! — мэйстер *admitto* поднял к каменному потолку указательный палец, затем переправил его в лицо Леонардо и сурово, растеряв мгновенно все свое веселье — а было ли оно? — уточнил — Верно я говорю, юный мэйстер?

— Да, все верно, мэйстер Гаспар. Ваши слова истины и просто взывают об увековечивании своем на каменных скрижалях.

Мэйстер вместо ответа на неприкрытое ерничанье долго молчал, смотрел, по-хамски почесывал место, где грудь переходит в живот, затем снизошел к продолжению разговора:

— Отлично, отлично, легат-следователь — шутить умеете. Посмотрим, как сумеете работать. Может, как и шутите — умно и немедля. А то нынешняя смена совсем нас стариков не радует. Глупы или ленивы. Или получают пару мелких царапин на задержании, а потом в лечебнице по полгода на мягких перинах прохлаждаются. Не те ныне инквизиторы пошли, не те. Слабоваты нынешние аколиты в коленках, да духом нестойки. А вы, легат-следователь, как сами с коленками? Не болят они у вас? Впрочем, что это я! Вы же никак за своими подопечными пришли? — хитрый взгляд из-под бровей, неумело состроенное глуповатое выражение на лице — Точно! Конечно вы за ними! За своей добычей пришел будущий примарх! А то и епископ. Или даже кардинал! Вы их сразу на допрос, ваше высокосвятейшество или вначале просто беседовать будете?

На последних словах добродушный и ворчливый голос инквизитора-допускающего сменился на злобное шипение скального ящера.

— Допрос, мэйстер. Начальная ступень — вторая. Отчет о происшедшем и запрос на испытуемых с необходимыми ссылками на пункты шестой и двадцать пятый, тридцатый и подпункт сорок дробь шесть я уже предоставил в канцелярию. И полагаю, на основе вышеперечисленного, необходимость в предварительном опросе исследуемых полностью отсутствует.

— Согласен, согласен с вами легат-следователь, полностью согласен. Какие беседы-опросы могут быть с этими тварями?

Мэйстер допускающий вновь расплылся в доброй и душевной улыбке.

— Тогда не будем тратить ваше драгоценное время, коллега — начинайте заполнять регистрационный журнал и входной лист. И отметьте их вывод на допрос в книге Подтверждений в разделе *Periculum* под двойной звездой. Опасные у вас испытуемые и ценные! Матерый Совершенный и его мерзкий пособник. Кое для кого это весьма соблазнительный и лакомый кусочек! Например, для отца-аксилария или примарха Адептус Астарес.

Мэйстер Гаспар умолк и сузил глаза в хитром прищуре. Леонардо гневно вскинул голову, жестко и обещающе глянул в глаза инквизитора-допускающего:

— Они подавятся, мэйстер Гаспар. Не для их пастей кусок.

— Ха-ха! Смело и дерзко, молодой человек! Излишне смело! — взгляд инквизитора-допускающего резко изменился, в одно мгновение став цепким и колючим — А что у вас, кстати, с глазами, легат-следователь? Последствия ран? Остаточный эффект от лекарственных зелий?

— Искры солнца, мэйстер Гаспар, это всего лишь искры солнца.

— Ну-ну, искры так искры. Как скажете, коллега, как скажете.

Инквизитор-допускающий неразборчиво что-то буркнул себе под нос, побряхтел, елозя спиной по спинке своего стула и замолчал, насупившись и хмуро наблюдая как Леонардо заносит на листы журналов необходимые записи. Чертит размашистым движением руки двойные звезды, аккуратно прописывая рядом цифры параграфов и подпунктов Устава, расписывается в графах и проставляет рядом оттиск своего перстня — малой печати Задающего Вопросы.

— Какая допросная свободна, мэйстер Гаспар? Девятая? Хорошо. Будьте добры, мэйстер, отдать все необходимые указания по доставке в нее прислужника Совершенного.

— Отдам, не беспокойся. А что не с него начнешь? Не с Совершенного? Почему с пешки?

Леонардо, не поднимая головы и не разгибая спину, дернул щекой кривя лицо в гримасе откровенной досады:

— Слишком... Слишком крепок орешек для моих молочных клыков. Начну с более мягкого, обточу.

Мэйстер Гаспар в непритворном удивлении широко раскрыл рот, глухо каркнул, а потом надолго громко забулькал-заухал помесью жабы с филином трясаясь при этом всем своим массивным телом:

— Г-ха! Гха-ха-ха! У-у-уфф! Как?! — мэйстер с силой протёр ребром ладони уголки глаз, вытирая выступившие крупные горошинки слез — Как ты сказал — обточишь? Ах-ха-ха! Ну, коллега, ну брат легат-следователь! Ха-ха-гха-фу! Обточу! Га-кха!

Инквизитор-допускающий жарко выдохнул, еще раз глухо кашлянул-рассмеялся и встал со своего стула, сделал пару широких шагов, крутанул головой, с хрустом прогнул поясницу и вновь занял свое место, хлопками протирая тыльной стороной ладоней уголки глаз и затем размашисто маша ими в воздухе:

— Ох! Ох, спасибо, тебе брат легат-следователь! Да хранит тебя Отец Наш! Спасибо! Своими словами ты просто убил скучную хмарь этого дня! Да-да, давно я так не смеялся! Сейчас, брат! Сейчас тебе доставят твоего мягкого! Ха-ха-ха! Я потороплю выводных! Пинками! Ха-ха! Ты не успеешь заскучать, брат легат-следователь!

— Благодарю, вас мэйстер Гаспар. А кто сегодня секретарь? И Мастер Слова?

— Секретарь сегодня Финик. То есть брат Олонсон. А с Мастером Слова тебе повезло, брат легат-следователь — мастер Черри наконец-то вернулся с отдыха. И еще, брат инквизитор, тебе это нужно знать...

Леонардо вопросительно изогнул бровь, чуть повернув лицо в сторону мэстера Гаспара и ставя напротив своей подписи последний оттиск малой инсигнии. Все, с бумагами закончено.

— На твоём допросе будет присутствовать брат Родригес со старшим секретарем приората мэстером Фамом.

— Брат Родригес? Старший секретарь?

— Да, брат Родригес. И секретарь тоже.

— Та самая крыса Родригес? Та тусклая дрянь, тот вонючий кусок дерьма, что лижет пятки приора? Тот, что прибыл в приорат два месяца назад из столицы и успел за это время наделать столь многого и разного, что его ненавидит вся братия?

Мэйстер Гаспар глубоко вздохнул и подтверждающее кивнул головой:

— Да, это он. Та самая крыса Родригес. Сам понимаешь, брат легат-следователь — слишком лаком твой кусок. Слишком он жирен и сочен наградами. Будь сдержан брат-инквизитор и строго следуй Уставу и Кодексу. Брата Родригеса не просто так зовут крысой, он может укусить. И отгрызть твое, сделав своим. Столичная штучка!

Леонардо с шумом вытолкнул воздух сквозь зубы, сжатые до онемения в скулах. Прикрыл глаза ладонью. Тяжелое золото Кадафф бурлило огненным водоворотом в его глазницах, гнев кипятил разум, заставляя действовать, рвать, рассекать клинком, изничтожать этих, этих...

Тело охватил холодный жар, что мог растопить ледяные шапки на пиках горных хребтов. Громко хрустнули суставы ладони левой руки, монолитя пальцы в литой слиток кулака. Спокойно, спокойно, спокойно. Да, это почти последняя капля в невеликой чаше его терпения, да, он устал держать на себе тошнотворную маску глупого юнца и поддерживать равный разговор с этим ничтожеством, но сорваться сейчас будет глупо. И фатально опасно. Он еще не набрал Силы, Слуг, Зверей и последователей. У него еще нет Ученика. Его просто раздавят, задавят числом. Он еще не готов явить свой истинный облик, облик Владыки. Так что терпение и смирение перед обстоятельствами, что сейчас сильнее него.

— Брат легат-следователь? Ты как? У тебя все хорошо, брат Леонардо?

— Все хорошо, мэстер Гаспар, все нормально. Просто мои раны еще дают о себе знать. И это... Это низко, так низко, мэстер Гаспар! Такое откровенное недоверие, столь явно навязанный контроль! словно я сопливый мальчишка с первого круга обучения! Глупый и неопытный! Не способный самостоятельно провести допрос без ошибок в Кодексе и Уставе и которому так необходимы поддерживающие помочи! И помощь непрошенных наставников!

Голос Леонардо неприкрыто дрогнул в конце фразы, истончаясь на высокой ноте, плечи безвольно снизились вниз, бессильно горбя спину.

— Ну... Ну сам все понимаешь, брат легат-следователь. Так надо.

— Я понимаю, мэстер. Я все понимаю. Благодарю вас за предупреждение, мэстер Гаспар. Бруно! Следуй за мной.

Леонардо дергано развернулся, демонстрируя неприкрытое раздражение и обиду, и зашагал к допросной, ощущая спиной слишком пристальный и так не отпускающий его фигуру взгляд инквизитора-допускающего. Он переиграл? Излишняя горячность? Мэйстер

что-то почувствовал, когда он почти сорвался? Или нет? Или да?

Леонардо свернул за угол и тут же гневно вскинул голову, яростно стукнув кулаком несколько раз в ладонь — твари! Низшие твари! Как они смеют! Как смеют! Но спокойно! Спокойно! Ныне ему предстоит быть безмерно хладнокровным и бесконечно терпеливым. И плевать, плевать, на них и их тон, их обращение, их прикосновения. Он это перенесет, он это вынесет. Ему нужно время. Немного, две-три недели, пусть и дни, но и они ему крайне необходимы. Пока эти низшие будет его подозревать, сомневаться и теряться в догадках, безвольно трепеща пред принятием необходимых решений, но он уже исполнит задуманное!

И его нисколько не смущало, что это совсем ни его мысли, ни его обычное поведение. И такие приступы гнева, и такое частое впадение в ярость, ранее ему были совсем не свойственны. Он был словно во сне, сне невообразимо ярком и реальном, отвечающем всем чаяниям его души, его внутреннему мировоззрению и образу мыслей. Он воистину Повелитель, он истинный Владыка! И горе усомнившемуся в этом! Горе и смерть! Он все делает правильно, все делает верно. И нет никаких сомнений в этом! Ибо сомнения есть удел слабых, а он силен и Сила с ним и в нем!

Только где-то в глубине его души неприятно жег неудобством какой-то жалкий уголек аномальности происходящего и елозила, царапала ощущением неправильности раздражающая, бесящая и невероятно досаждающая колючка. Как мелкая песчинка в сапоге, как невидимая глазу заноза. И никак не вытряхнуть, не вынуть из тела, не раскалывая целое, не ломая единое. Так как это его суть, это он сам. Пока еще он. Но «Я часто вижу страх, в смотрящих на меня глазах» ему нравится все больше и больше. Пусть царапает.

Глава пятая.

О том, что при допросе тварей, нелюдей и предателей рода человеческого, мораль и этика должны молчать, дети всегда отвечают за отцов, Лео пугает Совершенного, правильно и верно приведенные аргументы повергают оппонента, а некоторые святые братья совсем не братья, а высокопоставленные иерархи.

— Приветствую вас, отцы-инквизиторы! Мэйстер Фавом мое вам почтение!

Леонардо широко улыбаясь встал со стула и щедрым кивком головы дополнил свое приветствие отцам-инквизиторам и Старшему секретарю приората поочередно вошедшим в допросную.

Сухонький, сморщенный и полностью лысый старичок, безобидный на вид и по ощущению, с лицом словно сжатым в комок рукой великана брат Олонсон, дежурный секретарь приората. Кругленький, полный, если не толстый, но не жирный, весь тугой, словно безмерно надутый, с колючим взглядом и узловатыми сильными пальцами, когда-то жгучий брюнет, а ныне плешивый, с пегими волосами и загоревшей тонзурой, Мастер Слова отец-инквизитор Черри. Цапля в человеческом облике, длинный с горбинкой клюв-нос, длинные руки-крылья, длинные ноги и карие выпуклые шары глаз на красноватом от прожилок вытянутом лошадином лице — Старший секретарь приората, мэйстер Фавом. Четвертым и последним в допросную втек мерзкой слизью брат Родригес, крыса Родригес.

Бледный, с ушами-лопухами, постоянно щурившийся и щерящийся редкими зубами в блудливой улыбке. Всегда сильно горбящийся, будто несет на спине тяжелый груз с вечно пригнутыми коленями, он вызывал омерзение своим тусклым видом, гадкой манерой прятать свой взгляд и находившимися в постоянном неопрятном и беспорядочном движении тонкими паучьими руками-хелистерами, густо поросшими ярко-рыжими волосинками. Не волосом, как у зрелых мужей, а именно хаотично вьющимися волосинками. Вот только его глаза разрушали и портили наигранно дрянной облик — блеклые, с выцветшей от прошедших годов чернотой, но по-прежнему цепкие, с тщательно прячущимся на дне глазных яблок блеском недюжинного ума. Опасный, умный, коварный и беспощадный ко всем, безжалостный брат Родригес, ручной крысиный король приора.

Леонардо столкнулся с ним взором, нехорошо так зацепился, сплелся во взвитом напряжении невидимых мышц-канатов и через несколько секунд незримо меренья силами отвел взгляд в сторону. Не время и не место, рано и ни к чему.

— Здравствуйте, легат-следователь Леонардо. Позвольте от имени приората и самого отца-приора поздравить вас с деянием, деянием достойным для лучшего из лучших! Геройским деянием, да, так вернее. Отец-приор весьма рад за вас и уже отправил хвалебный отзыв вашему куратору в верховную канцелярию и представление на поднятие вашего ранга до следователя-инквизитора. Достойная *gaemium* для *decorus*!

Тон голоса Старшего секретаря Фавом был сух и невыразителен, но правдив и не лицемерен. Он действительно хвалил Леонардо, он был им доволен, только Старший секретарь не умел радоваться за других, и похвала его была подобна скрежету наждака по стеклу. Такая же безжизненная, колючая и механическая.

— Благодарю вас, старший секретарь Фавом! Я бесконечно рад оказанной мне почести и не подведу отца-приора! Все во имя Господа и Веры нашей! *In nomine Patris, et Filii, et*

Spiritus Sancti. Amen.

Леонардо осенил себя Святым кругом и согнул спину в легком благодарном поклоне.

— Аминь, аминь. Перехвалите вы юношу, Фавом, зазнается он, занесётся. И из лесов вылезать не будет в поисках других Совершенных, ха-ха! Хотя да, наш юный легат-следователь в самом деле молодчина! Пример, так сказать, другим неофитам. И стреляет наш мальчик хорошо, только излишне метко. Не в голову бы да не в сердце, а? Лучше бы в член или ноги там с коленями! Такие раны испытуемым говорить не помешают, а если что и не так, то отрезать и все! Ха-ха-ха!

Дробный смешок Мастера Слова иглистыми колобками прокатился по каменным плитам допросной и канул в темном зеве стока, а его крепкая ладонь одобряюще похлопала Леонардо по плечу. Леонардо внутренне передернулся от невыразимого отвращения и сдавил, сплавил себя в черную дыру, давя притяжением воли взрывной всполох гнева — низший посмел коснуться Его! И опять, и вновь он прикрыл ладонью глаза, низко наклонив голову, почти протыкая подбородком грудицу. Буйные и с трудом контролируемые всплески магмового моря тяжелого золота Каддаф начинали доставлять ему существенные неудобства.

— Благодарю вас за похвалу, мастер Черри. В следующий раз я обязательно учту ваши пожелания.

— Да, да, обязательно учти! — Мастер Слова отвлекся от перебирания, бросающего холодные отблески на темные стены допросной своего instrumentum, и возведя глаза к потолку мечтательно улыбнулся — Хотел бы я... Нет, я очень желал бы поработать с Совершенным с отстреленным хреном! Это было бы так забавно поработать не с ним, а с оно!

— И я, и я вас поздравляю, брат Леонардо. Весомый вклад в борьбу с врагами рода людского и Веры нашей! М-да-да, весомый, да-да, значимый. Эпохальный, существенный, важнейший... Или важный? А может стержневой? Тоже ведь смысл имеет? Или, к примеру, узловый... Г-мм...

Голос брата Олонсона по прозвищу Финик, занявшего место за пюпитром и начавшего задумчиво перебирать писчие принадлежности, перекладывать с места на место увесистые тома Кодекса и Устава и проверять наполненность чернильницы, постепенно затих, стал совсем неразборчивым, а сам он отдалился в другой мир, в другую реальность. Туда, где важны только девственно чистые листы бумаги, насыщенность цвета чернил, отточенность перьев и стилусов, каллиграфия, орфография и прочие скромные радости чернильных душ.

Остальные присутствующие в допросной кратко переглянулись и невольно улыбнулись. По-разному — отец Черри широко и по сыто-кошачьему, мэйстер Фавом скупно, чуть шевельнув уголками губ, Леонардо скромно и почтительно, как следует улыбаться юному следователю-легату, а брат Родригес хищно, по крысиному, как крысе и должно улыбаться.

С тоже хищной улыбкой он повернул свое бледное лицо к Леонардо и прошелестел — прошептал скупые фразы:

— Я также присоединяюсь к присутствующим и поздравляю вас легат-следователь Леонардо. И полагаю, нам пара занять свои места и приступить к своей работе во имя Господа и Веры нашей. Приступить к допросу. Кстати, а почему исследуемый еще не доставлен?

И словно в ответ на его слова массивная дверь допросной широко распахнулась, и четверка дюжих выводных буквально на руках занесла скованного святым железом арбалетчика.

— Ага, явились дети демонов! Что пыхтите дармоеды, будто с пятого яруса этого дрища волокли? Так, быстро на крест это мясо! Сперва на ремни и туго, на третью дырку, потом железо снимите и тогда расслабите на вторую!

Мастер Черри тугим комом пышущей энергии и шумных действий обкатился вокруг потеющих выводных, быстро тыча руками и громко раздавая указания.

— Так! Ага, ага! Здесь затяни болван! Туже! — звучный шлепок сильной оплеухи сочно дополнил недовольство мастера — И ты, кусок сала, верхний ремень тyani! У, выкормыши бездны, у безрукие!

Мастер Черри вытянулся всем телом, привстал на носочки. Резво наклонился, затем сложился пополам, сместился в бок проворно мельтеша руками, проверяя положение и натяжение ремней, притянувших тело арбалетчика к крестообразному станку.

— Все! Остальное я сам. А теперь — кыш за дверь, болваны козлорукие! И поторопите там моего ученика. Если он сюда ползет как черепаха беременная, то можете пинками — я разрешаю!

— Со всем нашим удовольствием, мастер Черри!

Голос одного из выводных был подобен реву тура покрывающего телку во время гона, такой же густой, хриплый и невероятно довольный.

— Ага, ага, я-то вас точно знаю. Особенно тебя Жико! — мастер Черри нехорошо сузил глаза и оглядел четверку выводных пригибая их взглядом — Покалечите пальцы ученику или глаза ему попортите, за место этого мяса тут повисните. Вы меня знаете.

— Знаем, мастер Черри, как не знать.

В это раз рев тура был обессилен, тосклив и полон испуга близкой смерти из-за неожиданной встречи со степным львом.

Леонардо неожиданно, удивляя сам себя, встал из-за своего стола и в пять шагов достиг повисшего на X-образном кресте арбалетчика. Обошел, чуть оттеснив, мастера Черри, цепко ухватил пальцами подбородок испытуемого. Преодолевая незначительное сопротивление шейных мышц, задрал голову арбалетчика вверх, оттянул вниз пальцами свободной руки веки глаз. Поймал налитый беспомощной ненавистью яростный взгляд, недолго вглядывался в склеры глазных яблок и суженные зрачки. Перехватился пальцами по краям щек вплотную к скуловым костям, сильно и безжалостно надавил, заставляя арбалетчика невольно разинуть рот.

— Он в неплохом состоянии. Язык без болезненного налета. Глазные яблоки чисты, капилляры не лопнули. Зрачки соответствующе реагируют на свет. Дыхание без гнилостного запаха и без хрипов.

Леонардо убрал руки от лица арбалетчика, положил правую ладонь ему на грудь в область сердца, левой ухватился за запястье испытуемого, замер на несколько десятков секунд.

— Тон сердца без сбоев, пульс ровный, наполненный. Испытуемый допрос второй, и я уверен, третьей ступени, выдержит. Мэтр-лекарь неплохо подлечил эту тварь.

— А ты разбираешься в предмете, брат легат-следователь.

Мастер Черри с нескрываемым удивлением и легким оттенком уважения посмотрел на отошедшего от испытуемого Леонардо.

— Благодарю вас мастер Черри. Но мои знания лишь ничтожная величина перед вашей мудростью и мастерством.

Леонардо вернулся за свой стол, ощущая, как удивленные взгляды присутствующих

пересеклись на нем. Зачем он высунулся, для чего? Что это ему дало кроме нового всплеска интереса к его особе и еще одного камешка в здание подозрительности? Нет ответа. Леонардо мысленно выдохнул и выпрямил спину, безмятежно и уверенно встретив изучающий взор мэистра Фавом и подозрительный взгляд брата Родригеса.

— Г-хмм, кха, да... Может, г-мм-кха, начнем допрос, братья?

Негромкий голос брата Олонсона и глухой стук тупого конца стилуса по столешнице разрушил тягучую тишину. А брат Финик, то есть брат Олонсон, не так и прост, и предсказуем.

— Да, давайте приступим, братья — старший секретарь приората разрешающе шевельнул пальцами, сверкнув в свете настенных светильников камнями в перстнях, которые до этого Леонардо не замечал.

— Помолимся, братья!

Все встали, осенили себя Святым Бесконечным Кругом и под сводами допросной вначале тихо, а затем набирая мощь и силу зазвучало:

Pater noster, qui ts in caelis,

Sanctriticetur nomen Tuum.

Adveniat regnum Tuum.

Fiat voluntas Tua, sicut in caelo et in terra.

Panem nostrum quotidianum da nobis hodie.

Et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris.

Et ne nos inducas in tentationem,

Sed libera nos malo.

Amen.

— Хм-м... Да. Во имя Господа Нашего, Амен! Итак... В день пятнадцатый, в месяц Весны Господней, в день Святых Ид, в год... В присутствии старшего секретаря... Мы, малый трибунал Святой Инквизиции Матери Нашей Церкви... Согласно Кодексу и в соответствии с Уставом... И мы заранее ставим в известность исследуемого, что к нему могут и должно применяться ступени вторые и третьи допроса, буде он упорен в ереси своей и молчании. А также первая, если упорство его превысит границы милосердия членов малого трибунала.

Голос брата Олонсона звучал однообразно и монотонно бесконечной вязью неустанно нанизывая на нить смысла тусклые бусины слов.

— Вы можете задавать вопросы, легат-следователь Леонардо. Испытуемый ознакомлен со своими и нашими правами и возможными действиями в отношении его.

Леонардо откинулся на спинку стула с двумя искусно вырезанными в дереве телами грифонами за место подлокотников, осмотрел испытуемого.

— Ваше имя испытуемый? Ваш род? Ваше место рождения?

Долгая пауза.

— Внимание малого трибунала — испытуемый молчит!

— Ваше занятие? Где вы проживаете? Кто ваш владетель, если вы связаны долгом, присягой или вассалитетом?

Молчание и тишина, только скрип стилуса брата и звук его высушенного голоса:

— Внимание малого трибунала — испытуемый вновь молчит!

— Что вы делали на тракте Нуэлл — Грожак в одиннадцатый день месяца Весны во время, что после полудня? Кто был в тот день рядом с вами? Почему вы напали на меня,

представителя инквизиции?

Только тишина в ответ.

Старший секретарь мэйстер Фавон громко хмыкнул, брат Родригес довольно ощерился, а мастер Черри безоговорочно победил его в необъявленной войне, широко и искренне улыбнувшись до видимости корневых зубов.

— Внимание малого трибунала! Испытуемому трижды задавались по три вопроса, на кои он ответить не пожелал. Согласно пунктам третьему, поправке в нем от года Святой Воды, и пункту десятому Кодексу, а также параграфу третьему и ...

— Довольно, брат Олонсон! Просто внесите в протокол допроса все эти параграфы и поправки, а иначе мы до первых звезд так и не приступим к нашему делу. Приступайте к допросу второй ступени, мастер Черри! Инструмент пользуйте по своему разумению.

Брат Родригес резко и грубо оборвал речь секретаря с неприкрытым вызовом смотря на Леонардо. Провоцирует. Непозволительное нарушение процедуры допроса, попрание прав легата-следователя, откровенное неуважение. Можно добавить еще многое и многого, но и этого достаточно. И вновь Леонардо под откровенно давящим вниманием присутствующих.

Леонардо ответил брату Родригесу безразличным взглядом, равнодушно перевел взор на мастера Черри, коротко кивнул:

— Я полностью и абсолютно согласен с братом Родригесом мастер Черри.

— Ну тогда... Тогда я... — мастер Черри, предвкушающее обвел взглядом висящего на ремнях исследуемого, хрустнул пальцами и подхватил что-то с лотка — Начну я тогда...

Но его прервала с шумом распахнувшаяся дверь в допросную. Какой-то неопрятный ком, ворох мятых одежд и стоптанных подошв огромных башмаков одновременно с грохотом падения на пол огромного, кривого в гранях и тяжелого даже на вид непонятого предмета, внезапно ввалился в помещение допросной.

— Ох, простите, простите, мастер Черри! Ох, простите святые отцы! Эта штука... Этот проклятый *спис* столь тяжел! Мастер Черри! Да вот как мне одному его с дальнего коридора тащить? Жилы же рвутся, мастер!

Мастер Черри оглянулся на вопли и крики, беспомощно вздохнул, медленно отложил обратно на серебряный прямоугольник лотка непривычно изогнутые клещи с широкими «губками».

— Простите, братья. Мои вам извинения. Это... Это мой великий позор и стыд, это мой бездарный ученик Себастьян.

— Но мастер! Вы как так? Вот вы же сами вчера по вечеру хвалили меня, по щеке трепали, за шею обнимали и говорили мне в ухо, что я вам подаю надежды! Большие! А ныне — я у вас стыд и позор! Великий стыд! Как хрен на обозрении!

Лицо ученика мастера скривилось в непритворной обиде, на удивление красивые и сочно-яркие губы его, трепетно задрожали, расплылись в губища.

— Заткнись, Себастьян! — мастер Черри оглушительно и трубно возвопил, аки чудище южное с хвостом-носом, вздулся гневной краснотой и рванул за шиворот балахона уже почти вставшего на ноги ученика, роняя его вновь на пол — Молчи, сукин выкидыш!

— Вечером, вчерашним, значит. По щеке, значит. За шею и в ухо, значит. Большие надежды. И кувшин вам с вином в келью тем вечером относили, мастер Черри. Я это видел.

Брат Родригес лучился все понимающей и всепрощающей улыбкой, доброжелательно глядя на багрового от прилива крови к лицу Мастера Слова и его вдруг присмирившего ученика, что так и полувисел на руке мастера подвешенным за шиворот. Старший

следователь приората мэйстер Фавом скрупулезно, досконально и очень-очень внимательно изучал потолок допросной, нервно вздрагивая уголками губ. Возможно, ему сильно не нравились вон те две длинные трещины. Брат Олонсон уткнулся в бумаги, втянув голову в плечи и почти спрятавшись за книжным хребтом из томов Кодекса и Устава, оставив видимой только блестящий пяточок свежесбритой тонзуры, почему-то иногда редко вздрагивающий.

А Леонардо мысленно стонал. Бил себя по лбу невидимой рукой и втискивал зубы в друг друга, гася гнев и сохраняя безразличный и отсутствующий вид. Великая Сила что за нелепый фарс! За что, за что ему это? Когда и где он успел прогневить Темную Мать?

— Г-мм... Предлагаю прерваться на некоторое время, святые отцы. Посетить трапезную, размять члены прогулкой, развеяться. Что-то у нас пошло не так — кисть мэйстера Фавом совершила плавное кругообразное движение — Я, старший секретарь приората мэйстер Фавом, властью и правом данным мне, объявляю перерыв в заседании малого трибунала! На одну половину часа!

— Да-да, давайте прервемся. Да-да! — брат Родригес несколько раз согласно качнул головой вытягивая свое тело из-за стола — Развеемся и разомнемся. И брат Черри тем временем тоже разомнет свой большой... То есть свои большие члены и приведет в чувство меры своего ученика. И просто в чувство.

— По-моему он ... — брат Родригес по птичьему наклонил голову и внимательно взгляделся в синее лицо закатившего глаза бедняги Себастьяна — Он у вас э-э... Несколько задохнулся, брат Черри.

— Внимание! Малый трибунал удаляется на перерыв! Конвой к исследуемому! — громко каркнул брат Олонсон, а Леонардо вновь мысленно застонал.

Он не последовал в трапезную за оживленно переглядывающимися друг с другом отцами-инквизиторами — братом Олонсоном и братом Родригесом. Не пошел и за старшим секретарем на верхнюю галерею любоваться пасторальным пейзажем и видом на парк. Какая ранней весной пастораль и что может быть красивого в еще голых, без листьев, деревьях? Возможно, очень даже возможно, старший секретарь хотел с ним пообщаться с глазу на глаз, как говорят францы тет-а-тет, но ему это было не нужно. Вместо этого Леонардо вышел почтительно последним, коротким движением ладони поднял с табурета, терпеливо ожидающего его у двери допросной Бруно, и быстро направился в сторону правого коридора. Поворот, коридор, еще поворот, долгий спуск на минус третий уровень, сухой кивок слабо знакомому коридорному, демонстрация своей Печати Вопрошающего и перстня караульным. Еще пара десятков шагов мимо массивных дверей, обитых полосами священного железа, с часто зарешеченными хмурыми овальными окошками. Очередная разделительная решетка, очередной пост караула — отдел строгого содержания исследуемых. Несколько быстрых шагов и Леонардо замер перед камерой с грубо выкованным из плохого железа номером одиннадцать над дверью.

— Открыть. Конвою удалиться на три шага. В камеру не входить. Пункт тридцатый Кодекса — тайна следствия. Бруно, ты тоже.

Лязгнули наружные запоры, неприятно скрежетнул провернувшийся ключ в замке, зазвенела натягиваясь стопорная цепь. Леонардо отстегнул оружейный пояс, снял перевязь со шпагой, передал все это Бруно. Боком, сильно наклонив голову, протиснулся в камеру, шаркнув тканью куртки по холодному металлу косяка двери внося перед собой вытянутый ромб переносного светильника. Неуместно ярко белый в густой черноте камеры круг света

извлек из мрака обнаженное тело крупного мужчины у торцевой стены. Мужчина слабо шевельнулся, нехотя поднял голову, подслеповато моргая и сильно сужая веки глаз.

— Мальчик-инквизитор? Не-неожиданно. Мальчик-инквизитор зачем-то решил навестить меня? Мальчик соскучился по мне?

Леонардо в молчании и не обращая внимания на заговорившего с ним, пару раз прошелся по камере — девять коротких шагов от двери до стены, на полпути остановился в центре помещения, повернулся вокруг себя. Сделал невероятно широкий и быстрый шаг вперед, встал лицом к прикованному цепями к стене теперь уже не такому массивному и огромному как тогда на тракте, осунувшемуся и похудевшему Совершенному. Протянул вперед руку, обхватил ладонью влажные от сырости и неприятные шероховатостью поверхности крупные звенья цепи. Хорошее, но недостаточно хорошее священное хладное железо. Для него полностью безвредно — не та сила, не на то воздействие. А вот на сотворенных алхимией тварей может оказать негативный эффект. Эффект весьма низкий по КПД, но атаку может прервать или если угадать с ударом в ранее уже нанесенную рану, то и отгонит тварь на краткое время. Особенно тех, что без хитинового панциря или без шерсти. Сообразительность сотворенных тварей прямо пропорциональна их инстинкту самосохранения. В будущем это необходимо учесть. Цепь недовольно звякнула, небрежно выпускаемая из ладони и ударяясь об стену.

Широко раздувая ноздри, Леонардо втянул стылый воздух камеры, смешанный с четко ощущаемыми запахами дерьма, мочи, пота и безысходности. Поймал на себе изучающий взгляд, поставил на пол светильник, сам пристально взгляделся в приноровившиеся к свету глаза Совершенного с ясно различимым красноватым оттенком в далекой глубине.

— Ко мне пришел очень странный мальчик-инквизитор. Или уже не мальчик? Или уже не инквизитор?

Леонардо близко-близко наклонился к лицу Совершенного, выдохнул-прошептал, касаясь его лица зноем своего дыхания, что иссушало не хуже пекла пустыни Коррибана и обжигая расплавом золота глаз:

— Ты что-то видишь? Ты что-то чувствуешь? Тебе это дано, Совершенный? Это твой личный дар? Или это у всех вас? Ответь мне!

Совершенный оглушительно лязгнул в струну натянувшимися цепями в попытке отклониться, отодвинуться от него, напряженно вытянулся телом. Его рот почти распахнулся в крике, но ладонь Леонардо вхлопнула, вдавила обратно почти вырвавшийся в тишину камеры громкий вскрик:

— Не надо, не шуми. Еще рано, еще не пришло твое время кричать. Да и не услышат тебя отсюда те, до кого ты хочешь дозваться.

Леонардо легко, невесомыми прикосновениями подушечек пальцев, тронул лоб и щеки закаменевшего в оцепенении Совершенного. Ласково, с той лаской с которой треплют загривок пса, коснулся-обвел овал рта Совершенного. Поймал взглядом дерганное биение жилки на его шее, непроизвольно обмел языком шелуху своих вздернувшихся в оскале губ. Кончиком языка осторожно коснулся тонких игл неожиданно заострившихся клыков. Странно, страшно для других, функционально, но это ему не нравится. В дальнейшем таких неожиданных трансформацией следует избегать. Он не Зверь.

Вновь втянул в себя воздух, стараясь захватить, впитать в себя запах Совершенного с возбуждающим и волнующим кислым оттенком откровенного страха и ужаса. Какой это оттенок по порядковому номеру? Пятый или двадцать пятый? Для него он всегда первый.

— Ты прекрасен Совершенный, ты просто восхитителен. Столько Силы! — пальцы Леонардо пробежались от шеи к ключицам и обратно вверх по губам, по щеке Совершенного. Замерли на висках — Я чувствую ее запах. Запах Силы! Чудно, чудно, чудно! Береги ее, сбереги ее для меня, не растрать ее. И жди меня. Скоро, это будет скоро!

Леонардо резко отшагнул от застывшего в онемении Совершенного. Оглядел его еще раз, наклоня голову в одну сторону, в другую. Сильно ткнул кулаком в бицепс руки Совершенного, безжалостно ухватив пальцами-клещами потянул кожу над ключицей, заставляя его встать на цыпочки, недовольно поморщился:

— Тебя плохо кормят. Я распоряджусь увеличить твой рацион.

Совершенный, все так же напряженно вытянувшийся, сверкнул глазами, булькнул пережатым горлом, просипел затухающим в стенах звуком, истек бесцветной краской бессильных слов:

— Не боишься, что я расскажу о тебе, неведомый враг, что занял место мальчика-инквизитора?

— Боюсь? — Леонардо коснулся указательным пальцем ямочки на подбородке, ненадолго задумался, копаясь в мыслях, предположениях, предпосылках — Нет, я не боюсь. Я опасаюсь твоей глупости. И я тебе не враг Совершенный. Я буду беречь тебя, я буду оберегать тебя от всего и всех. Слово Владыки!

— Для чего оберегать, враг?

— Для чего? Узнаешь. Скоро узнаешь. Все скоро!

Леонардо широко и открыто улыбнулся, и искренне, не тая чувств, подмигнул Совершенному:

— Благодарю тебя за эти мгновенья. Дух мой ныне спокоен и ровен. А то эти низшие так утомляют! Ну ты то ведь понимаешь меня, Совершенный? Ты точно меня понимаешь! Моя прелесть!

И не дожидаясь ответа и более не обращая внимания на прикованного к стене человека, Леонардо покинул камеру. Только его немного беспокоила произнесенная им последняя фраза: «Моя прелесть!». Фраза была бессмысленной и одновременно осмысленной и даже двусмысленной. Она была полна символизмом и значением, но каким и для кого?

А когда Леонардо вернулся в камеру, его ожидал неожиданный сюрприз. Приметный ростом служитель канцелярии приората возвышался вытянутой в небеса башней у секретарского пюпитра брата Олонсона. Энергично шелестел листами бумаги и попеременно быстро и недовольно тыкал пальцем то в начертанные на них строки, то в висящего на ремнях арбалетчика, словно он о чем-то спорил с секретарём и что-то ему доказывал. Брат Олансон не соглашался, отрицающее взмахивал руками и тут же скорбно кивал головой и елозил пальцем по подсовываемым ему служителем листам. В конце концов они пришли к неведомому консенсусу. Брат Олонсон пожал плечами, внес несколько записей в протокол допроса, встал и громко откашлялся:

— Внимание малого трибунала! — голос секретаря прервал любопытствующее ожидание отцов-инквизиторов.

— Сей исследуемый — рука секретаря указующе вытянулась в сторону арбалетчика — предположительно еретик и пособник врага Веры и рода людского, твердо и точно опознан! Согласно показаниям добрых людей, чьи имена не раскрываются согласно Кодексу, что подтверждены ими клятвой на Святой Книге, *augustus juratum*, это есть Ксандр по прозвищу Стрелок. Он является уроженцем селения Лакемо епархии Сабарте, рода Укку. До года

Ясного Неба он проживал на улице Тюльпанов в съемной комнате в Сером доме, что принадлежит почтенному горожанину Есику Тоззе и должен сему домовладельцу семь с четвертью флоринов включая проценты за задержку платы. Сей Ксандр по прозвищу Стрелок имеет жену по имени Паккета, рода Фоте, также уроженицы селения Лакемо епархии Сабате, и дочь примерно девяти-одиннадцати лет именуемую Сюззи по-прежнему живущих в том доме и той же комнате. Жена и дочь сего Ксандра уже взяты под стражу и вскоре будут доставлены в приорат. Согласно пункту три дробь девять Кодекса Инквизиции, первый круг вопросов к исследуемому может быть пропущен, как необязательный, о чем внесена соответствующая запись в протокол. Малый трибунал в лице легата-следователя Леонардо может приступать ко второму кругу вопросов и второй ступени допроса вплоть до первой, буде исследуемый позволит себе не отвечать на задаваемые ему вопросы и упорствовать в своем молчании.

Леонардо все время, пока секретарь вещал и сыпал как мукой канцеляризмами и тяжеловесными оборотами речи, не спускал глаз с арбалетчика. Он видел, как напряглись мышцы его тела при имени жены, дернулся судорожно кадык, сузились глаза и окаменело его лицо при имени дочери. А при известии о их задержании и скорой доставке близких в казематы приората на его виске забила-запульсировала беспокойно выпуклая венка.

— Прекрасно, брат Олонсо. Личность исследуемого установлена и сомнений не вызывает, что упрощает процесс допроса. Легат-следователь Леонардо, вы желаете что-то дополнить или сразу перейдете к вопросам второго круга?

Старший секретарь вопросительно посмотрел на Леонардо. Леонардо встал и поклонившись отцам-инквизиторам ровным тоном ответил:

— С вашего позволения, мэйстер старший секретарь, я воспользуюсь правом на изменении процедуры следствия и прошу малый трибунал удалиться в совещательную комнату.

— По какой такой причине, легат-следователь? — брат Родригес даже чуть приподнялся со своего стула с несуразно высокой спинкой — Что, нам неведомое, позволяет вам прервать допрос на, на мой взгляд, весьма несвоевременное совещание?

Брат Родригес с наигранно недоуменным видом обвел рукой помещение допросной, задерживая движение своей длани на арбалетчике, Мастере Слова и пюпитре брата Олонсона:

— Исследуемый опознан, брат Черри готов приступить к своим обязанностям, дабы подтвердить выводы следствия его согласием. Впрочем, это и не обязательно. Зачем? Вина сего еретика и отступника в явном противодействии Вере нашей и пособничестве Врагу людскому несомненна и доказана вами же легат-следователь, вашим словом. Да одного его нападения на вас, легат-следователь, вполне достаточно для его казни посредством медленного удушения!

— И все же я настаиваю на своем праве прервать допрос для изменения его процедуры и прошу трибунал проследовать в совещательную комнату.

— Право легат-следователя подтверждено Кодексом и Уставом! Оспаривание его права есть неуместное своеволие и нарушение процессуальных норм, брат Родригес! Вам выноситься словесное предостережение, брат Родригес, что я вынужден вписать в протокол допроса!

Брат Родригес резанул злым взглядом секретаря, на что тот ответил не менее колючим взором. Ох как все не просто в отношениях святых отцов, а ведь следуя в трапезную они

дружески переглядывались и демонстрировали взаимную приязнь. Пауки в банке, змеи в яме. Но все равно, спасибо тебе, брат Финик, то есть Олонсон, огромное спасибо, какие бы причины не заставили тебя меня поддержать.

— Прошу вас соблюдать спокойствие и следовать правилам, святые отцы! Я поддерживаю право легата-следователя Леонардо на изменение процедуры допроса — старшему секретарю приората было откровенно интересно.

— Малый трибунал удаляется на совещание! Конвой в допросную!

Да что же за неприятный все же голос у брата Олонсона! Как взвизг плохо заточенного клинка по разрубаемой кости.

— Итак, легат-следователь, что вы хотите изменить в процедуре следствия? Поведайте это нам.

Брат Родригес свободно развалился на мягком низком диванчике, закинув руки на спинку и расшарашив балахон своей рясы широко раздвинутыми коленями, таким образом заняв все свободное место. Мэйстер Фавом, брат Олонсон и Мастер Слова Черри заняли остальные три свободных кресла, оставив в распоряжении Леонардо неудобный стул в центре комнаты. Леонардо стулом не воспользовался — глупо занимать место в центре, не являясь по своей сути «центровым» в данном случае. Эпитет из низкого языка воров и бродяг, но суть происходящего отображающий верно. Да и стоя он наоборот имеет небольшое психологическое преимущество, что бы там не воображал себе брат Родригес.

— Я предлагаю применить к этому Ксандру психологический прессинг.

— Нет! Пресс Правды — это же сразу окончание первой ступени! Да этот Ксандр просто сдохнет, не доживет он до суда! Я категорически против столь быстрой порчи материала! Я против!

Мастер Слова Черри после шумного и быстрого высказывания активно завозился в кресле набывчившись, громко засопев и быстро оглядываясь по сторонам в поисках поддержки или возражений на его экспрессивную речь. К его сожалению, брат Родригес сидел к нему спиной и затылком выражаться не мог. Брат Олонсон молчал и застыл лицом, а на губах так же сохраняющего молчание старшего секретаря приората мастеру мнился призрачный издевательской улыбки, что заставляло сопеть его все более энергичнее и сердитее.

— Простите мастер Черри, но я не говорил про пресс. Не реальный пресс Правды имел я в виду. Я хотел бы предложить нам использовать...

— Давление он хочет использовать, мастер Черри. Давление на чувства и разум исследуемого. *Primo, pressi, pressum* — давить, нажимать, угнетать *mentis*, то есть разум или сознание. Или же душу. А психо это тоже самое, но только по древнегреческому. Необычные у вас знания легат-следователь и сочетания слов вы тоже используете необычные. Я не сталкивался с подобными выражениями при своей учебе в университете.

Брат Родригес, грубо перебивший Леонардо хищно подался вперед, сверля его недобрым взглядом.

— У меня прекрасное домашнее обучение, отец Родригес. Мой благородный отец не жалел золота на учителей и менторов для меня. И библиотека Раннейских герцогов славится по всей империи немалым собранием многотомных трактатов и трудов мудрецов древних времен.

— Да-да, я слышал об обширной коллекции вашего отца сих еретических писаний, легат-следователь.

— Наместник Святого престола, да пребудет он в Святом Свете, своей личной буллой от

года Лютой Зимы удостоверил сии труды как не несущие вред Вере Нашей! — Леонардо ответил брату Родригесу таким же пристальным сверлящим взглядом — Или вы святой отец имеете свое мнение несходное со мнением Наместника Господа нашего?

Брат Родригес промолчал и отвел взгляд в сторону. Так себе победа, скорее победка, по очкам, не более.

— Гхм-м... И что же вы предлагаете, легат-следователь, в качестве этого прессинга?

Леонардо всем телом развернулся в сторону старшего следователя приората:

— Я предлагаю задействовать в процедуре допроса жену и дочь исследуемого Ксандра в качестве инструмента давления на него и его слома.

— И каким образом вы хотите его — мэйстер Фавом мысленно покатал на языке слово, откинул его и вернул назад, не найдя замены — сломать?

— Содействием следствию заключенного Амати Рато, так называемого Душителя детей.

Наступившую в совещательной комнате тишину можно было потрогать, порезать ножом, сжать в кулаке. Взгляды отцов-инквизиторов тоже были явственно ощутимы, тяжелы пристальным изучением и гадки привкусом с трудом скрываемой брезгливости.

— Я вас понял, легат-следователь, и постиг суть вашего предложения — разомкнул сдавленные долгим размышлением и тяжелым принятием столь отвратного выбора губы, старший секретарь.

— Надеюсь у вас есть веские основания для столь... Столь аморального и... И грязного по сути действия?

— Есть, мэйстер Фавом.

Леонардо мысленно облегченно выдохнул. Да, им все заранее просчитано, учтены почти все нюансы, предположены действия и противодействия, расписаны его шаги и его ответы, но эти низшие всегда могут совершить что-то неожиданное. Что-то дикое и неприемлемое для рационального мышления, пойдя на поводу своих чувств и руководствуясь химерами морали и совести. Это низшие, они такие.

— Святые отцы, наш Совершенный в компании своих приспешников направлялся в город. Для чего? Для встречи со своими клеветами? Что-то забрать? Что-то передать? Что-то сделать? У нас разве есть ответы на эти вопросы?

— Мы их получим от этого Ксандра! Как огнем прижжём, так и сломаем, как ты говоришь. Все ломаются, все в конце концов говорят — злой горловой бурк Мастера Слова похож на кашель старого ворона.

— Согласен с вами мастер — ломаются все. Сходят с ума, впадают в кому, или же лгут и тянут время, поя заррийским соловьем о неважном и незначительном. А мы теряем время и возможности. Я ни в чем не ошибся, мастер Черри?

— Не ошибся. Ты не ошибся, легат-следователь.

Уязвленное самолюбие, тыканье носом и разница в возрасте, в ранге и статусе не помогает заводить друзей. Непередаваемо забавно и даже немного смешно — друзья среди низших. Леонардо произвольно тронул свои губы тенью улыбки.

— Тогда я продолжу. Наблюдая за исследуемым Ксандром я пришел к твердому суждению, что он будет молчать или бесконечно лгать. Да он все-таки сломается или же умрет под пытками, но время, святые отцы, время! Я более чем уверен, что Совершенный с определенной целью направлялся в город, здесь его, я совершенно убежден, ждут. Здесь Гнездо. В городе.

А вот сейчас тишина в совещательной комнате была другой — предвкушающей, взвинченной, беспокойной и тревожной. Гнездо — это Гнездо. Это немислимые почести при его разорении и полетевшие головы при упущении пособников проклятых эльдаров. Или, об этом и подумать страшно — самих эльдар! И ладно бы головы, а то ведь могут в наказание упечь в такие дальние дали, на просторечном говоре произносимые как «ипеня», да с такой епитимьей, что о наложении рук на себя задумаешься! Нет, лучше толстый шелковый шнур в руках отца-эксекютора, похрипел недолго и к стопам Господа припал осененный Светом Его. С покаянием и с отпусканьем грехов пред этим. И вину искупил и душу спас.

— Какие у вас основания для столь значимого вывода, легат-следователь? — брат Родригес уже не сидел, развалившись и расслаблено, он был полностью собран, напряжен как пружина и нетерпеливо ждал, хотел, не скрывая этого, подтверждения словам Леонардо, собственным мыслям и выводам на их основе.

— У них не было при себе припасов, отец Родригес. Не было воды и заводных коней для долгого перехода. Не было теплых вещей. Не было...

— Лошадей и прочее они могли купить в городе! Этого мало, это невесомо! — отец Родригес по-прежнему плевал на все нормы вежливости и приличия. Перебил, отмахнулся рукой, как и от доводов, так и от самого Леонардо. Бесит. Леонардо оставался спокоен:

— В кармане третьего спутника Совершенного был обнаружен кошель с медными монетами. Сумма монет сантим в сантим равна плате за въезд в город троих всадников и пребывания в нем более трех суток. Это на больше на целый флорин для тех, кто проездом. А наши исследуем совершенно не похоже на состоятельных людей. Добавлю — Леонардо указал куда-то в сторону допросной — У этого Ксандра были также найдены при себе три куска ткани коричневого цвета с обметанными нитью краями. И эти три тряпки очень уж схожи с нарукавными повязками сочувствующих гильдии кожевников. Далее, у безголового, нами не определенного исследуемого, в вещах хранились два векселя нуэльского филиала банковского дома Гигинэм. Более они нигде не обналичиваются. Сумма — три тысячи флоринов. Как вы полагаете, отец Родригес, наши исследуемые продолжили бы свое путешествие с пятнадцатью килограммами золота? — Леонардо торжествующе улыбался. О, это был весомый и немалый довод — Я очень внимательно прочитал копию рапорта вице-сержанта егерей. Святые отцы, ответьте — в каком еще городе, кроме города Нуэлл, цвет знака гильдии кожевников является коричневым? Кто платит медью, а получает по векселям золото? — задал Леонардо риторические вопросы и сам же на него ответил — Ни в каком. Только здесь, только в Нуэлле. Никто. Только курьеры.

— Тогда, тогда надо допросить не этого Ксандра, а самого Совершенного! — буйно вскинулся с места брат Олонсон и тут же умолк, сам себя заткнул и уселся обратно под соболезнующими взглядами человеку, сказавшему несусветную глупость.

— Они все молчат на допросах, эти мерзкие твари. Час, ну другой иногда, если им ядом не надоест плевать, а потом тык и сердце встало. Ни одного же так и не смогли ни разу допросить, забыл никак о том, брат Финик? Тьфу, брат Олонсон, не прими в обиду оговорку!

— Тогда, мы голосуем отцы-инквизиторы? — старший секретарь приората обвел требовательным взглядом состав малого трибунала и первым поднял руку — Я за!

— Согласен! За я! Интересно будет посмотреть, может чего нового познаю.

— Поддерживаю полностью! И позволю себе заметить, что пункты сорок два и подпункт...

— Ну промолчи ты про свои пункты, брат Финик, хоть раз! — с горестным вздохом брат Родригес оборвал секретаря, вставая с диванчика и вплотную приближаясь к Леонардо. Из рта его дурно воняло чесноком и еще чем-то закисшим, до тошноты неприятным. Да и от самого него несло тяжелым застарелым запахом пота, а из тонкого крысиного носа торчали длинные рыжие пучки волос. Два мерзких прыща от грязи на лбу и на сальной шее, и еще, еле-еле виден в круге ворота сутаны назревший чирей. Скоро лопнет.

«Омойтесь дважды в существовании своем — при явлении в эту юдоль скорби и когда представлять будете перед Господом нашим». Сколько лет назад эту невообразимую глупость изрек Коллон, тогдашний Наместник Господа — триста лет или четыреста? И какой же тогда несгибаемый духом хранитель древних заветов наш брат Родригес! Настоящий стоик! Мерзкая нечистая телом, духом и мыслями низшая тварь. Не достойная меча, только вонючей пасти сотворенного туката.

Брат Родригес что-то уловил, взгляд его и так ненавидящий, превратился в что-то вообще невообразимое, в сплавленное нечто, в крошащийся ядовитой пылью сухой кусок дерьма. И голос его тоже смертельный яд и разъедающая кислота:

— Я очень надеюсь, что вы не ошибаетесь, легат-следователь. Ни в чем — ни в Гнезде, ни в действительности ваших методов, ни в разговорчивости исследуемого. Я даже откровенно желаю этого. Если вы правы, то вы не найдете никого более открыто и всеми возможностями поддерживающего вас на пути вашем к инквизиторской инсигнии, чем я. Но, если вы ошибаетесь, легат-следователь, я предприниму все всевозможное, что бы ваш путь бесславно оборвался. В инквизиции не место авантюристам со столь грязными методами. И что у вас с глазами? Болеете? Желтухой?

Леонардо сложил губы в подобие вежливой улыбки и негромко ответил, растягивая слова и сознательно дразня брата Родригеса:

— О, нет, я полностью здоров, отец Родригес. Вы ведь о нашей родовой черте тоже слышаны? Это статочные последствия быстрого выздоровления. И я непременно запомню, отец-инквизитор Родригес, ваши слова о моем Пути. И сообщу их моему благородному отцу. Кстати, а как вы относитесь к высказыванию пятого Наместника Святого Престола святого Игнация Лойолы: «Цель оправдывает средства»? Или и в этом случае у вас есть другое мнение? Не схожее с мнением Наместника? Его же канонизировали, верно? А это означает, что это святые слова изреченные будущим святым.

Они еще некоторое время померялись силой взглядов, а потом брат Родригес отвел взгляд, всем телом повернулся к наблюдающим за ними святым отцам и громогласно произнес:

— Внимание малого трибунала! Я, старший отец-инквизитор Родригес, как *Clam spectacul*, сиречь Тайный представитель Третьего отдела Святой конгрегации, говорю вам — я за! Властью своей и Правом своим я накладываю на легат-следователя видама Леонардо всю ответственность за то, что произойдет и что свершиться! И нарекаю сего легат-следователя именованием *Minister roenagum* с правом принимать решения, отдавать необходимые приказания и действовать всеми силами своими во славу Господа и Веры нашей на срок одного десятка дней! *Inquam defect! In nomine Patris, et Filii et Spiritus Sancti Amen. Dixi!*

А Леонардо даже не удивился услышанному. Низшие, они всегда поражают и изумляют — то своей немислимой вселенской мудростью, то или глупостью, то вот такими неожиданностями. Тем и сильны, потому и существуют до сих пор.

Глава шестая.

О том, что изменение процедуры допроса дает нужный результат, арбалетчик Ксандр заключает сделку со следствием, в городе Нуэлл действительно находится Гнездо Совершенных, а временная должность Minister poenarum, то есть министр наказаний, не только дает широкие права, но и накладывает неимоверно много обязанностей.

Пока они ожидали доставки в допросную жены арбалетчика по имени Паккета и его дочери Сюззи, то каждый из состава малого трибунала занимался выбранным им делом.

Отец Родригес медленно перебирал бусины четок, шевелил губами в беззвучной молитве и с такой доброжелательностью и благосклонностью поглядывал на Леонардо, что у более слабого духом давно бы маршировали по коже бесчисленные легионы мурашек. Старший секретарь мэистер Фавом откровенно скучал и томился ожиданием — после оглашения своего ранга отцом Родригесом и вручения им неограниченных полномочий Леонардо, его присутствие на допросе было ненужной фикцией. Брат Олонсон непрестанно скрипел стилусом и с тихим шелестом перелистывал страницы Кодекса и Устава. Мастер Слова Черри с ожесточенным рвением перебирал свой набор инструментов дознания. Чем-то то громко клацал, бумкал и гремел. С затяжным шуршанием щелкал, стрекотал натяжными барабанчиками и тщательно протирал, предварительно жарко дыхнув, бархатной тряпочкой все блестящие и острые поверхности. Время от времени он хмуро поглядывал на своего, допустимо, простодушного ученика Себастьяна. Тот отвечал ему открытой улыбкой и безмятежным взглядом «солнечного дитя». Кстати, он уже установил в углу допросной непонятный механизм под названием *списис* и тоже чем-то там щелкал и клацал. Леонардо отвлекся от изучения своей новой инсигнии насыщенного синего цвета, что одновременно торжественно и как-то буднично, как безделушку, как сувенир, вручил ему Тайный представитель Третьего отдела Святой Конгрегации старший отец-инквизитор Родригес и попытался разобраться в назначении устройства.

С виду вроде бы обычный, горизонтально расположенный крест, не более. Но не Х-образный, а буква «Т» с добавленной к горизонтальной перекладине короткой вертикальной чертой и его опоры заканчиваются шарообразными устройствами, что предполагает перестроение сего устройства в разные формы. Широкие удерживающие ремни на концах креста, такая же широкая проклепанная лента с прошитой толстой нитью тканной полусферой, «шапочкой», в окончании самой короткой перекладины креста. А сами перекладины все какие-то нерационально толстые, будто бы вложенные одна в другую. Леонардо равнодушно выпустил из пальцев инсигнию, заставляя ее небрежно, на перекосе, повиснуть на толстой нагрудной цепи. Вещь, бывшую ранее предметом его вожделения, сновидений, недостижимой мечты, а ныне просто острый на кончиках фигурных крыльев крестообразный кусок стали с кучей черепов, расположенных на одной линии сверху вниз. Кстати, у инсигнии и у этого устройства, *списис*, одна форма. Форма вот такого креста, с палкой вверх. Совпадение? Возможно и совпадение, а возможно это символ или знак. Леонардо усмехнулся собственным мыслям — игра разума, бег мыслей, заскучавшего в бездействии сознания. Это просто кусок стали, пусть и хорошей стали. Ну синяя она, не простая красная, ну дает право игнорировать приказы и указы всех, кроме Наместника Святого престола. Ну может он взять, если такое глупое желание возникнет в его разуме, под

свою руку хоть легионы Астра Милитариум и легионы Адептус Астартес, да хоть Первую роту Адепта Сороритас и что? Они ему нужны? Нужны на целых десять дней? Если только создать из них Зверей — Слуг из этих твердолобых фанатиков не выйдет, да и Звери сомнительны. Вот твари — да, твари, сотворенные из них, будут великолепны! Но это пока неосуществимо ни за десять дней, ни за сотню. Так что там с перекладами этой штуки?

Леонардо медленно подошел к непонятному *списис*, внимательно взгляделся — так вот тут направляющие, это вот шестеренчатый механизм. Крутим этот рычажок, щелкает храповик и перекладыны постепенно выдвигаются друг из друга по направляющим. А нижняя перекладка помимо этого разделяется на две части. То есть руки и ноги можно вытянуть до разрыва связок и жил, а ноги добавочно развести в стороны также до разрыва паховых мышц. Обычная дыба, но неплохо усовершенствованная с добавочными функциями и облегчающая нелегкий труд палача. Для задуманного им она подходит идеально.

— Добротная вещь, господин святой отец инквизитор легат, я вам имею доложить. Немцы ее сработали, они толк в этом знают, они этот, «сумрачный тАвтонский гений», как мастер Черри говорит. В Кемском волостном приорате испробовали уже, так только добрые слова и говорили. И на выездные комиссии трибунала брать такую механизму очень сподручно, одна лошадка ее везет или мул, или ослик даже. А ранее мы то спанский «сапог» с собой, то францеву «пилу» брали, а они неподъемные и вдвоем. И толку от них мало, только материал то обмирает быстро, то портиться. Да и кровищи льется непомерно, чисти потом от нее до самого утра! А эта механизма чистая, лишь обделается кто, да то водой побыстрому смыл и знай себе работай дальше! Нравиться она вам, господин инквизитор легат святой отец?

Ученик Мастера Слова Себастьян смотрел на Леонардо незамутненными глазами добродушного пса, ждущего похвалы и хозяйской руки на холке. Смотрел чистым взором недоумка и чуть-чуть убогого, что совсем немного не дотягивает до законченного дебила. Славный материал для изменения — силен и здоров, в меру разумен, уже выдрессирован. Из него вышел бы прекрасный Зверь, но мастер Черри его Леонардо не отдаст. Жаль. И вдвойне жаль, что ни разу этот низший не недоумок. Отличный актер и умелец мимикрии — да, но не дебил, отнюдь не дебил. Интересный юноша.

— Мне нравится, Себастьян. Эта штука... Этот механизм уже готов к использованию?

— Ага, святой отец. Хоть сейчас, хоть потом — я все смазал и проверил не один раз!

— Будем использовать *списис*, брат министр? — мастер Черри оставил в покое свой инструмент и неслышно возник с боку от Леонардо.

— Да, мастер Черри, мы будем его использовать. Ведь эта перекладка раздвигаться? То есть разводиться. То есть раздвигается. Так правильно?

— Да, брат министр, она раздвигается почти до двух метров.

— Ну столь большое расстояние нам ненужно — оценивающе протянул Леонардо — Достаточно и полуметра. Влагалище будет полностью доступно и видимо. Отрегулируйте удерживающие ремни под ребенка, мастер Черри.

— Под ребенка? То есть под дочь его? — мастер Слова качнул головой в сторону арбалетчика.

— Да. Именно под ребенка. И взбодрите этого Ксандра, а то он какой-то безучастный у вас. Возможно, перевисел?

— Сделаем. Отрегулируем — мастер Слова сильным тычком в плечо заставил захлопнуть раскрытый рот и приступить к работе внимательно слушающего их ученика —

Взбодрим. А точно под ребенка, брат министр? Или может вначале с жены его начнем?

— Нет. Не вижу в этом смысла, мастер. Он оставил ее одну два года назад. В безвестности, без средств к существованию и с долгами. Вы в самом деле предполагаете, что что-то дрогнет в его зачерствевшей душе при ее муках? Да и позвольте вам напомнить, мастер, что эти отринувшие Господа нелюди, отрекаются от своих близких при посвящении в служение Совершенным.

— Так и от дочери он тогда тоже отрекся, так оно выходит.

— Да, отрекся. Только вот до конца ли?

Леонардо и мастер Черри одновременно посмотрели на исследуемого Ксандра. Полный боли и ненависти взгляд, вздутые синевой застоявшейся крови вены, потрескавшиеся от жара губы извиваются змеями, в горле что-то тщетно хрипит, наверное, обломки каких-то слов пытаются выползти разрубленными червями из его пересохшей гортани.

— Будьте добры, мастер, дайте ему воды. Полагаю, исследуемый Ксандр желает нам что-то сказать. Или сообщить.

Захлебывающийся кашель и шумные глотки небрежно вливаемой в рот воды из специального кувшина с длинным тонким носиком.

— Не-навижу... Твари! Бу-будьте вы прокляты, изуверы! Да сгорите вы в очищаемом пламени звери о двух ногах! Придет, придет время, и вы ответите! За все! Вы будете умолять о пощаде, скуля на коленях, но не будет вам пощады! А ты... Ты, чужой! Гореть тебе, гнить тебе в ...

Ловко вставленный кляп заткнул извергающего проклятья арбалетчика. Леонардо недовольно поморщился:

— Не совсем то, что я ожидал услышать, но это тоже результат — исследуемый вполне бодр, в сознании и может говорить.

— Сарказм? — отец Родригес на мгновение отвлекся от перебирания бусин четок.

— Банальная констатация факта, отец Родригес.

— Ну-ну. Гм, чужой... А почему он вас назвал — чужой, брат министр?

— Возможно он хотел сказать, не чужой, а чуждый? Чуждый им, их ереси, их непримиримый противник?

В голове Леонардо трескучей шаровой молнией мелькнула нелепая, несуразная и абсолютно не его мысль-фраза-цитата: «Никогда Штирлиц не был так близок к провалу». Что за Штирлиц? К какому такому провалу он близок? Что это за несуразный бред?!

— Мастер Черри, выньте кляп у исследуемого. Исследуемый Ксандр, что вы говорили про чужого, обращаясь к нашему брату министру?

Но арбалетчика молчал и только обжигал явно ощущаемой ненавистью членов малого трибунала. А затем вновь и опять запахнулась дверь в допросную, и старший конвоя оглушая басом доложил:

— Господа малый трибунал! Задержанные Паккета и Сюззи доставлены!

Отец Родригес обернулся, скрутившись телом в живой винт, разрешающе махнул рукой:

— Наконец-то! Давайте, сержант, заводите их!

Живой винт раскрутился обратно:

— Брат Леонардо — вы говорите, что делать мастеру Черри. Брат Олонсон, извольте проснуться! — из-за горного хребта бумаг раздалось «Хр-ра! Ох!» — Мэйстер Фавом вы будете присутствовать при допросе согласно измененной процедуре?

— Нет, отец Родригес. В присутствии Тайного представителя Третьего отдела и

министра наказаний мое нахождение тут бессмысленно. И напомним — я мирянин, что не позволяет мне вмешиваться во внутренние дела Церкви. С вашего позволения я удаляюсь.

В глазах мэстера Фавома явно читалось, что он очень хотел бы остаться и вмешаться, но... А в глазах отца Родригеса высвечивалось яркими буквами алмазной твердости утверждение: «Брезгуешь! Замараться боишься! И просто боишься!».

— Не задерживаю вас, мэстер Фавом. Брат Олонсон отметьте в протоколе, что старший секретарь приората мэстер Фавом, воспользовавшись своим мирским статусом покидает заседание малого трибунала и данное дело отныне является не открытым для мира, а внутренним делом Церкви.

Брат Олонсон качнул выбритой тонзурой в знак того, что им услышано и вновь скрылся в бумажном море как хищная U-501 выкрашенная в белый цвет для в Антарктике. Леонардо внимательно осмотрел приведенных караулом.

Перепуганная невысокая женщина, густо черноволосая, с тонкими чертами смуглого лица — в роду ее были мавританцы? — со страхом и мольбой переводила взгляд с одного святого отца на другого, заламывала не скованные руки и прикусывала ровными здоровыми зубами трясущуюся губу. По щекам ее бесконечно текли слезы, торя извилистые дорожки на испуганном лице. Рядом, сжатым комочком, до побелевших суставов вцепившись в платье матери, застыла девочка лет десяти-одиннадцати. Трудно определить точно — худая, явно недоедающая, забитая. Потерянный взгляд уткнувшийся в пол, прерывистое дыхание. Ребенок ничего не понимал — зачем он здесь, кто все эти люди и что они хотят от них с мамой, но был переполнен до краев ужасом неизвестности. Вот-вот капнет крайняя капля и тельце ребенка обмякнет, прячась в спасительной пустоте обморока.

Взгляд женщины, безумно перескакивающий с лиц отцов-инквизиторов на стены допросной, столы с бумагами, устрашающие устройства и холодно изливающие из себя блеск стали инструменты мастера Черри наткнулся на висящего на ремнях арбалетчика и застыл, окаменел:

— Ксандр? Это ты, Ксандр? Ксандр!

Головка ребенка чуть приподнялась на звук голоса матери, взгляд из исподлобья, влажный блеск глаз напуганного звереныша:

— Папа? Милый папочка?

Арбалетчик на ремнях застонал-зарычал, рванулся и вдруг успокоился, ощерился в торжествующем оскале, словно принял какое-то важное решение и намерился его осуществить. Но не смог. Мастер Слова быстро и ловко ухватил его за лицо левой рукой, правой стремительно мотнул вокруг головы широкую кожаную полоску, вбил ее, затягивая и проталкивая пальцами между зубов арбалетчика. Встряхнул чуть прикушенными пальцами и довольный собой и проделанным, ворчливо произнес:

— Ну вот! И болтать не помешает и язык себе не откусит! А то ишь шустряк какой, сбежать от меня задумал! — и тут же поправился — От нас, то есть.

Леонардо недовольно нахмурился — а ведь мог этот низший преподнести столь досадный сюрприз, мог. Раз и откусил он себе язык, два и захлебнулся кровью, три — у него море проблем, четыре — отец Родригес торжествует. Неприемлемо! Еще одно напоминание, еще одна зарубка — низшие способны неприятно удивить. Ему нужно быть более внимательным и предусмотрительным.

— Мастер Черри! Будьте добры, закрепите... Гм... Устройте на вашем *списис* девочку. И как ... — Леонардо недолго помолчал, подбирая слово, затем мысленно махнул рукой — ну

и что, что он повториться? — И как устроите, срежьте с нее одежду. Всю одежду. Конвой!

— Слушаем вас, святой отец!

— Заключение Амати Рато в допросную.

— Будет исполнено, святой отец! — кулак в перчатке из грубой кожи глухо стукнул в надраенную до зайчиков в глазах кирасу с выбитым на ней Священным Бесконечным Кругом и через пару минут в допросную вволокли человечка в цепях. Именно человечка. Немного горбатого, подслеповато шутившегося, с худыми голенастыми ногами, виднеющимися в зияющих прорехах остатков шпанов. Рубахи на человечке не было. Торчащие ребра, судорожно дергающийся кадык, затравленно мечущийся взгляд. Он был жалок на вид, он был грязен и невероятно вонюч. Он был подобен таракану, подобен мокрице. Один шлепок тапком и все, эта погань более не будет оскорблять своим видом и существованием этот мир. Но это только на первый, на не внимательный взгляд. Если приглядеться, то становились видны плотные пучки жил под годами невымытой кожей, узловатые бугры тяжелых суставов, сумасшедший, звериный, тщательно прячемый блеск глаз. Человечек был опасен. Не как лесной матерый хищник, а как существо из темных подземелий, подлый обитатель мрака туннелей коллектора, как крыса. Леонардо непроизвольно глянул на отца Родригеса — да, похожи, очень похожи. Как дальние родственники. Тройродные братья, например. Только отец Родригес более матер и опасен. Не силой, разумом.

— Хочешь вина, Амати Рато?

— А... А мне разве можно, святой отец?

— Можно.

Леонардо сунул в скованные кандалами руки флягу. Шумно и быстро задвигался выпирающий кадык человечка, жадно проталкивая внутрь крепленную спиртом суррогатную кислоту. Долгая отрыжка, звон цепей при вытирании пролитых на подбородок капель.

— Спаси вас Господь, святой отец.

— Пожалуйста, Амати Рато.

Опустошенная фляга небрежно отброшена в сторону.

— А ее хочешь? — Леонардо скупым жестом перевел взгляд от себя на обнаженное тело девочки, распятой удерживающими ремнями на *stucis*. Человечек протяжно выдохнул, жадно облизнулся:

— Ее тоже... Хочу. Тоже можно?

Голос Леонардо подобен хлещущей плети-шестихвостки:

— Не забывайся, Амати Рато! Добавляй — святой отец!

— Да-да, святой отец! Простите, простите меня, святой отец! Ее тоже можно, святой отец?

— Да. Ее тоже можно. Только ты не спеши, Амати. Сперва поводи там, потыкай своим причиндалом. Пусть ее отец и мать насладятся зрелищем, пусть проникнутся.

— Мать и отец, святой отец? Тут они?

— Да. Вот ее мать, а вот ее отец — Леонардо поочередно указал на беззвучно стонущую Паккету и висящего на ремнях с закрытыми глазами арбалетчика.

— Это... Это сладко, это будет очень сладко святой отец! Спасибо вам, святой отец! А вам за это ничего не будет? Ой, простите меня, святой отец! Я из чистого... Я за вас, это... Вы так добры к несчастному, Амати, святой отец!

— Мне ничего не будет. А вот если ты будешь настолько глуп, Амати Рато, что без моего дозволения засунешь свой член в ребенка, то я — Леонардо выдержал паузу,

всмаатриваясь в глаза человечка и на долю мгновения позволяя себе сверкнуть в глазах расплавом золота — Я лично тебя кастрирую и заставлю сожрать тебя твой собственный член и яйца. Медленно и тщательно прожёвывая. Сырыми. Ты мне веришь, Амати?

Человечек неожиданно рухнул на колени, попытался обхватить ноги Леонардо скованными руками, взвыл визгливо и надсадно, оттаскиваемый прочь конвоем:

— Верю! Я верую! Я буду послушным, святой отец! Я сделаю все как вы скажете! Святой отец! Я только потрогаю! Святой отец, прошу вас! Только потрогать! Потрогать! Потрогать! Молю вас, святой отец!

— Отпустите его — Леонардо легко пнул носком сапога, распростершегося в ниц на полу допросной человечка — Ну, что же ты разлежся, Амати? Вставай, иди к ней и делай, что ты там делаешь с детьми. Только не шали! Помни мое Слово!

— Себастьян!

— Да, господин святой отец!

— А почему у исследуемого Ксандра закрыты глаза? Он должен это видеть.

— Счас исправим, святой отец! Он все увидит!

Леонардо не смотрел как человечек громко сопя распустил завязки рваных штанов, как вытащил на свет что-то бугристое, сизое и длинное, мало напоминающее человеческий пенис. Он не видел безумного оскала человечка, роняющего слюни и сладострастно постанывающего, возящегося между раздвинутых ног ребенка. Не видел брезгливых взглядов членов малого трибунала, остекленевших в настойчиво демонстрируемой тупости глаз конвоиров. Не видел он и наполненных болью и страданием глаз матери девочки. Он смотрел только на Ксандра, на его искривленное судорогой лицо, его веки, заведенные сильными пальцами Себастьяна ко лбу. Леонардо ждал.

— Ксандр! Ксандр! Ксандр! Скажи им! Скажи все! Ксандр! Ради дочери, Ксандр!

— Мапочка! Мама! Спаси меня! Мапочка! Мне больно, мама! Он мне... Я! Папа Папочка! Спаси папа!

И он дождался. Арбалетчик глухо зарычал, а потом заорал, оглушительно завопил, рвя напрочь голосовые связки:

— Стойте! Остановите зверя, твари! Я буду говорить!

— Амати, оставь девочку. Амати!

Но зверь в человеческом обличье его не слышал. Обезумевший, ослеплённый похотью, он рыча пытался всунуть, втолкнуть в кровоточащее влагалище ребенка свое чудовищное орудие. Только дикое несоответствие размеров не позволяло ему это сделать. Девочка давно потеряла сознание и непроизвольно судорожно вздрагивала, слабо вскрикивая от невыносимой боли.

Стремительный шаг, рывок за шею, основание правой ладони сильно бьет в подбородок, оглушая похотливую мерзость. Левая рука не разжимаемой клешней хватается за голень, вздергивает тело человечка вверх, переворачивая его вниз головой. Косой взмах извлеченной из ножен дагой и на пол шмякается фонтанирующий кровью кусок плоти. Из жаровни выщепляется раскаленная до багровости полоса железа. Дикий, иступленный вой прижигаемого раскаленным металлом человечка, дребезжащий звон кинутого на пол уже ненужного предмета.

— Эх Амати Рато, Амати Рато. Какой же ты глупец! — Леонардо с чувством сплюнул на воющий кусок мяса — Я всегда держу свое слово, Амати. И ты съешь свой член. Сырым, как я тебе и обещал. Но это позже.

Леонардо резко развернулся к арбалетчику:

— А ты держишь свое слово, Ксандр? Надеюсь, ты понимаешь, исследуемый Ксандр, что мы сможем легко найти взамен этого — короткий кивок на затихшего и жалобно скулящего человечка — что-то подобное, если не хуже?

— Я... Я держу свое слово. Я буду говорить. Но прежде я хочу заключить с вами сделку, нелюди.

— Сделку? — отец Родригес, все это время, просидевший каменным изваянием, распрямленной пружиной подскочил со стула — Церковь не заключает сделок с врагами рода людского!

— Может вначале выслушаем его условия, отец Родригес, прежде чем так категорично все отвергать, не узнав самой сути соглашения?

Отец Родригес щелкнул камешками четок, задумчиво поскреб щетину на подбородке:

— Впрочем, вы в своем праве, министр наказаний Леонардо. Это в вашей прерогативе. Не возражаю.

— Говори свои условия Ксандр.

Арбалетчик замерший и напряженный, сипло выдохнул, заговорил немного невнятно из-за кожи во рту, проглатывая окончание слов:

— У меня два условия. Всего два. После того как я вам все скажу, вы отпустите мою жену и дочь и... И убьете меня. Сразу же.

Леонардо чуть помедлил, обдумывая сказанное Ксандром, мысленно поворачивал фразы, переставляя слова, наполняя их другим смыслом и двойным значением, но подвоха не нашел и не разглядел.

— Принимается. Но с одной поправкой.

— Какой еще поправкой изувер?! Я скажу тебе все, абсолютно все! Клянусь в этом именем Иннеада!

— Ты клянешься Именем Иннеада? Кто это? Или что это? — Леонардо недоуменно вздернул бровь.

— Это бог мертвых у проклятых эльдар. Это очень серьезная клятва, брат Леонардо. Нерушимая клятва. Странно, что вам не известен пантеон эльдар и имя их главного бога. При таком великолепном, хм, домашнем образовании как у вас.

Отец Родригес вновь щелкнул камешками четок. Щелчок вышел угрожающим, предостерегающим об опасности, намекающим.

— Я знаю только то, что ничего не знаю. Это цитата — глухо буркнув, пояснил Леонардо в ответ на зеркально вздернутую бровь отца Родригеса.

— И кто же это изрек? Очень емко и осмысленно. Я бы сказал, чеканно!

— Кто-то из древних мыслителей, отец Родригес. То ли Платон, то ли Сократ, то ли Аристотель. А может и кто-то другой. Я точно не помню, уж простите меня, отец Родригес. Мое домашнее образование в действительности не такое и уж полное, как мне ранее казалось.

— Понимаю вас, брат министр, понимаю. Горек и пуст вкус воды из источника разочарований. Я вот тоже, поверьте, начинаю сомневаться в полноте своих знаний — мне не известны такие мыслители древности как некий Платон, Сократ... И кто там вами еще назван?

— Аристотель.

— Да-да, Аристотель. Греческие имена, это без сомнения, но они совершенно не

знакомы мне. Как и их труды. Без всякого сомнения мудрые и наполненные знанием.

— Человек не может знать все. Это ему не по силам.

— Тоже цитата, брат Леонардо?

— Нет. Это моя мысль, отец Родригес. Только моя.

— Вы! Твари! Вы, изуверы! Что, что вы хотите поправить? Говорите, говорите со мной, твари!

Леонардо и отец Родригес недоуменно переглянулись, одновременно отвернулись друг от друга и обратили свое внимание на кричащего арбалетчика.

— Гм-м... Кажется, мы немного отвлеклись от наших дел. Эти философские беседы об истоках знаний... Продолжайте общение с исследуемым, брат министр, прошу вас. О древних мудрецах мы с вами поговорим позже с вашего позволения.

— Да, отец Родригес. Мы обязательно об этом поговорим. Несколько позже.

«Обязательно поговорим. Когда ты будешь лежать на алтаре или просто валяться связанным. На полу, на земле, в луже грязной воды. Для проведения ритуала Odojinya место не важно, важна только обездвиженность жертвы. Ты должен будешь умереть, низший. Тебе нет места в мире, ибо ты, праховый червь, пытаешься встать на моем Пути».

— Наша поправка не очень существенна для тебя, исследуемый Ксандр. Ты умрешь, как и желаешь. Но только после того, как мы испытаем твои слова на правдивость. Ты ведь и сам осознаешь крайнюю необходимость такой проверки. Ты согласен со мной, Ксандр?

— Согласен. Да, я согласен. Теперь дай мне свое Слово... Чуждый — арбалетчик криво усмехнулся — Клятвы именем твоего Бога мне не надо, из твоих уст она будет пуста и лжива.

Леонардо невольно покосился на членов малого трибунала, на конвой, задержал взгляд на отце Родригесе. Мерзкие, омерзительные краснотой прожилистости и обильной угреватостью крылья носа отца Родригеса возбужденно шевелились, затягивая в себя воздух, будто эта двуногая огромная крыса почувствовала запах пищи, запах добычи. Леонардо очень хотелось заткнуть пасть арбалетчику, вбить ему внутрь глотки его зубы, разбить на бессвязные звуки, выплевываемые им слова. Но... Какая же это тошнотворная, ненавидимая, гадостная частица речи — но...

— Я даю тебе свое Слово! Слово...

Леонардо с трудом проглотил, закашлял чуть не вырвавшееся из него — Владыки. А арбалетчик улыбнулся.

— Я услышал тебя. Теперь вы слушайте меня. Мы должны были встретиться в этом городе с другими нашими братьями и Старшим Гнезда. Они снимают дом на улице Сиреневых кустов. Двухэтажный, из рубленного камня. Над входом, на цепях, висит грифон. Надо трижды, с долгим перерывом, постучать кольцом и сказать ...

Глава седьмая.

О меренье известными предметами, о немного пространных рассуждениях, о тщательной подготовке, что есть фундамент успеха и о схватке с победным и предсказуемо неожиданным финалом.

Вы же не думали, что все будет легко и просто?

Леонардо со слышимым хрустом и неизъяснимым удовольствием выпрямил спину, повел головой из стороны в сторону разминая шею. Отбросил натерший мозоль на среднем пальце неудобный стилус. Тот прокатился по столешнице, стукнулся об чернильницу и упал за край стола, заскакав тонким белым телом по исцарапанным подковками и шпорами деревянным плахам пола. Таким был каприз одного из предыдущих приоров — поверх холодного камня пола этого зала выложили сосновые плахи. И это когда-то имело смысл, ведь тогда они пахли лесом и смолой, а ныне остался только скрип разошедшегося дерева и еле ощущаемое тепло под ногами. И много, много слоев лака.

Леонардо скомкал испорченный лист бумаги в плотный шар и швырнул его вдогонку за катящейся по плахам писчей принадлежностью. Попал. Бруно не шевельнулся, такое происходило не в первый раз и это был уже пятый брошенный Леонардо стилус и комок бумаги. Еще два и будет сакраментальное число семь, что предвещает успех в задуманном предприятии. А вот посыльные, что сидели рядом на широкой лавке у стены еле заметно дернулись. Особенно сильно дернулся могучий блондин с гвардейскими статями, настоящий богатырь, красивый красотой крупного и сильного зверя. Бывает и такое, слон тоже большой, а мыши боится. Вот их, посыльных или курьеров, и так их называли и этак, Леонардо немного...

Нет, он их не пугал — разве могут смелые воины чего-то бояться? Кто же им столь позорное разрешит? Нет, Леонардо был им просто непонятен. Он не укладывался в их армейские шаблоны, рвал рамки субординации, он вел себя...

Нет, не нагло и по-хамски, как внезапно вознесшийся юнец, вдруг обретший безграничную власть и потерявший чувство реальности, и землю под ногами, а как... Как тот, которому это все привычно, знакомо, много раз повторено и пройдено. Пережевано и выплюнуто, признанно безвкусным и пресным. Министр наказаний святой отец Леонардо, девятнадцати лет отроду, выглядевший не более чем на семнадцать-шестнадцать лет, казался им человеком, которым окончательно утрачена вся острота и новизна ощущений. Нет более удовлетворения и удовольствия от беспрекословного исполнения отдаваемых тобой приказов. Человек, которому от всего этого невыносимо скучно. Скучно, тоскливо и хочется напиться. Вот это-то и напрягало. Не ведут себя так юнцы, не ведут.

Он сухо и без эмоционально отдавал приказы, одним взглядом осаживая пытавшихся ему возразить, оспорить его слова. Любого — капитана стражи приората, прим-майора городской стражи, лейтенанта гвардии Наместника Императора и самого командора Выжигающих Скверну. С командором было эпично — долгое молчаливое противостояние, ломание друг друга взглядами — бесконечно терпеливым, откровенно скучающим и неприкрыто равнодушным со стороны Леонардо и яростным, гневным и возмущенным со стороны командора. А потом одна короткая фраза и битва закончилась. Юный министр наказаний с синей инсигнией на груди тогда обронил всего несколько скупых слов, не

понятыми присутствующими при их молчаливой схватке:

— Командор, а вам это надо? — и грозный командир Выжигающих Скверну медленно склонил голову, признавая Право и Власть, что сейчас выглядела как неопытный юнец расслаблено сидящий во главе стола и положивший не познавший еще остроты бритвы подбородок на ладони сложенные локтями в «домик».

И все завертелось, раскрутилось безжалостным маховиком, с хрустом, об колена, ломающим острыми зубьями приказов и распоряжений затянувшуюся дремоту бойцов. Сбивая щедрими сержантскими и капральскими зуботычинами. Сшибая пинками обер-ефрейторов, разных вице-рядовых и прочих многих с лычками и звездами на груди и плечах. Сметая обжигающе-протяжными ударами лейтенантских стеков цепкую одурманивающую лень. Сама по себе принималась стойка «смирно», правая рука была в напряжении, постоянно готовая бухнуть в грудь в район сердца, отдавая приветствие старшему по званию. Мелодичной и улаждающей музыкой для командирских ушей завизжали точильные камни, застучали молотки ротных *faberbrü* правящих куцые нагрудники и горжеты, с тоской вспоминающих время латных доспехов — вот там была работа, вот там они могли показать свое мастерство! А сейчас... Тьфу на эти винтовали и револьверты, пропасть им в бездне! И этим новеньким, оружейным мастерам — мастера, что ты! — с их стреляющими штуками тоже там пропасть! На плюющихся кузнецов с неодобрением посматривали имагиниферы и с преданностью взирали на лик императора на своем штандарте. Все что-то делали и чем-то занимались.

Мчались с распоряжением и приказами в разные места, концы города, дома и представительства гильдий легконогие и сообразительные, ревниво и тщательно отобранные отцами-командирами, посыльные. Гильдейский мастер рыбаков Нуэлла краснел, синел, багровел и ярился возмущением, когда у него изымали прекрасные сети, очень крепкие льежские сети с мелкой ячейей.

«Без всякой оплаты! Ни пфеннига, ни фартинга же не заплатили! Расписку сунули! Вексель! А по нему процент за обналичку знаете какой?! Сущее же разорение, господа, и невероятные убытки!».

Мастер гильдии каменщиков радостно потирал руки, получив неожиданный и дорогостоящий заказ на отсыпку сразу двух улиц городского квартала и несколько недоуменно и испуганно поглядывал на рядового гвардии Наместника, что следовал за ним везде и всюду. Поторапливал его своим хмурым видом и многозначительным молчанием. Наверное, это будущий мастер-сержант, практикуется и приглядывается перед поступлением на фортификационный курс в столичный университет Магна Милитариум имени его высокопревосходительства лорда-командующего Солар Махария. Если это верно извлеченное из исторических летописей имя. Какие победы одержал и с кем именно сражался этот лорд-командующий никому точно не известно. Но это одна из тайн империи и вам лучше об этом забыть, а если запомните, то молчать до конца дней своих. Тогда вы точно проживете отпущенный Господом вам срок.

На постах у ратуши, приората, городской тюрьмы и дворца Наместника все осталось без изменений — караулы не удвоили, добавочные патрули по улицам не пустили, на разводах сержанты усы не топорщили, а господа офицеры не накачивали подчиненных в духе — всем бдеть, все стеречь, всем глядеть в душу и под землю на три метра вглубь. Только провели странную ротацию — выставили на посты самых ленивых, самых безалаберных и безответственных. Позор части и стыд командиров. И еще — через тайный ход, в малый

трапезный зал, что был превращен в убогое подобие штаба операции по захвату Гнезда Совершенных, неприметные личности из Тайной Стражи доставили Старшину Ночной гильдии. С мешком на голове, но не со связанными руками.

После короткого разговора с этим... С этим — ха! — господином министром наказаний... Что за дурацкое звание? Это ранг? Кто святой отец? Он? Синяя инсигния инквизитора у него? У этого безусого юнца?! Агх-кха, гм-м... Это точно? М-да... Неожиданно, да, неожиданно, скажу я вам, господа офицеры! И все равно, это есть дикое и невозможное событие, господа офицеры! Почему мы должны... Как он там выразился? «Плотно работать в связке с криминалитетом города. И получать крайне ценную информацию, ибо источники ее бывают разными»? Что за дурная фраза! Бездушная и выхолощенная! Ну не ужели нам нужна помощь этих отбросов, этих мерзавцев и грабителей, господа? Это урон офицерской чести! Да, я тоже давал подписку о неразглашении. Я кричу? Ну что вы, господин советник Официо Ассасинорум, я вовсе не кричу, я так разговариваю! Шепотом? Хорошо, я попробую. Но не уверен, что у меня получится! Я, знаете ли, советник, привык отдавать приказы на поле боя, когда грохочут пушки и победные крики... Но позвольте! Да как вы смеете! Немедленно уберите от меня руки! Куда вы меня тащите, мерзавцы!

Да, не обходилось без эксцессов, курьезов и неизбежных накладок, но в целом, мысленно паря над общей картиной и закрывая глаза мелкие шероховатости, Леонардо был доволен происходящим и осуществляющимся. Требовать большего не стоило. Лучшее — враг хорошего. Доброго такого, основательного, топорно-кондового хорошего.

Армия мирного времени во всех ее проявлениях — линейные части, стража, гвардия, охранные отряды и прочее — это неуклюжий и неповоротливый многорукий, многоголовый и многоногий голем. Неразумное создание святой магии. Мощный, непоколебимый и несокрушимый, но иногда, до безобразия тупой и инертный. Это излечимо. Вам вполне достаточно омыть сталь этого бездушного механизма кровью и слезами. Затем смазать его шарниры жаждой побед или мести, подсыпать в магическую топку горечь поражений и радость триумфа, покрыть броню звуком фанфар, блеском наград и вы не узнаете эту ранее неуклюжую куклу. Перед вами восстанет обновленный, сбросивший шкуру сытости и лености зверь. Играющий мышцами, скалящийся клыками, жадно облизывающийся на весь мир. И его ненасытная прожорливость вас испугает, заставляя заключать перемирия, мирные договора, объявлять и выполнять ультиматумы, усыпляя чудовище полощущимися на ветру знаменами, громкими гимнами и маршами, орденами, военными пенсиями и нашивками за ранения. Иначе это дитя бездны вначале поглотит вас, а потом самое себя, как мифический змей Уборос.

Леонардо открыл крышку часов, прослушал забавную мелодию искусного механизма, мысленно пробегая по всем пунктам плана операции под нелепым названием «Операция Ъ». На вопрос отца Родригеса, почему такое непонятное, дурацкое и в чем-то шутовское название, он, пожав плечами, просто ответил: «Чтобы никто не догадался». Сам Леонардо давно уже не удивлялся высказывающим из него непонятым и одновременно понятным словам, фразам, цитатам, выражениям. Поясняют смысл, разъясняют положение, аккумулируют в емкой сбитости цитаты длинные и пространные объяснения? Чудно! А то что неведом их исток, так и Сила с ними!

Так, еще раз по пунктам — нужный квартал почти полностью оцеплен, абсолюта достичь невозможно — все рано останется неучтенная и незамеченная щель или дыра в

заборе. Второе кольцо оцепления вот-вот закончит свою рекогносцировку — не сразу удалось пресечь меренье полномочиями секунд-лейтенантов гвардии Наместника и стражи города. Штурмовые тройки — щитоносец, арбалетчик, вооружённый тупыми болтами, и один боец с сетью, заинструментированы до потери сознания, обвешаны антимагическими амулетами, и терпеливо ждут команды в комнатах домов, что стоят напротив атакуемого здания. Жильцы домов ни коим образом не противились явлению неожиданных гостей, отбитых на голову и природных идиотов там не проживало. Местные мальчишки от пяти до тринадцати лет, так наоборот были в полном экстазе от приключения и азартно блестяли глазами, пожирая восхищенными взглядами оружие и амуницию суровых дядек в броне. Гильдейских каменщиков уже подменили переодетые в их цеховые робы коричневого цвета стражники приората. Основной ударный кулак, и фигурально, и фактически, полное отделение Выжигающих Скверну, беззвучно таится в двух фургонах что стоят в небольшом отдалении у центральных и черных входов в здание, где находится Гнездо Совершенных. Не заостенели бы они в своих полных латах, не превратились бы в медлительных черепах с затекшими от долгой неподвижности руками и ногами. Короткие лестницы, ровно до окон второго этажа, находятся в шаговой доступности для второй волны штурмующих. Арбалетчики второй линии в достаточной мере снабжены оглушающими болтами, пращники тоже на своих местах.

Святые же отцы-инквизиторы шумят, ропочут и томятся неизвестностью. В томительном ожидании свирепо бьют копытами и в открытом недовольстве злобно скрежещут рогами по каменным полам и стенам келий и залов приората — Леонардо своей Властью и Правом категорически запретил им показываться на улицах города и тем более в квартале, где свили Гнездо Совершенные.

С момента назначения его министром наказания и вручения ему синей инсигнии прошли ровно сутки и еще пятнадцать часов. До назначенного времени прибытия Совершенных оставалось еще двое суток — прислужники эльдар выдвинулись в дорогу раньше, чем планировали и существенно сократили время своего нахождения в пути, двигаясь по еще не рухнувшему от тепла временному «зимнику». Резерв времени есть, можно что-то еще предпринять, более тщательно подготовиться, предусмотреть и подстраховаться, но и более тянуть не стоит. Там обмолвка, тут внимательный взгляд заметит необычность, что выбивается из серости бытия, там мелькнет усатая и хищчески настороженная рожа стражника, которому тут совершенно не место и не время. И все, все тайное станет явным. Умный и с незамутненным взором прислужник Совершенных сопоставит необычности и побегут, брызнут растворяющимися каплями они по тайным путям, исчезнут в темноте узких ходов катакомб, скрытых переходов и пустоте кривых и вонючих улочек Ночного квартала. Впрочем, там их ждет сюрприз. Леонардо поддернул рукав куртки пряча повязку на запястье, что прикрывает разрез на вене. Поморщился, досадливо углядев пятна проступившей сквозь ткань крови, но это непременно условие. Ритуальные раны должны затвориться сами, не зажить, не залечиться, а именно затвориться. Только так можно достичь необходимого результата. Только если в ритуале используется кровь проводящего таинство и вложена немалая часть его собственной Силы. У него все удалось, итог поведенного им действия превосходен в высшей степени. Ночной квартал отныне его.

Часы отбили три часа дня после полудня. Леонардо поднял руку, привлекая внимание посыльных:

— Внимание! Передать всем подразделения «Час X настал!». Выполнять! Бе-е-гом Бруно!

— Да, милорд!

— Тебе пора, Бруно.

Бруно оглянулся на вход в зал, поворачиваясь всем телом, чтобы убедиться в отсутствии посторонних. Нет, глаз ему крайне необходимо восстановить, с таким увечьем он неполноценен как боец.

— Сколько вас ждать, милорд?

— День, неделю, год. Всю жизнь. Тебе не понятно мое веление, Бруно? Мне повторить?

— Нет, милорд, простите меня.

— Иди, Бруно. И... — Леонардо встал из кресла, приблизился к верному слуге, положил ему руку на плечо, заглядывая в единственный уцелевший глаз — Все будет хорошо, Бруно. Верь в своего Господина. Просто верь.

— Да, милорд. Я верю.

Леонардо вскочил в седло поданного ему коня, шевельнул поводьями, ткнул пятками в бока животного посылая его вперед.

— За мной, господа! Хэй-хэй! Ожидание закончено — наше время пришло!

Всё-таки от юношеской непосредственности, азарта, возбуждением перед схваткой и обольстительного ощущения всемогущества и силы, дурманящего до вскипания крови, избавиться трудно. Да и не очень хочется.

Стремительный перестук копыт, мелькают перед глазами улица, улица, переулок, площадь. Добрые горожане опасливо жмутся к стенам, пропуская, убаюкивая от несущейся кавалькады. Грозно громыхающей острым железом, вздергивающей нервы частым ржанием и недовольным всхрапываньем коней, пугающей сосредоточенными и напряженными лицами всадников. Долгий гул эха, бой, звон, оглушительно хлопают крыльями взлетающие из-под копыт коней голуби, заполосный лай собак, надрывный и долгий вопль напуганного шумом осла. Эта какофония звуков несется впереди Леонардо, недвусмысленно предупреждая — с дороги, прочь с дороги! Таиться и скрываться более причины нет — при его прибытии на место будет запущена в небо шутиха, что взорвется с громким хлопком разбрасывая яркие огни и подавая сигнал к началу штурма. Она нарушит послеобеденный покой, порвет в клочья сонную тишину квартала грохотом выламываемых ручным тараном дверей, разбиваемых окон, отпущенными в стремительный и краткий полет снарядами пращников, глухо стукнут загнутыми крючьями о подоконники, приставляемые к ним лестницы. Грохот холостых выстрелов из переносных мортирок, рев бронзовых труб, нескончаемый, наполненный жадой схватки ор атакующих, взрывы и ослепляющие вспышки забрасываемых в окна горшков со смесью пороха и алхимического порошка. Как можно больше шума, грохота, как можно больше дыма, как можно больше паники. Это работает, это заставит оцепенеть вначале, а потом метаться в растерянности Совершенных и их прислужников. Должно сработать. А тяжелые медные бляхи антимагических амулетов уберегут штурмующих от богомерзкой магии.

Леонардо соскочил с коня, бросил кому-то поводья, огляделся, быстро нашел взглядом сияющего от предвкушения действия фейерверкера, разрешающе махнул ему рукой:

— Запускай!

Разлетающиеся искры от поджигаемого фитиля, противный взвизг, и неуклюжее подобие сигнальной ракеты пронзает толстым поросычьим телом высоту. Оглушающий

хлопок, и в небе расцветает зелененое рукотворное солнце. Еще секунду назад весь светящийся фейерверкер побледнел.

«Почему зеленое? Сказал же — красное! Идиоты...».

Но это уже не важно. Грохочут холостыми переносные мортирки, ярьсь и содрогаясь куцым телом, дерут болезненно барабанные перепонки гулом бронзовые трубы. «Бей-бей-бей!» извергают яростный рев распахнутые рты штурмующих. С треском ломаются толстые доски дверей под ударами окованных сталью «голов» таранов. Бесчисленные вспышки, хрустальный перезвон вбиваемых в стеклянную муку оставшихся неразбитыми стекол. Редкий, почти единичный, сухой треск выстрелов из винтовалей обороняющихся и более они не стреляют.

Два или три раза выстрелили из дома, не более. Внезапность нападения не дала прислужникам Совершенных занять грамотную оборону, а теперь уже поздно. Все прорвано, все разрушено, все пропало.

Леонардо стоял напротив занятого Совершенными дома широко расставив ноги, заложив руки за спину и откровенно наслаждался видом. Батальное полотно, задуманное и написанное им кистями приказов, красками указов, оттенками распоряжений, прекрасно и восхитительно. Невероятная экспрессия, неудержимый напор, энергия боя буквально ощущаема и вьется широкими лентами у его ног, как лапастый к хозяину пес. Это все великолепно и этим можно наслаждаться бесконечно, но ему пора. Пора идти в дом. Вошедшие в раж штурмовики могут оставить его без некоторой доли его добычи.

Леонардо, входя, чуть повернулся боком, прибрал распахнутые полы, стараясь не зацепиться плащом за острые щепы, что остались от двери размолотой тараном в труху. Широкое светлое, теперь светлое, с выбитыми окнами помещение. Такое себе подобие холла с парой фальшивых колон с перевёрнутыми креслам. Снесены небрежно к стенам сломанные и целые стулья, стоит пара совершенно не пострадавших столиков, рядом перевернутые мягкие широкие лавки, оббитые плотной тканью — прародители диванов. Две слегка изогнутые влево и вправо узкие лестницы ведут наверх, на второй этаж. Несколько распахнутых двухстворчатых дверей, на некоторых сорваны полотна. Где одно, где оба. Уроненные подставцы под свечи, несколько светильников на стенах, чередующихся с аляповатыми картинками в узких рамах. Два огромных монструозных шкапа. Не шкафа, а шкапа с выступающими антресолями, с резными ручками и с медными уголками по всем выпирающим местам. На плиточном полу холла выложены в ряд семь трупов, все с обязательной раной в области сердца. И один труп лежит в стороне накрытый сорванной портьерой.

Леонардо кончиком шпаги приподнял ткань — это штурмовик-арбалетчик из стражи приората. Его голова полностью сожжена, очевидно попал под заклинание. Четверо сильно избитых и окровавленных, крепко связанных прислужника Совершенных охраняются тремя стражниками приората, при виде Леонардо сразу подтянувшись и одновременно бухнувшими левыми кулаками в грудь. В боевой обстановке честь офицерам отдается любой рукой, а Леонардо не офицер, он святой отец. Ему бойцы просто не должны отдавать воинские почести, но отдали и смотрят с почтением. Значит он хорошо поработал. Это приятно, это тешит самолюбие, это что-то напоминает...

Перед мысленным взором Леонардо мелькнули смутные видения бесчисленных строгих «коробок» Кровавых легионов, замерших под хмурым небом в мертвенной неподвижности. Циклопические строения в мареве безжизненной красной пустыни. Ледяные торосы и

мрачные замки-гнезда на скалах. Неимоверно длинные шести с неприятными даже на вид ломаными знаками-символами в наверхшии, тяжелые штандарты с нечитаемыми девизами. Вьющиеся на ветру широкие полотнища черных знамен с вышитыми на них знакомыми-незнакомыми рунами. Что-то невероятное, неопишимо огромное среди звезд с холодными огнями по всему колоссальному металлическому телу. Искры стремительных росчерков, что иглами пронзают мрак звездной пустоты вытянутыми телами молниеподобных неведомых механизмов. Ослепительные протуберанцы, сжигающие неизмеримы жаром «короны» звезд, раскалывающиеся на части планеты. Мелькнули отголоском узнавания и понимания названия Тунд, киссай, титул Ситх'ари. Но на этом моменте Леонардо сильно потрянул головой и даже хлопнул себя ладонями по лицу, изгоняя ненужные ему сейчас видения и воспоминания. И его ли это воспоминания и видения? Его ли это прошлое?

— Первый этаж зачищен? Все осмотрели, ничего и никого не пропустили?

— Весь, святой оте... Командир! Нет никого на первом этаже. И входов в подвал нет, мы щупами ну как вы инстру... Говорили нам, искали. И этих всех ткнули в сердце, как вы приказывали, командир. Один притворялся, сука, кинжал под брюхом прятал, тварь.

Стражник со знаками различия капрала на плече смачно плюнул в сторону трупов прислужников. Стоящие рядом с ним стражники подтверждающее кивнули, пробурчали что-то неразборчивое, похожее одновременно и на «Так точно!» и «Так и есть!».

— Хорошо. Молодцы! Хвалю. Что наверху? На втором этаже?

— Там гвардейцы и Выжигатели сиськи мнут — капрал злорадно ухмыльнулся — они перед третьим этажом застряли. Мы им, давайте святого отца... То есть командира позовем! А они жопы... Э... рожи кривят, а сами Пелену пройти не могут!

— Пелена? Хорошо, я разберусь. Этых на улицу и передать конвойному отделению. Взамен вас пусть тут встанут болваны из городской стражи. Самим осмотреться, получить медицинскую.... Получить помощь от лекарей. Выполнять!

— Есть, командир! Слушаемся!

В этот раз ответ дружно многоголосен, быстр, без размышляющей паузы и без задержки. Леонардо шагнул на ступени лестницы и поднимаясь уже с пятой ступени увидел окованные железом ноги гвардейцев. Переминающиеся, сумбурные и хаотичные в неуверенных шагах, явно нагло отесненные от подъема на третий этаж Выжигающими Скверну. Что, впрочем, и следовало ожидать от непробиваемых стальных истуканов. Невероятный апломб их, границ для себя не ведал.

Он сделал пару шагов, останавливаясь за спинами гвардейцев и отблесками синеватой стали наспинников Выжигающих Скверну, крепко-накрепко соединенных с массивными наборными набедренными обручами. Что наспинники, что сегменты набедренных обручей Выжигателей были щедро декорированы бесчисленными черепами, шипами, крючьями, выгравированными языками пламени и святыми письменами. По всем свободным местам и поверхностям. Он постоял немного, ожидая, когда на него обратят внимание. Не обратили, не заметили. Тупо топчутся. Упрямо и уныло пялятся на лестницу, что ведет на третий этаж.

Устав ждать, Леонардо скучным голосом требовательно произнес в запорошенные пылью напряженные спины:

— Где тыловое охранение? Лейтенант! Что у вас тут за бардак?

Лейтенант гвардии Наместника вздрогнул, быстро повернулся на голос, с короткой задержкой зазвякало железо, хищно блеснули лезвия мечей, жало коротких копий. Алчными к мясу жерлами уставились в его сторону тупорылые дульца коротких дробовых винтовалей.

Леонардо досадливо дернул уголком губ: «Кутята. Щенки! Один матерый Зверь вырезал бы все это стадо за семь долгих вздохов! А уж рыцарь-массаси за пять. Ученик? За три секунды? Нет, чуть больше — где-то три секунды с четвертью».

— Святой отец... Это вы святой отец?

— Нет, это почтальон Печкин, принес... — О, бездна и эльдары породившие ее! Какой еще почтальон Печкин, да умереть ему без покаяния! — Успокойтесь, лейтенант, я это я. Тот самый святой отец. Выставьте тыловое охранение, пока еще живой лейтенант, а то к вам со спины раргор подберется, а вы его и не заметите.

Более не обращая внимание на покрасневшего от возмущения и захлебнувшегося воздухом для ответа ему лейтенанта гвардии Наместника и его подчинённых, Леонардо прошел вперед. Не останавливаясь ни перед кем, режа эту кучу вооруженного мяса как окованный острой сталью нос парового ледокола речной весенний лед. Перед ним торопливо расступались.

— Что тут у вас, командор?

— Тут у нас Пелена, святой отец. Тройная. С фокусирующим центром наверху, вон там — латная рукавица Выжигающего Скверну зло ткнула в одну единственную дверь на третьем этаже. Странная внутренняя архитектура здания. На первом этаже куча дверей, на втором — Леонардо осмотрелся — всего четыре. На третьем только одна. Или это перепланировка? Да, скорее всего — вон та и эти панели отчетливо выделяются от соседних по цвету.

— Окна? Стены? Потолки? Что-то предпринимали, командор, что-то пробовали? Или?

Из-под матового часто перфорированного забрала в ответ донесся еле слышимый вздох, голос командора был глух и... И удручен?

— Это многоугольная сфера, святой отец. Каждая доступная точка закрыта двухслойным щитом и поддерживающей их прострочкой — и сразу же пояснение — Нитями-заклинаниями они прострочены. Не сталкивались с таким Пологом раньше, святой отец?

— Где я мог, командор?

— Ну... — сдвинулись чешуйчатые ремни крепления доспеха, приподнялись шипастые наплечники, вздымаемые пожимаемыми плечами — Мало ли где вы могли что узнать и увидеть, святой отец. Ведете то себя не как...

Командор оборвал сам себя. И нет в его голосе насмешки над безусым юнцом, только тень смущающего его самого уважения к безусому щенку.

— У Пелены форма октаэдр? Или тетраэдр? Фокус самоподдерживающийся на кристалле или же он завязан на операторе?

Леонардо требовательно посмотрел в металл забрала командора.

— Не понимаю, о чем вы, святой отец, да мне и без разницы. Я знаю одно — Пелену нам не пробить. Ничем не пробить. А эти твари там полгода могут просидеть, если им воды и жратвы хватит. Даже шарами Святой Агнессы эту дрянь не взять. Да и шары эти больше на защиту работают, чем на атаку. Надо в столицу вам сообщать об этом, в Ордо Маллеус, святой отец. Там есть посвященные в тайные знания святые отцы, что эту пелену за две декады вскроют.

— А твари в это время уничтожат все документы, все свои записи и покончат собой подарив нам на последок массивированное посмертное проклятье. И у города Нуэлл больше не будет квартала Сиреневых кустов, а у Выжигающих Скверну будет новый командор. Так как предыдущий облажался и не справился. О себе я молчу, слишком мала и незначима величина.

— Кхм-мм... Ну... Да, так все и будет. Вы все правильно сказали, святой отец.

— Тогда нам просто необходимо вскрыть эту Пелену, командор, и сильно огорчить этим всех, кто за ней прячется. Смертельно огорчить. Поэтому вели всем твоим людям спуститься на первый этаж. А вы, лейтенант, уводите своих... — Леонардо чуть подумал и добавил — И вообще уводите всех остальных из здания, лейтенант. Сам дом оцепить, никого не впускать, никого не выпускать. Это приказ. Вас командор, я попрошу отойти к лестнице. Отойдите как можно дальше.

Леонардо не оглядывался в поисках наглядного исполнения своих приказов, не смотрел на командора и закованные в сталь фигуры Выжигающих Скверну, что с оглушительным лязгом и топотом поочередно спускались на первый этаж. Он замер перед Пеленой и пытался ее познать, понять, как это работает. В его разуме всплывали из темных глубин змеящиеся, изломанные, наполненные Силой знаки, символы, светящиеся багровым цветом руны. Звучали, вначале еле слышимые, постепенно обретающие наполненность мощью и тайным знанием гортанные слова древнего языка.

«Счатсатул ну мидван тиукджонту! Котсвинот итсу нуйак. Ашаджонту! Ари аджак котс аша!».

Что-то невидимое, неосязаемое, еле ощутимо дрогнуло перед ним. Руки, закрепляя успех взвились перед грудью, задвигались змеями, плетя невероятно сложную вязь рунного письма. Горло напряглось готовое выстрелить-каркнуть фразой активатором, фразой-ключом. Пальцы правой руки сложились в клюв, что намерен расколоть неразрушимую скорлупу.

«Котс тиук Кьясик!».

В центр бесцветным огнем медленно разгорающейся точки ударил клюв хищной птицы, сложенный из побелевших от напряжения пальцев. Под ногами ощутимо дрогнуло, пол стукнул в пятки, как-то странно, не снизу-вверх, а как будто сбоку и одновременно сверху под немислимым углом. Настенные светильники поплыли оплывающими свечами, панели стен вспучились распираемыми пузырями, словно бы намеревались лопнуть многочисленными осколками, но застыли, замерли гротескными фигурами фантазморичного декора в подрагивающем мареве. В мареве воздуха? Нет, в чем-то другом, в непонятной смеси статичного и подвижного, хаотично меняющего плотность и прозрачность. Медленная, словно просыпающийся вулкан, волна искажений прошла на мягких лапах призрачного кота по телу Леонардо, по стенам дома, по воздуху, по окружающей реальности и затихла где-то там, в далеком межмирье с хрустальным звоном лопнувшей струны. Прямо перед Леонардо негативом проявилась бледная тень, постепенно насыщающаяся крадущей свет тьмой и обретающая четкие грани абриса его тела.

Леонардо отпустил, бросил расслаблено вниз дрожащие от напряжения руки, не оборачиваясь, устало произнес:

— Как видите, командор, у меня получился проход только для меня одного.

— Я это вижу святой отец. Святой отец, возьмите с собой шар святой Агнессы. И... И медальон Выжигающего Скверну. Они вам помогут.

— Именной медальон Выжигающего Скверну, что настроен только и лично на вас, командор, и шар, что весит более килограмма и размером со шлем стражника? Вы уверены, что это мне это действительно поможет, а не наоборот? Вы уверены в этом, командор?

Отвечая командору Выжигающих Скверну, Леонардо откровенно выделил тоном голоса слова «уверенны» и «поможет» вложив в них весь доступный ему сарказм и неприкрытую

насмешку и не дожидаясь ответа, шагнул в мрак, в темноту, в себя.

И сразу же сложился вниз, еле-еле уберегая свой подбородок от встречи со своим же коленями. Прокатился злым ежом с колючими иглами даги и шпаги, выстрелил стрелой-телом, бешено крутящимся веретеном уходя в сторону, в бок. Там, где только что была его голова и плечо выгрызли выщерблинами пол тупорылая свинцовая пуля и сноп картечи. И вспухли огнем доски пола. Правый локоть, плечо, запястье и бок вспыхнули коротким жаром боли и тут же заледенели. Толчок Силы! Полотно Тьмы! За его спиной, полусферой, затрепетала полотнами мрака неощутимая и непроницаемая пленка силового барьера. В висках неприятно, болезненным напоминанием, сильно кольнуло, предупреждая — Силы у него мало и стало еще меньше.

Леонардо неторопливо встал на ноги, из-под распоротой манжеты куртки и из-под ее полы выкатились к подошвам сапог тяжеловесно встукнувшись в наборный пол рубленные куски свинца. Еще сильнее закололо виски, будто обруч с иглами внутри принялись стягивать винтами. За его спиной что-то ослепительно сверкнуло, дергано заискрило, чувствительно повеяло холодом вымороженной пустыни и одновременно невесомой теплотой летнего утра. Не знакомое ему ранее ощущение. Леонардо, не обращая внимания на буйство стихий за спиной, осмотрелся. Рваные широкие дыры в плаще и на рукаве куртки, вздыблен клочьями подкладочный материал на плече, срезаны как бритвой волосы на макушке — это били на уровне пояса.

— Неплохо, для низших, очень неплохо.

Сбитые с ног Толчком Силы, вмазанные в пол разбрызганным месивом плоти, обломков костей и лужами вонючей слизистой смеси крови и содержимого кишечника рядом с ним умирали четверо прислужников Совершенных. Леонардо вытянул руку ладонью вниз, крутанул кистью на полный оборот, складывая пальцы в топорщившийся фалангами вверх неровный кулак. Как будто сжав невидимое нечто, он потянул это на себя. Тела прислужников коротко дернулись в спазме агонии, замерли, колючая боль в висках чуть-чуть притихла. Ну этого следовало ожидать, в этих низших Силы лишь только на один жалкий глоток, но на некоторое время ему хватит. Ведь там, за спиной, его ждет почти пир и вкуснейшие блюда.

Леонардо повернулся — за мраком пелены барьера ярились в бессилии двое Совершенных. Ломали руки в неестественных изгибах, подаваясь вперед всем телом и вытягивая шею. Плели мертвенно-белыми пальцами сложную вязь, складывали их в мудры? В чакры? Во что-то складывали. И непрестанно кривили, рвали губы в словах-активаторах заклинаний. Крупные капли пота и ярко-алой крови из глазниц на изbledневших от неимоверного напряжения лицах. Жилы на шеях вздуты в готовности порваться, глазные яблоки заполнены сплошной краснотой лопнувших от натуги капилляров, пузырящиеся хлопья желтоватой пены в уголках губ и на подбородках. Они били и били в барьер Полотна Тьмы огненными шарами, хладом, зноем, ледяными иглами, даже кулаками и ногами в кратких перерывах между заклинаниями.

— Берсеркеры, что ли? — задумчиво пробормотал Леонардо, раздумывая чем их лучше и как приложить. Только в этот раз нужно соизмерять вкладываемую силу с необходимым ему результатом.

— Что же вы так бьетесь, так бьетесь? Вы же так никогда не убьетесь!

Опять знакомые-незнакомые слова, его и не его фразы-выражения. Постепенно начинает раздражать.

Что же ему использовать? На Темный Тутаминис не хватит силы. Силовой Толчок, Пресс, Скольжение в тенях, Фламус-фракта или Молнии Силы? Все это ему не подходит. Эти техники предназначены для сокрушения, для слома сопротивления противников и оставляют после себя либо мешки с мясом с раздробленными костями и лопнувшими внутренностями. Либо разрезанные на части тела, либо сожженные в осыпавшийся пылью пепел головешки вместо живых пленников. Неожиданно в беспокойный океан его долгих размышлений всплыла из глубин памяти огромная подводная лодка, гигантская белая субмарина с названием «Альтус-сопор» по кругу ослепительно снежного цвета рубки.

Кстати, да! Почему он забывает о Светлой стороне, Сила ведь неделима? Он, чьи предки первыми ступили на поверхность Зиоста и Тунд? И еще, что такое подводная лодка? Как может лодка плавать под водой? Это же лодка!

Леонардо — в который уже раз — встряхнул головой, изгоняя ненужное сейчас, мешающее ему. Ноги его скрестились и плавно подогнулись, опуская тело в позу медитации с несгибаемо прямой спиной, словно он сполз вниз, опираясь лопатками, по поверхности стены. Глаза плотно закрылись, отсекая буйство сполохов света и огня за барьером, дыхание постепенно затихло, не вздымая более во вдохах и выдохах грудную клетку, гулкий стук сердца кусочком льда растворился в замерзшем потоке крови. Фигура Леонардо задрожала, подернулась быстрой рябью как на экране неисправного головизора и исчезла. Совершенные с другой стороны силового барьера недоуменно переглянулись друг с другом и вдруг осыпались телами на пол. Как марионетками с перерезанными нитями. С мягким стуком ударились о пол, гулко треснулись головами. Между упавших Совершенных задрожал воздух, мелькнули-вскинулись вверх полосы туманных теней и в их невесомой плотности проступила фигура Леонардо. С заострившимися до остроты лезвия чертами лица, блестящей от пленки холодного пота кожей, с невыносимо ярко сияющими тяжелым золотом Каддаф глазами. В его висках рваным ритмом грохотали барабаны, великанский молот мерно и неотвратимо опускался на наковальню, бешеным пульсом стучала вскипающая кровь.

Леонардо судорожно выдохнул, нескладно преломился в колене, склоняясь над одним из Совершенных. Бьющиеся в неостановимом треморе указательные пальцы трепетно и нежно, словно свершая нечто интимное, коснулись висков лежащего на полу, остальные пальцы легко, одними кончиками легли на скулы и щеки, большие застыли в воздухе. Воздух перед губами Леонардо шевельнулся, потревоженный слабым выдохом, рождавшим тяжелые, тягучие, значащие слова:

— *Nu Chât Qyâsik. Nu Chât J âsik! Wezoc, Ta'ak su ! Я обретаю Силу. Я обретаю тебя
Проснись, ты свободна!*

Пальцы Леонардо засветились нехорошей даже на вид смесью багрового с золотым цветом, кончики его указательных пальцев до первых фаланг погрузились в виски Совершенного, словно вплавлялись в растаявший на солнце пластилин. Совершенный вытянулся, ломко хрустнул всеми суставами и обмяк. А Леонардо, оживая на глазах, обретая естественный цвет лица и еще более ослепляющее сияя расплавом золота в глазах, встал с колена, развернул плечи, несколько раз сжал и распрямил пальцы. Между кончиков его пальцев проскочило несколько слабых фиолетовых искр. Леонардо хмуро и досадливо сдвинул брови.

— Нет. Не то, не то. Может быть этот порадует? Хотя вряд ли, алмазы редко находятся в навозе.

Леонардо склонился ко второму Совершенному. Когда он оставил его, он еще изменился — плечи стали видимо шире, гордо и надменно поднятая голова, глаза сверкают уже вовсе нестерпимым огнем пламени звезд, а от его фигуры веет неизмеримым могуществом и невероятной мощью. Но на лице все то же хмурое и недовольное выражение.

— Может быть год был неудачный, все время шли дожди? Или хранили неправильно. Стоя и на свету. Столько мутного осадка! Кгха!

Леонардо еще раз глухо кашлянул, словно что-то сплевывая, дрянное и с гнилостным вкусом, невольно оглянулся — не услышал кто какую глупую неуместность он только что изрек. Затем огляделся более пристально. Ну как он и предполагал — перепланировка и материальная иллюзия. В действительности на третьем этаже не куца площадка с одной единственной дверью, а привычно широкое помещение, вытянутое коротким конусом, острие которого упирается в закрытую дверь. Две двери по левой и правой сторонам помещения настезь распахнуты. Наиболее верное предположение, что это комнаты «выпитых» им Совершенных, приближенных и одновременно телохранителей Главы Гнезда. Интересно, Глава так же мерзок на вкус? Леонардо невольно передернуло. Да, Сила бурлит в нем, бескрайним океаном, но... Но вкус ее... Леонардо вспомни запах Совершенного, что томился в камере на минус третьем ярусе приората. Какой непередаваемый аромат! Какая гармоничная композиция запахов! Всего в меру — терпкости, легкости, сладостности. Да, особенно сладостности! Моя прелесть! Пока недостижимая им прелесть.

Леонардо сокрушенно вздохнул, одной рукой сломал-расстегнул серебряную фибулу плаща, сбрасывая его на пол — рванная тряпка, под ногами ей и место. Прижавшись к стене, осторожно заглянул в первую комнату, затем стремительно переместившись на другую сторону коридора, во вторую. Везде пусто и никого нет, что ожидаемо — давно бы выскочили, вон они тут — Леонардо покосился на иссушенные им тела Совершенных — какие боевитые. Аллахакбаровцы хреновы. О, Господь и Сила! А это кто еще такие? И почему им эпитетом название едкого корня?

Громко топая, буквально впечатывая подкованные каблуки сапог в пол, он вошел в одну из комнат. Беспорядочно разбросаны вещи, горшки со цветами перекосившись неустойчиво балансируют на подоконнике. Сами окна запечатаны толстостенными мощными ставнями. Пара картечных винтовалей лежит на взбудораженной разбросанными подушками и сбитым в комок одеялом широкой кровати без балдахина. Рядом с ними, почти сползшие на пол с перекидными ремнями бандольеры с толстыми тельцами патронов в петлях кармашков. Это хорошо. На пустом столе одиноко лежит неуклюжий массивностью и грубыми формами древний кремниевый револьвер. Леонардо взял его в руки, покрутил, примерился. Тяжелый, пружина для надвижения каморы барабана ствола явно слаба. Из-за попадания искр на порох возможен одновременный выстрел сразу из двух камор барабана одновременно. Дрянь, а не оружие! Леонардо бросил револьвер обратно на стол, одновременно с удовольствием вспоминая свои револьверы и одновременно жалея, что их с ним нет — они у Бруно. Вслушался в тишину за закрытой дверью.

Ничего, никакой реакции на создаваемый им шум. Хорошо, еще пара минут осмотра. Бумаг никаких нет ни на втором столе, ни на пюпитре у окна, ни в выдернутых им ящиках из огромного комода. Серая цветом и тоном, из плотного материала, дорожная одежда в раскрытом шкафу. Открытые впопыхах, с развороченным нутром баулы, оплетенные широкими толстыми ремнями. Отзвук от удара приклада дробовой винтовали в торцевую стену всюду однороден и глух — потайной двери тоже нет.

Леонардо поочередно зарядил дробовики, отрегулировал как ему нужно их ремни. Один наклонно и свободно перекинул через шею стволом вниз к левому бедру, чтобы потом сразу перехватить. Второй взял в руки. Шагнул из комнаты в коридор и в навскидку, не целясь, выстрелил в дверь, в место примерного расположения запоров. Брызнуло щепой, разряженный дробовик упал на пол, подошва левого сапога вбила сильным ударом дверь в комнату, тело замерло справа у выбитой двери. И вновь тишина и никакого движения. Умерли там все что ли, с перепуга? Леонардо коротко качнул прихваченным в последний момент на выходе из комнаты револьвером, швырнул его внутрь, громко крикнув вслед железяке:

— Ахтунг! Гранате!

Револьвер гулко бухнулся на пол, проскрежетал коротко металлом, резким стуком возвестил, что он встретил на своем пути препятствие и более планировать по твердым поверхностям не способен. Леонардо на мгновение отлип от косяка двери, низко присел, коротко глянул в комнату и отшатнулся обратно, уходя с траектории ожидаемого выстрела. Параллельно всем этим действиям отстраненно-привычно удивляясь своему неожиданно профессиональному навыку в обращении с незнакомым огнестрелом, умелым киданием каких-то «гранат» и злomu ерничанью, выразившемуся в словах, произнесенных на неизвестном ему лающем языке. Нужно входить. Но перед этим Леонардо, подчиняясь какому-то толчку изнутри еще раз выкрикнул в тишину комнаты что-то вновь не свое, чужое:

— Кто не спрятался — я не виноват!

И вошел в комнату чутко поводя по сторонам стволом заряженной винтовали.

В комнате было пусто. Совершенно пусто. Ни комодов, ни шкафов, ни стульев вдоль стен или стола, ни мягких уютных диванчиков. Ни окон, ни настенных или на стойках светильников. Вообще ничего. Только плотно сплетенные циновки покрывающие весь пол. И кинутый им револьвер, приткнувшийся у стены. И еще в ней был... Человек? Человеческий старик? Не человеческий старик?

Леонардо, мягко ступая, по кругу обошел существо. Длинное тело, длинные руки и ноги, вытянутый вверх череп. Черты лица плывут, они андрогинны. Слева женщина, справа мужчина, спереди ребенок. Подбородок острый, нос острый, уши острые на кончиках. Огромные, миндалевидные — такие бывают? — глаза затянуты сплошной чернотой, только в уголках глаз что-то светиться намеком на белый цвет. Все в этом существе кричало о чуждости роду людскому. Все в нем резало глаз, лупило наотмашь ощущением неправильности, нарочитой неслаженности и несложенности. Так режет глаз гротескная карикатура на и так чрезвычайно уродливого человека.

Широкие костистые ладони с прозрачными когтями на кончиках паучьих пальцев существо возложило на странный многолучевой предмет. Устройство? Артефакт? На кончике его острого носа застыла в бесконечном падении прозрачная капля. Не пот и не сопли. Что-то непонятное, с невесомо и медленно танцующими в вытянутом тельце влаги черными точками. Касаться неизвестного предмета и существа держащего его Леонардо категорически не хотелось. Что внутри выло тревожным базером, нудной сиреной, беспрестанно моргало темно-алым, кто-то бесконечно кричал, не останавливаясь и не прекращая ни на миг: «Алярм! Алярм! Алярм!».

— Ты Глава Гнезда?

Молчание. Ничто не дрогнуло в существе, не откликнулось на его голос. Только черные пылинки в капле ускорили свой танец.

— Ты человек? Ты Совершенный? Или ты... Ты эльдар?

Все тоже молчание в ответ, все та же мертвенная неподвижность существа. Лишь точки-пылинки все быстрее и быстрее закручивают спираль своего танца, переплавляя свое хаотичное движение в нечто упорядоченное и опасное. Опасное?

Хрустальным звоном разбиваемого бокала дзанглуло в голове, блеснуло вспышкой мгновенного озарения и пазл сложился. Леонардо воткнул ствол дробовика в затылок существа и не раздумывая нажал курок. Оглушительно бахнуло, плотный белый клуб дыма попытался захватить все пространство комнаты, но не смог и стал медленно развеиваться, а разгорающееся злое свечение артефакта стало постепенно угасать, изредка бессильно мигая колючими вспышками. Леонардо стер со щеки что-то вязкое и липкое, попытался припомнить в какой из комнат он видел хорошее удобное кресло. Встречать гостей стоя не соответствует его статусу.

Когда в комнату Главы с оглушительным лязганьем вломились и быстро рассредоточились вдоль стен заключив его стальную полусферу Выжигающие Скверну, он сидел, заложив ногу на ногу, ипил неплохое фринийское прямо из бутылки. Чередуя глотки неторопливо, растягивая удовольствие, изничтожал сладкий рулет, откусывая от него небольшие кусочки.

Совершенные оказались не такими упоротыми аскетами, как их Глава, проклятый эльдар. В их комнате нашлось и копченое мясо, и сочащиеся слезой сыры, и вот эти невероятно вкусные рулеты с ягодной начинкой и щедро обсыпанные шоколадной крошкой. И неплохой продукт южных винодельческих провинций империи. Еще нашлась обильная россыпь свежей чеканки полновесных флоринов в одном из дорожных баулов, которые тут же исчезли во тьме кармана его куртки. Ни бокал, ни толстостенный стакан, ни оловянную кружку Леонардо брать не стал — захотелось пить вот так, прямо из горлышка бутылки. Было в этом действе что-то родное, уютное теплом дома. Что очень и очень странно — дома он никогда «из горла» не пил. Даже выжатые соки и молоко из кувшинов.

Леонардо оглядел замерших стальными истуканами Выжигающих, буркнул вслух, безадресно, в никуда:

— Ожидаемо. Ну вот кто бы сомневался? Только очень долго. С силами собирались?

Гм-м, а вот эти шутки у них на шеях не очень-то напоминают громоздкие шары святой Агнессы. Ажурные, со сплошной вязью святых писем по пересекающимся кольцам. Светящиеся мягким, успокаивающим белым светом, возможно выточенные из кости, небольшие, с кулак ребенка шары. Видимо милашка Агнесса могла производить и эксклюзивные товары, не только массовый ширпотреб, который намеревался всучить ему командор Выжигающих. Леонардо отпил вина и сокрушенно покачал головой — кругом обман, надувательство и хранение только своих эгоистичных интересов! А ведь одно дело вместе делали, плечом к плечу скверну искореняли!

— Bravo, bravo, bravissimo! Великолепно! Неописуемо! Феерично! Гранд фантастик! Вы справились, Леонардо! Совсем один против всех! Герой! Вы победитель, министр наказаний! — голос отца Родригеса и его громкие аплодисменты отвлекли Леонардо от минорных размышлений о природе человеческой. Хм, очень неплохое вино! Вкус только несколько резок, но букет отличен и есть мягкий эффект незаметного опьянения. Леонардо посмотрел на отца Родригеса всего в какой-то переливающаяся ткани с головы до ног. На его талии наборный пояс с вычеканенными в металле суровыми ликами святых, на плечах эпитрахиль. На груди, на цепи из малых Кругов склепан один огромный Святой

Бесконечный Круг, весь покрытый знаками, значками, буквами. И он не один. Помимо командора за его спиной, сбоку притаилось что-то низкорослое и пузатое в таком же, скорее всего, защитном одеянии.

— Только не вздумайте произносить «Даст ист фантастиш», Родригес — прокляну на хрен. Это на вас что за изыск сумасшедшего кутюрье? Защитное одеяние? И кто это с вами? Тяжелая артиллерия? Конница из-за холмов?

— А вы и проклинать можете, Леонардо? Или мне будет позволительно именовать вас как-то иначе? Эльдар? Арлекин? Иннари? И да, это защита от нечистой магии. Непробиваемая защита!

Последние вопросы отец Родригес невежливо проигнорировал. Леонардо скептически взвел вверх бровь, затем, изображая наигранное возмущение свел брови к переносице:

— Ну-ну... Блаженны верующие. И не смейте именовать меня этими собачьими кличками, Родригес. Тем более обзывать каким-то клоуном и чьим-то там сыном!

В разуме блескучей молнией мелькнул облик нечто полосатого, гнусаво и мявкяюще произносящего: «Я сам свой собственный! Усы, лапы и хвост! Вот мои...».

Леонардо шумно фыркнул, чуть брызгая каплями вина. Нет, это не «неплохой» напиток, это чудесный напиток! Чудный! Вроде бы в той комнате была еще одна бутылка этого нектара?

— Эльдар... Труп эльдара лежит перед тобой, Родригес — Леонардо шевельнул носком сапога, истекающий слизью кусок сизой плоти.

— Точнее, это все, что от него осталось. Признаюсь, не удержался! У этих эльдар очень интересное устройство внутренних органов. Представляешь, Родригес, у них четверная спираль ДНК! Но ты дремуч и невежественен, и ты не знаешь, что такое ДНК. А меня низший, ты можешь называть Владыка или Повелитель. Впрочем, в отсутствие других Темных Владык... — Леонардо ненадолго задумался взвешивая «за» и «против» — Ты можешь называть меня Ситх'ари.

— Я буду называть тебя тварь! И ты пойдешь с нами исчадь бездны! Встань на колени тварь, пред ликом того, кто овеществляет здесь Волю и Силу Господа! — толстое и низкое гулким басом неожиданно прогавкало из-за спины отца Родригеса.

— Ну что вы, брат Свитт, зачем так грубо и громко! Юноша все прекрасно понимает и пойдет с нами, сам пойдет. Ведь нет силы способной одолеть воинов Господа, тем более, когда они вооружены Повергающим Кругом и опоясаны цепями Всех Святых.

Леонардо вновь покачал головой, в который раз уже вздохнул:

— Все вы, низшие, непробиваемо уверены в себе. Невыносимо пафосны и патетичны. Шумны и крикливы. Мерзки, вонючи, низки во всем — в своих помыслах, желаниях, целях. Слепы и глухи — Леонардо резко вскинул руку, останавливая непререкаемым жестом намеревавшегося прервать его отца-инквизитора и яростно запыхтевшее толстое и низкое.

— Помолчите, низшие! Возможно то, что вы услышите сейчас, дарует вам знание и понимание того, что этот мир, что все, что вас окружает, совсем не такой и не такое, как вам кажется. Что ваш бог мертв, так и не родившись. А вы ослеплены тысячелетней ложью и сами себя похоронил под догмами и традициями, правилами и условностями. Вслушайтесь и попробуйте понять. Возможно, только возможно, вы прозреете, низшие.

Леонардо выпрямился в кресле и принялся размеренно декламировать с каждым словом распространяя вокруг себя давящее ощущение мощи и усиливая и без того ослепляющее сияние золота своих глаз:

— Покой это — ложь! Есть только страсть! Через страсть я познаю силу. Через силу я познаю мощь! Через мощь я познаю победу. Через победу мои оковы рвутся. И великая Сила освободит меня!

— Взять его!

Стальные болваны Выжигающих Скверну ринулись на Леонардо. То есть отцу-инквизитору Родригесу и его неизвестному толстому и низкому спутнику показалось, что они ринулись. В действительности реальность оказалась ужасна — что-то невидимое, неоощуемое ни одним из пяти чувств, сдавило нестигаемых Выжигающих. Давило одновременно сверху и снизу, со всех сторон, не позволяя сдвинуться им с места и избежать смертельной опасности. Избежать медленной и неотвратимой гибели. Заунывно скрежетали неумолимо сминаемые доспехи из самой прочной, способной противостоять богомерзкой магии проклятых эльдар, данатаской стали. Фонтанами, струями, широким веером брызг из тел, из Выжигающих выдавливалась кровь. Темная, алая, смешанная в неизъяснимый в сочетаниях цвет с соками их плоти. И бессильно сияли белым святым светом истинные шары святой Агнессы. А эта тварь, это существо с ослепительно пылающим плавящимся золотом в глазах и обликом прекрасного юноши откровенно скучающе наблюдало за всем этим ужасом. И его не коснулась ни единая капля, ни частица крови, промелькнуло в мыслях отца-инквизитора Родригеса, оттирающего и оттирающего свое лицо от парящего, теплого, липкого с соленым медным привкусом.

— Господи... Что... Что это?!

— Это? Индивидуальный Пресс Силы для каждого вашего железного болвана, Родригес. Кстати, эта техника отнимает существенную долю Силы. Очень нерационально. Эффектно, но не эффективно — пожаловалось расстроенным голосом неведомое существо.

Тела умерших Выжигающих с грохотом рухнули у стен. Вслед за ними упало обморочно низкое и толстое с гулким басом. Отец Родригес слабо покачнулся заваливаясь назад, но не упал. Устоял, наткнувшись спиной на что-то массивное и холодящее металлом судорожно сведенные вместе лопатки. Это командор выжигающих Скверну нерушимой и неподвижной башней возвышался за его спиной.

— Кстати, давно хотел у вас спросить, командор, а кого вы «косплеите»?

— Что мы делаем, тварь? — голос ответившего существу командора был наполнен пылающим гневом, опаляющей ненавистью и бессильной яростью.

— Ну, изображаете. Представляете. Для чего вам все эти бесчисленные черепа на доспехах, странные и бессмысленные знаки везде и всюду? Шипы, крючья, цепи, громоздкие детали декора? Эти вот штандарты за спиной? Это ведь все вам только мешает, это абсолютно и совершенно не функционально. Зачем вам это, сможете мне объяснить?

— Это наш неизменный облик, тварь! Он освящён тысячелетием нескончаемых битв с вами, порождениями распроклятых бездн, с мерзкими созданиями!

— Ясно. Бла-бла-бла... И ни грамма, ни крупинки полезной информации. Уйдете, командор? Я вас отпускаю. Нет? Тогда прощайте, командор! Вы были стойким оловянным солдатиком! Я чрезвычайно горд тем, что сражался с вами в одном строю! Ave miles!

Существо вскинуло развернутую ребром правую ладонь к виску, стукнув об плечо доньшком бутылки, зажатой между пальцев. А отец-инквизитор Родригес сперва ощутил, а потом и услышал, как что-то огромное и тяжелое рухнуло за его спиной. Заставить себя обернуться и выпустить из поля зрения кошмарное создание он не мог, ему было страшно.

— Гм-м... Как-то некрасиво получилось. Смазал такой момент!

Опустошенная бутылка небрежно отброшена в сторону. Существо встало с кресла и медленно пошло вдоль трупов, Выжигающих Скверну, сдергивая, снимая с их тел истинные шары святой Агнессы еле слышимо деловито приговаривая:

— Вещь в хозяйстве хорошая, даже нужная. Не дело ей тут в говнище и кровище валяться. Моим зверям это точно пригодиться.

И это оказалась для отца Родригеса последней песчинкой, последней каплей сломавшей его, и он закричал. Страшно, надрывно. Извергая криком из себя весь ужас, весь необъятный страх, всю пожирающую его естество жуть. А затем его висков коснулись подушечки указательных пальцев кошмарной твари и старший отец-инквизитор Родригес, «Крыса» Родригес, Тайный представитель Третьего отдела Священной Конгрегации Матери нашей Церкви умер.

Леонардо встряхнул руками, сбрасывая, скидывая с пальцев неприятное липкой вязкостью и задумчиво посмотрел на потолок и на низкое и толстое без сознания валяющееся на полу

— А почему бы и нет? Концовка у шоу должна быть эффектной!

Вскинулась над головой повернутая вверх тыльной стороной ладонь, брызнули, взорвались ломанной щепой, обрубками балок перекрытий, осколками черепицы потолок и крыша выламываемые бессознательным, а теперь уже мертвым телом. Леонардо стремительным прыжком воспарил сквозь огромную пробоину в звездную пустоту, глухо стукнул подошвами сапог об скользкую черепицу. Быстро осмотрелся, охватывая взглядом кольцевое зарево бесчисленных фонарей, светильников, чаш с жиром на трехногих подставцах, огней факелов внизу вокруг дома и исчез, растворился в густой темноте ночи.

«На лапах, на лапах, бегу на мягких лапах. На запах, на запах, на запах. Бегу ночной тропой».

Глава восьмая.

О душных подвалах Ночного квартала, тупых низших, о Первом и Втором Зверях, о сложностях ситхской алхимии, странных поступках Леонардо и обретение Слуги, о разговоре с врагом, что, возможно, станет временным союзником, но никто в это не верит и на это не надеется.

— Вот оно, Господин, так все и дееся в городе. А еще...

— Помолчи. И используй время своего молчания для вспоминания того, что ты упустил в своем рассказе. И тщательного анализа, рассказанного тобой — заметив медленно стекленеющие глаза низшего Леонардо раздраженно махнул рукой, сдерживая себя и не позволяя волне гнева выплеснуться в стремительном уколе острием даги в глазницу тупицы — Просто молчи!

Ему нужен более тщательный контроль за эмоциями. Да, он берет Силу из гнева, из страстей, но так низших не напасешься, он всех тут вырежет и Ночной квартал обезлюдует. Здесь тупы все, не через одного, а абсолютно все.

Леонардо отвернулся от говорящего животного к распахнутому в ночь окну. Вдохнуть поток свежего воздуха, насладиться прохладной свежестью вместо душной и откровенно говоря тяжелой атмосферы его комнат он может только ночью. Днем слишком много любопытных глаз — на рассвете приходит проверенная прислуга из Ночного квартала и окна со ставнями приходится держать закрытыми. Обычных горожан впускать за ограду дома было бы крайне неосмотрительно, но и эти, вроде бы проверенные низшие, доверия не внушают. Так что его постоянный дневной спутник духота и полумрак.

В Ночном квартале предают и продают все и всех. Отец сына, сын отца, дочь мать, дед внука, внук своего деда и всех остальных родственников скопом. За горсть монет, за заплесневелый кусок хлеба. У коренного обитателя Ночного квартала только одна цель в жизни — прожить сегодняшней день, урвать то, что наполнит его пустой желудок и проснуться утром следующего дня. Живым, не покалеченным, не в «торговой» яме и не связанным в ожидании каравана на Нарские каменоломни. Ради этого они и сбиваются в стаи. Не волчьи, а в подлые собачьи, где ослабевшего члена стаи или одинокого чужака мгновенно рвут на куски. Миф о нерушимом товариществе и братстве воров, насильников и убийц, об их сплоченности и верности главарю, так и остается мифом. Романтический флер, овивающий «ночных работников» благодаря стараниям глупых писак, перебивается неистребимой вонью их подлых душонок. Какие могут быть понятия о чести и верности у низшего, способного убить за медную монету и тут же забыть об этом? Никаких. Впрочем, это так везде и повсюду. В этом мире, в другом — никакой разницы, ни каких изменений. Низшие, это просто грязные и тупые животные. Отбросы мироздания. И куда только смотрит Великая Сила, позволяя им бесконтрольно плодиться и размножаться?

Леонардо чуть наклонился в темноту, отперевшись ладонями о подоконник — показалось или нет? Когда кажется, надо проверять.

— Бруно, возьми двух Зверей и проверь улицу. Мне не нравится тень на углу Кривого дома.

— Да, Владыка!

Бруно коротко поклонился и неслышимо, невесомо ступая вышел из комнаты. Старшина

Ночной гильдии с откровенным страхом проводил взглядом его огромную фигуру,двигающуюся плавно и с грацией хищника. Он пугал его больше, чем сам Леонардо.

Странный выверт убогой психики — видимого и ощущаемого он боится больше чем неведомого и непознаваемого. Казалось бы, вот он, Леонардо, страшный колдун с золотыми глазами, творящий странное, не людское, безумное и устрашающее, бойся его, но нет. Не боится. По отношению к себе Леонардо чуял исходившее от Старшины только безразмышляющее преклонение, животное почитание хозяина и лишь малую толику страха. Слабый кислый запах, а не могучая волна мерзкого аромата. А вот теперешнего Бруно он боялся до онемения и непроизвольного пускания газов. Хотя да, ему есть чего бояться. С Бруно он отлично поработал! И ему нисколько не жаль всех тех ингредиентов, драгоценных камней, собственной крови и собственной Силы что истрачены на изменение сути естества Бруно. Не истинный Слуга получился, к сожалению, но нечто близкое к требуемому идеалу. Ниже Слуги лишь на одну ступень. О самих Слугах ему остается пока лишь мечтать — не тот материал, не тот. Нужен низший с сильной волей и духом, добровольно и искренне согласившийся стать его Слугой. Согласившийся без сомнений на изменения себя.

Странные, можно даже сказать ненормальные, эти низшие — ты предлагаешь им мощь тела, долголетие, иммунитет к болезням, регенерацию и даришь возможность вознестись над низшим мясом, познав Пути Силы, а они от этого бегут. Они этого не понимают, не принимают, бояться, впадают в панику превращаясь в дрожащее желе. Бруно, верный и преданный Бруно, и тот шептал молитвы и смотрел на Леонардо взглядом собаки, что не хочет, не желает, но и противиться хозяину не способна. Раб истинным Слугой стать неспособен. У раба тысячи хозяев, Слуга служит лишь только своему Господину и никому более.

Про Ученика или Учеников лучше и не вспоминать, иначе можно вновь провалиться в океан бессильного гнева и кого-то превратить из живого разумного в мертвенный комок праха. Без цели и смысла, без результата. Леонардо заставил себя погасить вскипающий вулкан гнева, вернувшись к воспоминаниям о трансформировании Бруно в своего первого Зверя.

Он тогда не выходил из лаборатории ровно девять дней, срок насмешливо напоминающий время вынашивания своего помета у человеческих самок. Но если быть беспристрастным и непредвзятым в определениях, Бруно он действительно «рожал». В немислимых муках и невероятных страданиях.

Мучился он от того, что ингредиенты и вещества крайне потребные для проведения ритуала *Hadzuska Woyunoks* — Рождение дитя, здесь просто отсутствовали как явление и пришлось их подменять своей кровью переструктурированной своей же Силой. Темная же Мать не очень любит, когда ее дети льют свою кровь, пусть и для дела, и может прогневаться, лишая своей милости дерзко отступившего от негласных правил.

Страдал же он от убогого качества накопителей и преобразователей Силы. Да, все те же драгоценные камни — изумруд и рубин, но их качество, их внутренняя структура! Тут происходили другие геологические процессы, сдвигались другие пласты земной коры и жар магмы вулканов и местного светила был тут другим. Не таким как на оплавленном огне двойной звезды безжизненном Фониксе, вымороженном космической пустотой Ильтарте и газообразном Шоол. На планетах-сокровищницах, где добывались в далекой, далекой Галактике самые лучшие кристаллы для ситхской алхимии.

Про алтарь он лучше промолчит — ему пришлось использовать вместо него обычный

стол! Огромный, массивный, обитый хорошо прокованным, практически без примесей хладным железом и он из какого-то местного дерева, что по прочности не уступало стали, но боги всех миров, это же стол! Самый обыкновенный, банальный стол!

Промолчит он и про алхимическую печь. «Выпечь» в ней синтетический кристалл не стоило и пытаться. Хорошо хоть получалось выпаривать на ней декокты и «спекать» твердую основу необходимых для изменения Бруно эликсиров. Но несмотря на все помехи, частые неуспехи и откровенные провалы, он все же преодолел все препоны и смог провести ритуал «Рождения дитя» с откровенно радующим его результатом.

Бруно трансформировался в то, что нескромно радовало его взор и услаждало его самомнение. Возвышало его апломб до небесных высот.

Созданный им измененный был соразмерен во всем — в пропорциях, в силе, в массе. Он выплавился на алтарном столе, в заставлявшем искажаться саму реальность мареве ритуала, в невероятно быстрое и могучее создание. С прекрасной регенерацией, чутким слухом, всеобъемлющим спектром запахов. С плотным тяжелым скелетом, перевитым бесчисленными нитями жил, обтянутый великолепным мышечным каркасом. Молниеносно быстр, плавен и текуч в движениях, невероятно вынослив и могуч. Определение «силен» для измененного было откровенно мало поясняющим. Бесконечно преданным и исполнительным до самопожертвования. Ступай в огонь, шагни в пропасть — и он вступит в сжигающее пламя и сделает шаг в пропасть. Лучший из его Зверей, Первый из них. Леонардо так и звал Бруно мысленно, а иногда и вслух — Первый. Но все же и все же...

Телесная мощь подавила и так не великий интеллект Бруно и сжала его разум в жесткие рамки исполнительности и послушания. Никакой инициативы, ни каких своих мыслей и желаний, хоть чуть-чуть, хоть немного, идущих против и противоречащих мыслям и желаниям Повелителя. И с глазами Бруно он откровенно... Облажался? Да, этот жаргонизм самое точное определение его самоуверенной ошибки.

Идея не выращивать Бруно новый глаз, а заменить, то есть трансформировать его глаза в глаза местного хищника, так похожего на снежного льва Зиотта, вначале показалась ему революционной и перспективной, но... Но только в процессе изменений он осознал, что лишает своего первого зверя дневного зрения. Да, в темноте зрению Бруно не будет равных, но днем он будет видеть намного хуже местных низших. Но что сделано, то сделано и сожалеть об этом не стоит. Хорошо, что он не совершил эту ошибку в отношении Себастьяна, бывшего ученика Мастера Слова отца-инквизитора Черри. Смешное имя Черри. Кстати, так называется сорт мелких томатов на неведомой ему планете Терра.

Леонардо вполборота бросил взгляд на своего Второго Зверя:

— Себастьян, зажги благовония в чаше — здесь плохо пахнет. И принеси бокал вина. Фринийского.

— Да, Владыка.

И мимо послушно молчащего старшины Ночной Гильдии по прозвищу Кребс, что означает Кривой нож и что заменило ему имя, проскользнул стремительной тенью его Второй зверь. Другой... Нет, совсем иной Зверь — легкий до невесомости, мгновенно обретающий при необходимости массу и мощь. Неслышимый и неосязаемый, тень тени, эхо эха.

Его Второй Зверь, Себастьян, «родился» иным, не таким как Бруно. Если Первый это олицетворение колоссальной мощи, негибамости, непреклонности и, откровенно говоря, излишней прямолинейности, переходящей порой в тупую упертость, то Себастьян был нечто

другое. Он не ломился напролом, он извивался змеей в поисках обхода. Он обманывал, скрывался, прятался, а затем смертельно жалил. И если Бруно выбрал себе в качестве основного оружия тяжелый двуручный эспадон, оставив вторым клинком тяжелую шпагу, то Себастьян использовал цельнолитые парные клевцы, легкую *espada gorgea* и двухдуговые малые арбалеты. Бруно рассекал и разрубал, Себастьян пронзал и прокалывал.

По непонятной для Леонардо причине, оба Зверя были крайне равнодушны к огнестрельному оружию, если не более. Но по его настоянию револьверы и винтовальную винтовку при себе имел каждый, и они их умело использовали. Впрочем, Зверь, не умеющий пользоваться любым оружием есть нонсенс и немыслимый абсурд.

Себастьян, Себастьян, Себастьян... Он его откровенно и удивил, и порадовал. Когда Леонардо ушел по крышам, скрываясь в Силе и в тених и залег на долгие две декады в «нору», подготовленную для него обработанным техникой *Qâzoi Kyantuska*, Подавление разума, Кребсом, Себастьян той же ночью сбежал от своего мастера.

Он хаотично метался по улицам города в поисках высокого господина Лео, прячась в нишах, канавах и тени оград от инквизиторских ищек, патрулей городской и приоратской стражи. Обмирал от ужаса, замирая соляным столбом, когда мимо него гроыхали стальными сапогами боевые тройки прибывших в город Адептус Астартес. Шарахался от патрульных двоек фригидных стерв из роты Дочерей Битвы, огибал по широкой дуге братьев-механикусов с их непонятными разуму человека поисковыми механизмами.

Себастьян в своих поисках заглядывал в самые грязные харчевни, самые темные углы, самые опасные места городского дна. Его ограбили и дважды избили. Ему сломали четыре ребра и повредили левое колено. Один раз даже чуть не изнасиловали на окраине города шайкой прокаженных, потерявших всякий разум от дурмана «вптырь-травы» и в безумной смелости сорвавших с себя Чумные бубенцы. Впрочем, терять им было нечего, и так и так для них конец один — смерть. Себастьян сумел вырваться, убив двоих из них украденным кинжалом и убежал на берег реки, прихрамывая и протыкая зубами губу насквозь, в кривые ключья. Пытаясь одну боль приглушить другой и давя в себе вопли ужаса. Там, на берегу, он, скуля и стелая от боли, заполз под лодку и провалился в душную темноту забвения. Нашли его под лодкой нуэлльские речные контрабандисты. Они уже собирались бросить Себастьяна в реку, приняв за больного Осенним жаром, но непрерывно повторяющееся Себастьяном имя высокого господина Лео привлекло внимание одного из них. Этот контрабандист был старшаком в ватаге, этот контрабандист был племянником Гнилого Пату, скупщика краденного, и этот контрабандист знал чуть больше других о делах Ночной гильдии. Этот контрабандист рискнул и притащил мечущегося в жару Себастьяна к Большому Гендеру, правой руке старшины Ночной гильдии. И он получил свою награду — он стал Зверем. Простым. Сильным, быстрым и тупым. Без имени, без номера, даже без клички. Расходник, тугое и буйно сопротивляющееся мясо для смазки клинков. Леонардо не собирался тратить драгоценные эликсиры и ингредиенты на этот человеческий мусор, а без этого получался на выходе вот такой, не очень качественной продукт. Сорт вроде бы и первый, но не премиум как Бруно и Себастьян. Зато этого «мяса» можно было сотворить много и получалось оно быстро — три часа и готов простейший зверь. И Сила расходует мизерными долями. По сути, такие звери почти ничем не отличались от хорошо вскормленных и тренируемых с детства низших. Что-то сродни боевым монахам или юным адептам боевого искусства терасс-касси. Себастьян же...

Себастьян же, тогда, на краткое время очнувшись и увидев над собой лицо

склонившегося к нему Леонардо, широко и счастливо улыбнулся и еле слышимо прошептал, треская в кровь иссохшие губы:

— Высокий господин Лео... Мама мне рассказывала о вас. И... И отец. Я так хочу вам служить, высокий господин! Не прогоняйте меня, высокий господин Лео... Прошу...

И Себастьян вновь потерял сознание, проваливаясь во мрак забытья. Он так в нем и пребывал все то время, пока Леонардо, подталкиваемый странным чувством крайней необходимости и утекающего сквозь пальцы времени, подготавливал и проводил над ним ритуал трансформации его в своего Зверя. Скорее всего, Леонардо направляла Сила.

Кстати, легенда о высоком господине, которым величал его Себастьян, была проста и наивна. И по своей сути, и по содержанию.

«Наступит благословенное время, когда явит себя людям Высокий Господин и время то будет Весна. Будет Высокий Господин обликом юн и с сияющими золотом глазами, а имя его будет значить — Лев. Возьмет он под свою руку верных ему, даруя силу и счастье им. Сокрушит тяжелой рукой он тех, кто...».

Ну и прочее бла-бла-бла убогого фольклора низших — злые будут наказаны до смерти, добрые непременно возвышены. Всем будет вдоволь еды, питья, самок и самцов. Климат во всем мире измениться на благодатный тропический и длиться это будет вечно. А высокий господин все это будет держать на своей шее, добывать блаженствующим в неге двуногим свиньям неизвестно откуда жратву, алкоголь и новых неутомимых самцов с молодыми самками, когда старые наскучат. Ах, да, он еще будет обязан возвести теплые уютные хлева для своего бесконечно опекаемого стада и развлекать его зрелищами. В сути своей дикий бред и буйная смесь горячечных фантазий слабых и неспособных взять все им потребное самостоятельно. Не стоит и крохотной доли внимания, но использовать можно и нужно.

— Высокий господин дядя Лео! Высокий господин дядя Лео!

Леонардо вновь отвлекся от разглядывания темноты за окном и повернулся на звонкий детский голосок:

— Да, Сюззи?

— Мама уже дожарила мясо и ждет вас к столу. А еще дяденьки господина Кребса вечером принесли из лавки сладостей полную корзинку ваших любимых ягодных рулетов. Мама накрыла их салфеткой, но они все равно подсохли. А она меня шлепнула по руке, когда я хотела убрать самый плохой. Можно я возьму один, самый сухой, высокий господин дядя Лео? Его вы все равно есть не будете.

Наивная и неуклюжая детская интрига, неумело скрывающая далеко запрятанный вечный голод. Сюззи кормили. Сюззи не ругали за утащенный кусок хлеба, мяса, обрезок колбаски. Ее баловали, ее прикармливали, видя благосклонное отношение к ней страшного колдуна. Но вытравить многолетнее недоедание несколькими днями обильной кормежки невозможно.

— Возьми из корзинки три рулета, Сюззи. Самые свежие.

— Спасибо, спасибо, высокий господин дядя Лео! — девочка звонко захлопала в ладошки и быстро крутанулась вокруг себя вздымая колоколом подол черного шерстяного платья. Остановилась, в одно мгновение посерьезнела и низко поклонилась:

— Благодарю вас, высокий господин Лео! Храни вас Господь и Святой Круг!

Леонардо полностью повернулся к девочке, впрочем, уже юной девушке — Сюззи на самом деле исполнилось уже тринадцать лет, и погрозил пальцем, смягчая суровость жеста улыбкой:

— Никаких высоких господ, Сюззи! Тебе не нужно это говорить. Просто дядя Лео. Теперь беги и скажи своей маме, что я скоро приду. И помой руки, Сюззи, прежде чем ты возьмешь рулету!

— Хорошо, высокий... Дядя Лео!

Отцы-инквизиторы, как ни странно, выполнили условия сделки с арбалетчиком, отпустив его семью. Впрочем, скорее всего тут было понимание бессмысленности их содержания под стражей. Свою роль женщина и ребенок сыграли, предъявить им в сущности было нечего, а громоздить ложное обвинение... Кто они и что они, чтобы ради них тратить время и силы? Тем более, на фоне фееричного «выступления» Леонардо, они были не более чем пылинки, засохшие хлебные крошки, которые смахивают со стола машинально, не отдавая себе отчета. Вот святые отцы их и отпустили. В чем они были, без гроша денег, без заверенного печатью приора клочка бумажки в котором подтверждалась их невиновность и снимались претензии Церкви к данным добрым людям.

Как вы думаете, где они оказались? Правильный ответ с одной попытки — в Ночном квартале. На Сюззи уже был заключен с ее матерью контракт шустрой не по размеру матушкой Феодорой, что «держала» под своей мясистой рукой все бордели Нуэлла. Дрожащего от страха и заикающегося от пережитого ужаса ребенка уже принялись натаскивать на «кукле» с деревянным членом для приобретения специфического опыта для будущей работы, когда к матушке Феодоре явились «мальчики» Кребса. Это Леонардо, движимый невнятным ощущением, что он должен найти дочь и жену арбалетчика велел старшине Ночной гильдии организовать их поиски. Кто-то скажет — совесть проснулась, кто-то — облегчение кармы, но Леонардо чувствовал, что этого желает Темная Мать. Великой Силе зачем-то были нужны эти низшие. Они были в Ее планах необходимым кусочком мозаики.

Матушка Феодора, дама героических пропорций и гвардейских статей, попыталась взбрыкнуть невесть от чего — то ли от склочного склада характера, то ли от большого ума, который ей подсказал, что не все у Кребса ладно, что рулят им, а не он. Но затем вместо прогнанных «мальчиков» старшины Кребса за девочкой пришел Бруно. Как там все разъяснилось и как все вышло, Леонардо было неинтересно. Но ни о каких грандиозных разрушениях и морях пролитой крови Кребс ему не сообщал, а его Первый просто вернулся с девочкой и ее матерью. Девочку он нес на руках, ее мать везли вслед за ним на тележке зеленщика — сама идти она не могла, ноги почему-то отнялись.

Амбалы старшины гильдии после этого малозначимого эпизода стали поглядывать на Бруно с каким-то мистическим ужасом и чуть ли не с преклонением. Все это для Леонардо было ничтожно — перетрахал ли там Бруно всех «девочек» во главе с матушкой Феодорой или сделал что-то еще столь же фееричное, съел ее, например. Для него это все это было неважно и незначимо. Его больше заботило состояние девочки. Нет, он не ощущал даже тени вины, раскаянья или сожаления о содеянном им с ней, но вот Великая Сила...

Темная Мать постоянно вызываемым беспокойством в эмоциях и ощущением какой-то тревожной неправильности настойчиво подталкивала его все исправить. Леонардо долго не мог это принять — что за дело ему и Великой Силе до низших, но все же начал подготовку к сложному ритуалу Очищения Сути. Здесь не были уместны ни светлое Воздействие на разум, ни ритуал перерождения, ни ломающее рассудок темное Безумие Силы.

Зато сейчас он считал проведенный над девочкой ритуал еще одной осиленной им ступенью к его возвышению. Да, преодолена еще одна ступень лестницы к его Мастерству и

к еще большему Могуществу.

Далось это ему не легко — пришлось почти сутки провести в медитации, очищая свое тело и разум от наносов ментальной и буквальной грязи техникой Уменьшения. Жертвовать для этого своей, внутренней Силой, ведь использование заемных источников заставило бы все начать сначала. Создать новый эликсир, названный им просто — Слезой и оперировать на тончайшем уровне нитями Силы восстанавливая и излечивая поврежденные внутренние органы ребенка и девственную плеву. Ощущал он себя после этого как гинеколог в конце рабочей недели — ни на что не встает и вокруг него одни психи, которых хочется прибить, ведь они с наслаждением смотрят порно. Откуда у него такое неестественное сравнение и что это за страшный зверь гинеколог, Леонардо уже привычно не стал задумываться.

А Сюззи расцвела. Она ничего не помнила из тех кошмарных событий, самым задействованным участником которых она была. Перестала заикаться и впадать в оцепенение при появлении вблизи нее любого взрослого мужчины. Она радостно и открыто улыбалась всем — ему, Бруно, Себастьяну, старшине Ночной гильдии и его мордоротам. Находила для каждого теплый взгляд, вежливое слово и просто лучилась радостью и безмятежностью. Вначале Леонардо был встревожен ее поведением, подозревая себя в небрежности при вторжении в разум ребенка, но потом понял — Сюззи просто вела себя как счастливый ребенок, который не познал страха и распускающийся цветок души которого не иссушил огнем бесчеловечной бездушности реальный мир.

— Кребс!

— Да, высокий господин?

— Продолжи свой рассказ.

Леонардо отпил принесенного Себастьяном вина и переместился от окна в глубокое кресло у разожженного камина.

Дом, в котором он «прятался» от ищущих его низших, если нахождения его в пятистах шагах от дворца Наместника можно было так назвать, был роскошно обставлен. Стены комнат обиты плотным шелком и украшены шитыми золотой нитью гобеленами. Балки перекрытий скрыты за потолочными панелями из драгоценного кедра. В рамы окон вставлены не жалкие кусочки мутного стекла, а полноразмерные полотна прозрачного как слеза вессенского «хрустального» стекла. Мебель только из дуба и светлого клена. Кожаная или обитая парчой и бархатом. Подставцы под свечи и бра серебряные, зеркала в рамах из того же драгоценного металла в полный рост. Многочисленные картины, резьба по панелям, статуи и статуэтки. Мрамор, какой-то зеленоватого-черный камень и наборный паркет на полах. Такую роскошь трудно встретить не во дворцах и особняках высшей знати. Сам двухэтажный дом скрыт за высокой каменной оградой, имеет небольшой внутренний двор и маленький уютный парк с фонтаном и декоративным мостиком через такой же декоративный ручеек. И в этом доме замечательно огромный подвал с прекрасной вентиляцией. Кто являлся владельцем этого дома и чем Кребс держал его за горло, Леонардо было все так же неинтересно, но изредка он ловил себя на легком ощущении, что ему досадно осознавать, что вскоре все это придется покинуть.

— Вот человек из дворца глаза императора и принес весточку, что в город прибыл куриный бог.

— Прибыл примарх Ангелов Смерти?

— Он самый, высокий господин.

— В дальнейшем, Кребс, старайся избегать подобных жаргонизмов. Фильтруй базар.

— Простите, высокий господин — Кребс угодливо изогнулся, пытаясь поймать взгляд Леонардо — А чего мне избегать и что мне филь... Мне фильтру...

— Забудь, Кребс. Забудь в очередной раз — Леонардо задумчиво пробарабанил кончиками ногтей по подлокотнику кресла — Значит, его высокопревосходительство примарх Ангелов Смерти соизволил наконец посетить славный город Нуэлл. Это прекрасно, это чудно. Сколько у тебя накопилось ненужных людей, Кребс?

— Дюжина, господин.

— Эльдарова дюжина?

— Простите, господин, но нет. Святая дюжина, господин. Ровно двенадцать человек.

— Это поправимо — Леонардо шевельнул ладонью, приближая к себе Кребса — У тебя есть на примете умный и энергичный человек, верный тебе?

Кребс несколько затянул с ответом, но все же обреченно выдавил из себя через силу:

— Да, высокий господин. У меня есть такой человек, господин.

— Чудно!

Леонардо стремительно выбросил руку в сторону одного из сопровождающих Кребса низших, медленно сжимая пальцы в кулак. Сутулый, с обезьяним лицом, исковерканным оспинами, низший медленно поднялся в воздух, задушено хрипя и пытаясь разжать невидимые пальцы на своей шее. Влажно всхрустнули хрящи гортани и ломаемые позвонки, резко запахло мочой и дерьмом. Леонардо разжал пальцы, опустил руку на подоконник кресла:

— Вот и освободилось место для твоего человека, Кребс. И если хоть одно животное... — Леонардо обвел взглядом Правую и Левую руку старшины Ночной гильдии, второго сопровождающего Кребса, побледневших и замерших в неподвижности, невыносимо давящим взором.

— Еще раз так посмотрит на девочку, как смотрело это насекомое, то его участь — Леонардо кивнул на труп — Покажется вам божьей милостью. Умирать вы будете... — он сделал короткую паузу, прикидывая свой резерв Силы и остатки не так уж и нужных ингредиентов — Да, ровно двенадцать часов. Но вам это покажется вечностью.

И вот этот откровенно механический, бездушный подсчет времени пугал больше громких обещаний разных страшных кар и описаний невероятных ужасов. Когда тебе сообщают, что все оставшееся время твоей жизни ты проведешь в невыносимых муках ровным и равнодушным тоном, даже несколько досадуя на бессмысленную потерю времени и средств — но надо, так надо! Это не просто пугает, это ужасает и ввергает в панику.

— Себастьян, а где Бруно?

— Он в подвале, Владыка.

— Значит он с добычей. Что ж, навестим его после ужина. Или раннего завтрака? Позднего обеда? Кребс, как можно назвать прием пищи в половине второго часа ночи? Кребс?

Но старшина Ночной гильдии не мог ему ответить. Он лежал на полу бессильно раскинув руки — и когда только успел упасть? — закатив глаза и улыбаясь. Леонардо равнодушно пожал плечами — эти низшие почти все безумны, и вышел из комнаты.

В подвале дома было светло, очень светло. Многочисленные светильники, удвояющие свой свет отражением от отполированных пластин закрепленных сзади. С десятков бра и три подвесных подобия люстр не давали ни малейшего шанса теням и сумраку. Если бы Леонардо сказали, что алтарь и алхимическая лаборатория должны быть погружены в

таинственный сумрак и зловещею темноту, то он бы с жалостью и недоумением посмотрел на безумца. А утверждение, что сила и результативность проведенных ритуалов зависят от времени, фаз Луны и расположения планет во всяких там домах и перигеях, ввергло бы его в когнитивный диссонанс. И он бы просто стер с лица мира глупца, изрекающего столь невероятный бред. Болезни разума чудовищно заразны. Пример? Ну, например, неведомые ему джедаи. Их бездушные и черствые в своей сути догмы и постулаты исповедуемого ими Учения, откровенно пугали своей бесчеловечностью.

Нет эмоций, есть покой. Нет неведения, есть знание. Нет страстей, есть спокойствие. Нет хаоса, есть гармония. Нет смерти, есть Великая Сила.

Вечная бессмысленная стагнация. Невероятно самоуверенное утверждение о всезнанье, когда ты не знаешь, что случится через секунду. Выхолощение эмоций и кастрация чувств. Застывший во льду порядка, умирающий мир. Смерть — это начало новой жизни, а Великая Сила слишком велика для каких-либо границ и понятий.

Слепые твердолобые фанатики.

Леонардо прошелся к дальней стене подвала, остановился напротив двух тел, тщательно «упакованных» сложным переплетением крепких ремней.

— Сюрприз, сюрприз... Неожиданный сюрприз, Бруно. Это ведь то, что я вижу — это ведь славящиеся по всей империи и за пределами ее своей невероятной храбростью и несгибаемостью, бесстрашные Дочери Битвы? Ловкие, сильные, умелые воительницы? Уникальный продукт тщательной генетической селекции и претензионного отбора еще на стадии эмбрионов?

Голос Леонардо лучился не скрываемым смехом и иронией.

— Да, Владыка. Это они.

— И как же ты их... Как ты их победил, Бруно? Жесточайшая и невероятно кровавая битва длилась день и ночь? Или ты их обаял, а затем коварно обманул? Нехорошо, Бруно! Плохой Зверь! Фу!

— Владыка, я подошел к ним со спины и оглушил. Вязало их уже «мясо». Владыка, я совершил какую-то ошибку? — Бруно встал на одно колено и склонив голову, глухо произнес в пол — Я готов принять твоё наказание, Владыка.

— Встань, Первый! Нет твоей вины и ошибки ни в чем. Это ирония, Бруно. Запомни эту тональность моего голоса и выражение лица. Это и есть ироничность. Себастьян, вынь у них кляпы.

Эх Бруно, Бруно... Испортил такое неплохое настроение после вкусного и сытного ужина! У Паккеты явно кулинарный талант, так великолепно приготовить мясо нужно не просто умение, а вдохновение и немалое желание угодить. Или бояться до безумия.

— Тварь! Ублюдок! Предатель! Ты сгоришь на костре! Наши сестры найдут тебя, проклятое чудовище и разрубят на куски! Тебе... Ты...

Леонардо терпеливо дождался паузы вдоха извергающей проклятия и угрозы коренастой, мускулистой, с некрасивым плоским лицом и маленьким ртом женщины и крадчиво поинтересовался:

— Так меня разрубят на куски или сожгут? Или все вместе? И кого я предал? Не пояснишь?

— Сожгут! Разрубят! Предал! Людей! Господа!

— Хорошо, я понял — меня разрубят твои сестры, когда будут сжигать. Но вот с предательством не складывается. Не перебивай меня, Дочь Битвы! — голос Леонардо,

заполненный мощью и властью, буквально захлопнул обпененный желтоватыми хлопьями распахнутый рот женщины.

— Я не создание твоего бога, женщина, и я не совсем человек. Кого же я предал? Я не оскверняю ваших святынь, я не препятствую вашей вере. Я с вами на одной стороне в битве против проклятых эльдар и их тварей Совершенных. И я не ксенос. Так отчего такая исступленная ненависть ко мне и не осушаемая жажда моей смерти? Почему вы меня так боитесь и стремитесь уничтожить? Дозволяю тебе отвечать Дочь Битвы!

— Ты Чужой! Ты не наш! — выплюнула наполненное ядом ненависти слово женщина.

— Именно Чужой? Не чужак?

— Чужой!

— Общалась с Совершенным, что заточен в тюрьме приората?

— Да! — губы женщины расплылись в оскале торжествующей ухмылки — Нас собрали в каком-то большом подземном зале приората...

— Нижний рефекторий.

— Да, здоровая такая трапезная. Эту тварь привели туда, и он все рассказал о тебе, мразь! Все-все-все! Мы все о тебе знаем! Тебе не обмануть меня, гнилая отрыжка бездны!

Женщина зашлась смехом. Громким, врезавающим, хриплым, истеричным. Леонардо кивнул Себастьяну — хлесткая пощечина оборвала истерику, женщина мотнулась головой, слизнула протекшую струйку крови с губы.

— Что Совершенный говорил обо мне?

— Много. Многое! Все! Но я тебя ничего не расскажу, тварь! Мучайся неизвестностью мразь!

— Я скажу тебе, высокий господин. Я скажу, Владыка.

Бровь Леонардо взлетела в удивленном недоумении, он быстро перевел взгляд на все это время молчащую вторую Дочь Битвы:

— Ты скажешь? Владыка?

— Я скажу, высокий господин. То есть, Владыка.

Коренастая харкнула своей сестре в лицо:

— Кобелья подстилка! Предательница!

Она рванулась к ней с намерением вгрызться зубами в горло. Вторая сестра одним движением отклонилась в сторону, затем извернувшись, метнулась в выпаде всем телом, впечатывая лоб в переносицу коренастой и откинувшись на спину пнула ее в бок обоими ногами. Носками сапог окованными заостренным металлом. Коренастая протяжно вскрикнула, по-звериному зарычала и катнулась к противнице злым веретеном.

— Себастьян, разними девушек. Крикливую заткни. А лучше... Бруно, отнеси эту свирепую даму к другому «мясу». Сними с нее сапоги и обездвигь мягко, а то она мне весь материал перекусает. А противостолбнячной вакцины у меня нет.

Леонардо задумчиво оглядел вторую Дочь Битвы. Не такая коренастая, более женственная, даже если не обращать внимания на широкие как у пловчихи — а это кто? — плечи и еле видимую грудь, довольно мила на вид. Приятные черты лица, большие голубые глаза, ровные белые зубы. В меру полные, здорового карминового оттенка губы. Но вполне красивое лицо портила мускулистая шея и глубокий шрам на переносице, резко сливающийся к левой скуле. Шрам кривой как дорога между холмов, грубо зашитый. Кожа вокруг него сильно натянута и левый глаз кажется неестественно широко открытым.

— Хочешь я избавлю тебя от шрама на лице, Дочь Битвы?

— Вы... Вы можете это сделать, Владыка? — глаза женщины... Нет, девушки, ей не больше чем двадцать-двадцать два года, распахнулись еще больше в неверии и трепетном ожидании сказочного исполнения затаённого желания.

— Да. И я могу исправить твою фигуру — увеличить грудь, соразмерить плечи с бедрами. Сделать тебя ... — Леонардо оборвал свою фразу, потер подбородок, поднял задумчивый взгляд к потолку, закрыл глаза, плавно покачивая головой и вслушиваясь в себя, ища в себе. Он стоял, а нити его Силы ощупывали тело девушки, проникали в нее и через нее. Они возвращались к нему с добычей понимания и вновь, убегая, скользили невесомыми лентами по ее ауре. Они вплетались в бег ее крови, осторожно, легко и незаметно оглаживали мышцы тела, вены, артерии. Вслушивались в стук сердца и впитывали в себя наносекунды вспышек хаотично мечущихся в ее голове мыслей.

Леонардо открыл глаза:

— Я могу превратить тебя в совершенство. Сделать столь ослепительно красивой, что солнце и звезды будут прятаться за тучи, стыдясь своего уродства. Ты сможешь повелевать мужчинами легким взглядом ресниц и за ночь с тобой они отдадут свою жизнь и душу. И более того... Я смогу так изменить тебя, что твой ребенок никогда не будет болеть. Он будет красив как ангел, умен как тысяча мудрецов и его пол ты сможешь выбирать сама при вливании в тебя мужского семени. И жить он будет столько, насколько ты будешь сильна в желании служить мне. Ты хочешь этого? Желает? Дивны дары мои тебе?

Судорожный кивок головой и беззвучный вопль рвущий барабанные перепонки высокой нотой: «Да! Да-да-да-да!».

— Хорошо. Тогда я спрошу у тебя один раз и ответ твой должен быть четким, ясным, громким. Искренним. Лишь «Да» или «Нет».

Леонардо близко-близко наклонился к Дочери Битвы, почти касаясь своим лицом ее лица. Обжигающий жар ее дыхания и ослепляющее сияние его глаз изгнали, выжгли все, что между ними. Губы Леонардо, касаясь губ Дочери Битвы шевельнулись, вонзая в темную глубину ее рта слова, будто совершали оральный акт:

— Ты желаешь сама, добровольно, без принуждения, искренне и с открытой душой, стать моей Службой?

И громкими фанфарами, взрывающимся в ночном звездном небе салютом, хрустальным перезвоном колоколов, он услышал в ответ:

— Да! Мой Владыка...

Леонардо лениво парил в нестерпимо горячей воде с добавкой душистых капель мятного дерева и бурно шипящего при растворении порошка в виде ноздреватых кристалликов. Нежные касанием руки служанки мяли, разминали его мышцы, тщательно промывали волосы. Вторая служанка обтирала его тело мягкой тканью, сложенной втрое и пропитанной раствором мыльного корня. Иногда ладони второй служанки одновременно осторожно и настойчиво касались его члена, текстикул, внутренних поверхностей бедер. Тогда служанка вздрагивала всем телом и влажными глазами искоса поглядывала на высокого господина. Но Леонардо не реагировал на ее прикосновения. Секс с низшими? Возможен, но... Но напоминает скотоложество, нет никакого возбуждения при мысли о спаривании с животным. Да и ритуал *Châts Grotthu*, Обретения Слуги, отнял у него много сил. И физических и душевных и самой Силы. Ему даже пришлось посетить «холодильник» с «мясом» и «выпить» две заготовки под зверей для восстановления.

При этой мысли ему явилось видение белоснежного паралепипеда со вспыхивающим

холодным светом внутри при открытии одной из его сторон. Вырывающийся из него морозный холод и полки. Бесчисленные полки, заполненные до прогиба разнообразной едой. Ветчина, салями, балык, копчености. Виноград, манго, бананы, грейпфрут. Гранатовый и яблочный соки. Какой-то фруктовый микс, какие-то йогурты. Сыры. С плесенью и без. Слезистая брынза...

Леонардо сглотнул обильную слюну, выхватил из блюда на столике рядом кусок мяса, с горловым рычанием голодного хищника впился в сочные волокна. Сглотнул, плохо прожевав, рванул зубами еще кусок, еще. Да, ритуал его опустошил. Но это того стоило, стоило.

Леонардо обильно запил проглоченное кислым морсом из каких-то ягод. Вина категорически не хотелось, не принималось желудком. При мысли о рубиновой терпкой жидкости к горлу подступал горький комок, его подтащивало и мутило. Впрочем, это мизерная плата за Слугу. Такого прекрасного Слугу! Но... Но вот вести она ему принесла не радостные, тревожные, заставляющие пересмотреть многое. На ходу менять тактику и стратегию, отбрасывать ранее планируемое, осмысливать преодоление новых преград и препятствий на его Пути. Пути к Власти.

Совершенный его удивил и поразил. Гений, сука, без сомнений. Он не стал вещать о чуждости Леонардо, о его чудовищной сути, именовать тварью и порождением бездны. Он поступил гораздо умнее, рассудительнее, гениальнее, мать его!

Леонардо с силой отшвырнул от себя кувшин с морсом, глаза его засияли нестерпимым блеском бурлящего золота, вода в мраморной чаше вскипела, испаряясь паром. Треснул мраморный бортик ванны, ломаемый мертвой хваткой пальцев. Напуганные всплеском гнева господина, служанки тающими каплями брызнули в углы помещения термы, сжались, прикрывая головы руками.

Леонардо несколько раз выдохнул-вдохнул успокаиваясь, прикрыл бурлящую гейзерами лаву золота потяжелевшими веками. Стоит признать, его переиграли. Даже не тактически, а стратегически. Влитый в уши яд слов Совершенного отравил разум местных низших, а у него нет действенного противоядия. Здесь поможет только долгое и тщательное лечение, капельное промывание мозгов, скрупулёзная очистка мыслей низших. И начитать надо с верхов. Да, его переиграли...

Совершенный назвал его, Владыку, отринутым братом его хозяев, проклятых эльдар. Он титуловал его Гемункул друкари, существом, для которого сладкий плод страха также приятен, как и ласка острого клинка, вонзающегося в нежную плоть. Проклятым и безумным созданием Той-Что-Жаждет, для которого не достаточно просто убить. Ему обязательно нужно наиграться со своей жертвой, ввергая ее в пучину отчаяния, кормя ненасытную суку Слаанеш. Поднимая мучимого в зениты блаженства надежды и роняя в надир ужаса понимания своего конца. А затем «выпить», иссушить свою жертву, крадя ее жизнь и душу.

И основными чертами внешности гемункул друкари являются заполненные тяжелым золотом Каддаф глаза и нечеловечески физическое совершенство. Совершенный назвал его Чужаком для его хозяев и их же братом и их же непримиримым врагом, чудовищем из глубин бездны, которого бояться сами проклятые эльдары. И так он поставил знак равенства между стремлениями к его уничтожению низшими и проклятыми эльдарами, осознано суммировав их усилия. А иссушенные Леонардо прислужники Совершенных, убийство им Главы Гнезда, иммунитет к магии эльдар и наплевательское отношение к святой магии низших, весомым грузом упали на чашу весов, склонив ее к отрицательному значению.

Умница и молодец, этот Совершенный. Интересно, он играет в ШАХМАТЫ? При встрече надо будет обязательно у него поинтересоваться, перед тем, как он его выпьет. При обязательной встрече. Ближайшей во времени. Такое не прощается, такое карается сразу же. Колыхнулась вновь зарождающимся паром вода в мраморной ванне.

Изящные пальчики коснулись его плеч, пробежали несомым ветром пухом по окаменевшим мышцам, мягко огладили затылок. Коснулись подбородка, заключая в уютную «чашу» из пальцев, полную теплой нежности и ласки.

— Зачем ты пришла, Заря? Тебе нужно лежать, твое тело еще не окончательно сформировано.

— Я не могла не прийти, мой Владыка. Я почувствовала твой гнев и что-то внутри меня ощутило, что мое присутствие рядом с тобой, Владыка, крайне необходимо. Мой господин, в великом гневе своем ты можешь...

Невероятно прекрасная девушка сбросила легкую тунику и невесомой грезой, лунным лучом, скользнула отблеском звезды в только начавшую остывать до приемлемой температуры воду. Состроила недовольную гримаску, повозилась, устраиваясь пушистым котенком на теле Леонардо, заставляя Бруно и Себастьяна возвышающихся живыми горами мощи на лавках у входа в терму произвольно сменить ритм дыхания. Небесное создание клонуло губами в кончик носа Леонардо, провела острым ноготком по его линии бровей:

— Мой Владыка, ты можешь совершить ошибку.

— Ты почувствовала?

— Да, мой Повелитель.

— Чудно, чудно... Ты ощутила Узы Силы и Сила направила тебя ко мне. И я не буду противиться ее воле! Не буду совершать ошибку!

Леонардо притиснул к себе с наигранным испугом взвизгнувшую Зарю и впился в ее одурающе желанные губы поцелуем.

Время до назначенного еще есть, но даже если бы его и не было, он бы его нашел или бы заставил остановить свой нескончаемый бег. В реальной осуществимости этого Леонардо нисколько не сомневался.

— Этого делать не стоит, ваше высокопревосходительство примарх Робаут Жиллиман. И позвольте мне спросить у вас, это ваше настоящее имя? Оно дано вам при рождении?

Примарх Адептус Астартес медленно отвел ладонь от рукояти своего револьвера, краем глаза отслеживая зависшее над ней как приклеенное острие кинжала. Кинжал парил в воздухе, удерживаемый невидимой рукой. За его спиной стояло что-то страшное, неслышимое, неосязаемое, но несомненно губительное и послушное появившемуся из теней существу. Существо свободно прошлось по комнате, с нескрываемым любопытством осмотрело доспех примарха на «болване», одной рукой приподняло массивное и тяжелое кресло, поставило его напротив рабочего стула Робаут Жиллимана.

— Я присяду, примарх — существо не спрашивало, оно просто сообщало о своем действии. Но произносилось скупое уведомление вежливо.

— Я полагаю, с моей стороны будет несколько неприлично вести разговор возвышаясь над вами — существо откинуло капюшон плаща, открывая совершенное неземной красотой лицо с пылающими золотом глазами.

— Так что там с вашим именем? Мама и папа пожелали вас назвать столь необычно? В имени этом нет местных корней. Странное имя, несколько искусственное.

— Очень неожиданный и странный вопрос от наследника Раннийского герцога. Я

уверен, что вам преподавали историю легионов империи и вам должно быть отлично известно, что это легендарное имя принимается всеми примархами Адептус Астарес при занятии ими данной должности.

Существо легкомысленно отмахнулось:

— Иногда что-то забываешь, иногда что-то вспоминаешь. Непостоянство есть суть развития. Да и, я уверен в этом, я уже не наследник герцогской короны.

— Да, ваш отец официально отрекся от своего... От вас, и вы вычеркнуты из летописей рода. Ваше имя сбито со стены Памяти и проведен ритуал Стирания.

— Ожидаемо. Но крайне непредусмотрительно.

— Надеетесь все вернуть? И вернуться? — примарх скупой, сухой улыбкой раздвинул губы, ощутимо расслабившись. Смелый и бесстрашный человек! Расслабиться, откинуться на спинку стула, беспечно вертеть в пальцах стилус, когда за твоей спиной стоит нечто, от которого ощутимо веет смертельной угрозой...

О, для этого нужен несгибаемый дух и безумная храбрость. Ну или полная уверенность в том, что для него нет никакой угрозы. И в этом примарх не ошибается, его гибель Леонардо не нужна и даже наоборот, вредна его планам.

— Вернуть? Ну что вы, примарх! Разве я похож на того, кого ведут по его Пути какие-то надежды? Взять, когда пожелаю. Когда у меня появится такое желание. По праву своей Силы и Власти.

— Думаю, это неосуществимо, юно... — примарх недоговорил, оборвал слово — Как мне лучше вас называть? В нелепую байку этой Совершенной твари, что вы отвергнутый брат этих проклятых эльдар, какой-то гомункул, я абсолютно не верю.

— Да, вы не производите впечатление доверчивого человека или слепого фанатика, примарх. И это не лесть — Леонардо свел вместе кончики пальцев обеих рук — Я, пусть это прозвучит несколько самоуверенно и неправдоподобно, могу видеть истинную суть людей. А называть меня вы можете Владыка или Ситх'ари. Это титулы. Или же по имени. Милорд Леонардо. Я от него не отрекался.

Примарх соглашаясь, медленно, словно раздумывая и принимая важное решение, кивнул головой:

— Хорошо. Милорд Леонардо, а что именно значит титул Ситх'ари?

— Идеальное существо. Это приближенный перевод с высшего ситхского.

— Ситхи это ваш народ, милорд?

— Нет. Это дальние-дальние предки моих предков, побочная ветвь. Правильнее всего вести линию моего происхождения от джен'ари. Тех джен'ари, что сперва завоевали ситхов, а затем слились с ними в единый народ. Среди них были и люди.

— Люди сильны везде!

— Да. Сильны. Мне люди напоминают тараканов, они также неуничтожимы и ненасытны как мифическое существо ксса-агха.

— Себя вы человеком, милорд Леонардо, конечно же, не считаете?

Леонардо молча прикоснулся подушечкой указательного пальца к уголку своего правого глаза.

— Гм-м, да, согласен. Это аргумент. С такими глазами вы лишь напоминаете человека.

Примарх Робаут Жиллиман еще раз явил миру скупую улыбку:

— Знаете, Владыка, а вы ведь очень похожи на ангела. Выглядите почти так же, как их описывают в священной Книге. И пишут на стенах соборов. Дети Господа и святого

Бесконечного Круга. Такие же сияющие золотом глаза и прекрасны ликом и телом. Только вы без крыльев и без нимба.

— Без таких вот крыльев и такого нимба? — за спиной Леонардо, пронзая ткань плаща бритвенно острыми перьями и разваливая на три части спинку кресла, распахнулись белоснежные крылья. А над его головой мягким светом жемчуга засиял нимб.

— Почему вы так уверены, примарх, что ангелы существуют только и лишь в вашей святой книге? А не являются еще одними разумными существами в великом множестве миров? Вы ведь знаете, что ваш мир не единственный? Бруно, другое кресло!

Проем стены между окнами вспучился массивным телом огромного мужчины. Пол ощутимо дрогнул под шагами монстра, дальше кресло в углу комнаты в одно мгновение сменило обломки предыдущего. Крылья существа сложились за спиной, исчезая, нимб погас, растворяясь в желтом свете настенных светильников.

Примарх долго не отвечал, ссутулившись и осунувшись чертами лица, словно под вдруг навалившейся на него невидимым и неподъемным гнетом. Ладони его сжались в налитые нехорошей тяжестью кулаки. Наконец его плотно сжатые губы разомкнулись:

— Ваши ручные монстры?

— Мои Звери. Уникальные и неповторимые.

— Единственные?

— Пока — да.

Примарх оценивающе осмотрел на вставшего за спиной непознаваемого создания монстра, хмыкнул одобрительно. Крутанул стилус в пальцах, продолжил разговор:

— Наши предки пришли в этот мир со звезд, милорд Леонардо. И вместе с ними пришли и проклятые эльдары. Я знаю о существовании множества миров. Простецы и непосвященные этого не знают. Для них этот мир единственен, а небо твердая хрустальная сфера. Первый император людей велик в сострадании своем и запретил разбивать уютную клетку их разума.

Примарх замолчал, но говорить не закончил. Леонардо терпеливо ожидал окончания его речи. И примарх продолжил:

— Но тогда вы падший ангел, милорд. Идеальное существо. Упавший с подножия Небесного Престола один из сыновей Господа.

— Нет, примарх, ни в коем случае и качестве. К вашему Господу я никакого отношения не имею и уж тем более не являюсь упавшим с небес миллиардным по счету сыном вашего бога. Или сколько там ангелов помещается на кончике иглы? Я это я.

— Вы очень откровенны, милорд Леонардо. И демонстративны. Я бы сказал — излишнее откровенны и демонстративны.

— Вам моя откровенность что-то дает, примарх?

— Способ уничтожения ангелов. Падших ангелов. Или их изгнания в худшем случае. Хотя бы на время. Оценку ваших сил и возможностей.

— Не в моем случае. А сила моя вами непознаваема. Как и возможности. Но я вам не враг и не хочу им становиться. У нас разные Пути.

— Только если мы не вынудим вас им стать. И не встанем на вашем пути.

— Да, примарх. Истинно так.

Они снова замолчали, глядя друг на друга. Примарх откровенно изучающе и что-то переосмысливая, принимая, отбрасывая, находя и теряя. Леонардо свободно и немного сочувственно, словно понимая, что творится в разуме примарха. Какие взрываются в нем

вулканы мыслей, рушатся гипотезы, тонут предположения и тут же возрождаются, всплывая обновленными.

И это продолжалось долго, очень долго. Минуты три или даже более.

— О чем вы хотели со мной поговорить, милорд Леонардо? Зачем вы искали со мной встречи таким ... Таким экстравагантным способом?

— О Совершенном. Об этом гениальном сукином сыне. О моей прелести. Вы ведь вскоре перевезете его в Астурийскую обитель?

Глава девятая.

О ночном сне тех, кто спать не должен, о интриге в интриге и предательстве предателя, о разговорах с желающими разговаривать, о конце и начале.

В доме стояла звенящая тишина. Ни звука, ни шороха, ни лязганья заточенного и бронированного железа охраны, стеклянного перестука расставляемой посуды служанками. Ни приглушенного гула пламени в печах на кухне, потрескивания поленьев в каминах. Нет шагов и голосов, потому что некому ходить и говорить. Бруно и Себастьян замерли на лавках у стены неподвижными статуями, обвешанные смертоубийственной сталью — кресла и стулья с трудом выдерживают их вес. Заря дышит невесомо и неслышимо, только трепещет ресницами и не сводит своих бездонных синевой глаз со своего Повелителя. Она, одетая в дорожный костюм и спрятавшая густую волну омытых мраком волос под бархатным беретом с одиноким пером какой-то яркой перьями птицы, устроилась в уголке просторной софы, оставляя все оставшееся место для своего Владыки. Издалека ее с можно принять за юного мальчика-пажа, но с очень большим трудом. Слишком совершенны линии тела, слишком ярко кармином губы и ясны голубым небом глаза. Мальчики такими красивыми не бывают. Или это уже не мальчики.

Сам Леонардо сидит ровно по середине софы, наклонившись вперед, опершись локтями на колени и сложив пальцы в «замок». Тишину дома усугубляет многовесовыми слоями тяжелый запах. Запах застарелой крови, разлагающихся нечистот, гниения. Пока еле заметный, он все больше и больше ощущает себя хозяином, уверенно поднимается из подвала по ступеням лестницы плотными слоями. Он проникает в комнаты и залы, пока робко трогает плотно закрытые окна и двери в поисках щелей, щелинок, щелочек. Настойчиво и назойливо обнаглевшей скотиной касается он ноздрей Ситх'ари, Зверей, Слуги. И подпитывается, все больше и больше набирается сил и веса из извергнутого его лона — из подвала дома. Там, в темноте погасших светильников на полу лужи засыхающей крови, что-то слизистое, рванное мясное. Сахаром белеют обломки костей из красноты неприятных на вид куч. Что-то мерзкое, бугристое, смотрит остекленелыми «яблоками» глаз. Блестят странной каменной пленкой редкие пятна неизвестной жидкости, хотят хрустеть под ногами острыми осколками безжалостно разбитые реторты и колбы. Изломанной грудой возвышается в центре разрушенный алтарь с расплюснутыми ударами кувалды, вырезанными на нем рунами. Смятыми, ранее глубоко прочерченными линиями меридианов. Все это потом уберут люди Кребса. Блюя, сквернословя, с трудом сдерживая тошноту, непрестанно осеняя себя знаком Круга. Сожгут, переплавят, заруют.

Предыдущую ночь Леонардо «работал» небрежно, торопился, расходуя «материал» варварски, отбраковывая неудачное творение без сожалений, благо «мяса» накопилось предостаточно. Так ему казалось. А когда «материала» до необходимого количества вдруг стало не хватать, Бруно и Себастьян приволокли в подвал всю охрану особняка. Затем служанок и повара, пару мальчишек-посыльных. Закончили древним садовником, казалось ни на что не годившемся, но он пришел в воняющий кровью и дерьмом подвал сам, сам лег на алтарный стол. Добровольное пожертвование неумолимо востребовало награды, и он ее получил — чаши весов Равновесия не стоит раскачивать по пустякам. Неплохой вышел младший Зверь, он стал страшим над младшими.

Но до «правильного» числа, до двадцати одного, численность «мяса» не дотянуло, но семнадцать тоже хорошее число, в нем есть и единица и «волшебная» семерка. И количество вышедших из-под его рук не простых зверей так же устраивало — тринадцать, эльдарова дюжина. Очень непростых зверей, лучших из худшего «мяса». Некий, даже его самого отвергающий в некоторое недоумение — как удалось, как смог? — эксклюзив.

Леонардо превзошел сам себя, под конец сплавляя воедино пары тел. Женское и мужское. Силу самца и выносливость самки, взрывную хищность мужчины и бессердечие, жестокость женщины. Он творил, не лепя безобразную четырехрукою и двухголовую пародию на индусских богов, а сливая в целое невероятно разное, сминая сопротивление плоти давлением Силы. Он никогда бы не подумал, что способен на такое и ему это позволят строгие условия ритуала, уравнивающие потоки бушующей в неистовстве Силы, но получилось. У него получилось. Преодолена еще одна ступень. Сделан еще шаг к становлению великим киссай, великим магом и темным алхимиком.

Да, пока не очень умные, но великолепные во всем физическом, в плотском. Совсем не много дотягивающие до уровня Бруно или Себастьяна. И потенциальные в своем развитии, правда с изъяном. Они получились бесплодными и выхолощенными. И сведущие с ума вскрывшего их патологоанатома своим упорядоченным хаосом внутренних органов. Два сердца, двойной мышечный каркас, каналы семенников, туго переплетенные с маткой. Упорядоченный хаос, если такое возможно.

Литые фигурами, бугрящиеся валунами мышц, с покатыми черепами, с плотными тяжелыми костями и массивными ногами-колоннами. Легконогие бегуны и скоростные пловцы из них были отвратительные, а вот марафонцы непревзойденные.

И что? Важен и значим только потребный от зверей функционал, а он Леонардо удовлетворял. Заставлять плыть как глассер и куда-то бежать со скоростью ветра своих зверей он не планировал. И да, только с виду они самцы и самки низших. Леонардо не ломал и не правил своей волей свободное течение силы в трансформируемых телах. Если внутренняя сущность зверя желала выглядеть внешне мужчиной или женщиной, на самом деле вытворившись в нечто противоестественное и аномально странное, то и Сила с ней. Ему же их не на племя разводить и демонстрировать на выставках? А дуальность естества зверя, это нечто посильнее «Фауста» Гете — какой-то Фауст, какой-то Гете, кто или что это? — привычно забыть и отложить на дальнюю полку памяти. Гораздо важнее то, что его звери уже покинули дом и город, еще ранним утром пересекли городскую стену и растворились в лесу, выполняя волю своего Повелителя.

В лесу растворилось пятнадцать зверей. Двое зверей — один самец и одна самка, исполняли другую его волю — сопровождали Сюззи и ее мать, Паккету, в городок Дижон. Не такой буйно цветущий и яркий летом как Нуэлл, но тоже со своими достоинствами — уютный, так же стоит на реке, в меру большой, чтобы новые жители не привлекли нездорового любопытства старожилов, в меру малый, чтобы в нем не потеряться в растерянности. Документы для бывшей семьи арбалетчика были настоящими, не изготовленными клейменным фармазоном-фальшивомонтчиком, а заверенные бургомистром и выборным Главой Совета ратманов города Нуэлл. И для чего-то на них красовалась малая печать Наместника императора без его подтверждающей подписи. Никакого важного значения это не имело, но смотрелось внушительно и серьезно — печать переливалась на свету толченной стеклянной крошкой и лоснилась серебристой пудрой, подмешанной в фиолетовую краску. У Леонардо тоже было целых четыре комплекта

документов. На него, на Слугу и на его Зверей.

Все зарегистрированные, индексированные, вписанные в реестры. И на них тоже была печать Наместника, но большая и уже с его подписью — благородному сословию неместно подтверждать свою личность только лишь подписями бургомистра, выборного Главы Совета ратманов и малой печатью.

И полновесные флорины были упакованы столбиками в вощённую бумагу, уложены в специальные пеналы, плотно набиты в поясные кошель. Остатки эликсиров, декоктов и ингредиентов перелиты в малые флаконы, разложены по деревянным коробам, спрятаны в дорожных сумках-баулах. На Розовых воротах сегодня дежурили обязанные чем-либо старшине Ночной гильдии Кребсу городские стражники, кавалькада барона Пампо, ленивой змеей уже выползала из ворот ограды его особняка, и они вскоре присоединятся к ней на углу улицы Тюльпанов и Зеленого крыжовника как временные спутники барона. Впрочем, того, что его опознают, Леонардо не опасался — постоянно поддерживаемая Вуаль теней надежно скрывала его... Гм-м, выдающийся облик. Да и мэйнд-трик никто не отменял. В общем, «Это не те дроиды, что вы ищете».

Если все заитоговать и обсуммировать, то все и вся было подготовлено, предусмотрено, продумано. Эта страница с рваными, замаранными и обрывистыми строками, кроваво-чернильными пятнами и не поставленными точками, зато переполненная знаками восклицания и двоеточия, ждала только перечёркивания и перелистывания. Рубикон перейден, жребий брошен, что тут думать — прыгать надо!

— Ну все! Посидели на дорожку и хватит!

Леонардо одним текучим движением встал, накинул на голову капюшон гардкорпа, монашеской туники, поправил нагрудную цепь баронета из плохого, нечистого серебра с разжиревшим вепрем на подвеске. Не совсем уместное одеяние для мирянина, но у благородных многое не как у людей. Да и санаторской «звездный» шелк туники, прошитый толстой золотой нитью вдоль швов рукавов и по дуге воротника как бы намекал — это каприз и причуда владетельного господина.

— По коням, господа домуазо! Прекрасные дамы — вперед!

Барон Пампо был обаятелен, смешлив, огромен пузом, мясист натренированными мышцами и издевательски медлителен. Он медлил везде и всюду, останавливаясь по любому поводу. Встревал в разговоры, перепалки, разборки буквально со всеми, не делая различие между благородными сэрами, владетельными господами, горожанами и говорящим скотом — пейзажами. Но с ними задержаться надолго у него не получалось — землееды бухались на колени, опускали голову и на все вопросы барона о прогнозах на урожай, их житье-бытье и их господине — милостив ли, гостеприимен ли, лишь нечленораздельно мычали или непочтительно немели. Барон махал на них рукой, оглядывался по сторонам, и не найдя новую жертву, возвращал своего коня к жеребцу Леонардо и легко продолжал прерванную беседу — с любого места, на любую тему пришедшею ему внезапно в голову. Одновременно он постоянно одергивал своего злобящегося коня, пытавшегося затеять драку с жеребцом Леонардо. Конь же Леонардо надменно игнорировал задиристое ничтожество — все понимают кого именно он везет и злая зависть жеребца барона естественна.

Леонардо барон Пампо забавлял и откровенно веселил. Открытый и откровенный, довольно неглупый низший с чувством юмора, не чуравшийся емкого и соленого словца, это великолепный собеседник и отличный способ скрасить скуку долгой дороги.

— А вот револьверы у вас, Дарт Серенус... Все же имя вам папаша подобрал, простс

упаси меня Господь! И святой Круг тоже! Бесконечно, ха-ха-ха!

Леонардо вновь услышал в своих мыслях переливчатый смех Зари, что скромно ехала чуть позади и справа от него. Да уж пошутил, так пошутил. Сам над собой. Что дернуло его за язык велеть вписать Кребсу именно это имя в его документы, Леонардо не понимал до сих пор. Не иначе шутка Великой Силы! Барон покрутил ус, погымкал и продолжил:

— Так вот, эти самые, револьверы ваши, они какого мастера работы?

— Гранд-мастера Грольта, уважаемый барон.

— А, этого нелюдимого немца! Знаю такого. Хороший мастер, руки золотые и голова варит на всякое добро стреляющее, но берет дорого! Сколько вы заплатили, баронет, за ваши игрушки?

— Почти золотом по весу, барон.

— Ага, гм-м, да. Хм-м... Дорого, эльдар меня подери! Очень дорого!

— Они стоят того, барон. Уверяю вас.

— И все равно они не ровня моей винтовали от маэстро Микеле Лорненцони! Какой калибр, а? Какая мощь! И десять выстрелов в минуту! Ровно десять! А бывает и больше!

Леонардо покосился на чехол винтовали у седла барона.

— Это та самая винтоваль, для перезарядки которой ствол надо резко наклонять вниз, а потом вращать барабан туда-сюда? Хорошая вещь, но требует в изготовлении немало мастерства и тщательной подгонки деталей. И несколько... Небезопасна. Тоже платили золотом по весу, барон?

— Ну... Почти. Если пересчитать, то ровно за половину веса заплатил. Но оно того стоит. Уверяю вас!

И барон оглушающе рассмеялся. Когда он отсмеялся, то чуть понизив свой сочный звуком голос, что, наверное, должно было обозначать вкрадчивость, он поинтересовался:

— А ваша спутница, барон, прекрасная и восхитительная, леди Заря, интересуется стреляющими и грохочущими игрушками?

— О нет, милый барон! — уловив мысленное разрешение Леонардо на любой ответ барону, пропела Заря — Моя страсть — яркий блеск и ослепительное сверкание!

— Драгоценностей, полагаю, моя несравненная леди?

— Ну что вы, барон! Это так банально! Меня радует блеск и сверкание данатаской стали. Что по сравнению с ней какие-то изумруды, рубины, бриллианты и пошлые жемчуга?

— Кха-дкху-рга... — закашлялся от неожиданного ответа барон, но с честью вышел из создавшегося положения — Но на них можно купить оружие из так вами любимой данатаской стали! На все эти рубины-алмазы! Даже на пошлый жемчуг, моя великолепная леди!

Не просто неглупый, а даже довольно умный низший.

Когда они расставались на развилке дороги, то ставший внезапно серьезным барон непререкаемым жестом отослал свою охрану, боднул взглядом своего вечно хмурого слугу-телохранителя, желая остаться с Леонардо один на один. Леди Зарю он проигнорировал.

— Я знаю только одного человека, это сын Раннийского герцога, что владеет парой револьверов гранд-мастера Грольта, что сделаны лично для него и прекрасно разбирается в оружии. Я слышал, с ним приключилась странная и неприятная история. Вы не слышали об этом, баронет Дарт Серенус?

Леонардо молчал не отвечая, продолжая смотреть на барона и не снимая с лица равнодушного выражения и легкой улыбки. Барон прервал молчание первым:

— Так вот, баронет Дарт Серенус, если вы... Ну знаете, так, случайно, встретите его сына герцога, то... — барон выдержал паузу глядя прямым взглядом в глаза Леонардо — То передайте ему, что он желанный гость в моем замке.

— Хорошо, я обязательно передам ему ваше приглашение, барон. Если, разумеется встречу его.

Барон молча поклонился в ответ и дернув поводья, послал своего жеребца к терпеливо ждущим его своим людям.

Леонардо недолго посмотрел ему в след, а потом мысленно махнул рукой — да и Сила с ним, с бароном! Пусть живет.

Место, где по договоренности с примархом Ангел Астратес Робаутом Жиллиманом должен из-за подстроенной поломки остановиться конвойный поезд, ему не понравилось. Слишком открытое и одновременно закрытое. Слишком вдавленное в глубь окружающим рельефом. Вон с тех пологих, заросших кустарником пригорков, можно атаковать набирая при спуске вниз скорость и вкладывая в удар всю массу и набранную инерцию. Или дать массиванный залп из пулевых винтовок и малых мортирок. Вряд ли примарх сумеет протащить через лес полноценную артиллерию, только что-то мелкое, переносимое на руках. А вон та каменная гряда, резко вздымающаяся вверх на середине, наоборот, не даст быстро и без потерь отступить. Перестреляют на подъеме как куропаток их с «крупняка», все «двухсотыми» полягут, никто не уйдет.

Леонардо долго и протяжно вздохнул, еле удержался, чтобы не взвести глаза к небу, сильно похлопал ладонью руки по костяшкам другой — ну сколько можно, великая Темная Мать? Откуда в нем возникает это? Неизвестные слова, фразы, образы? И что очень существенно, они не имеют абсолютно ничего общего с его прошлым. Но они им не отторгаются. Да, не знакомы и чужды, но родны и близки, как... Как подогнанный под себя старый удобный «бронник». Леонардо еще раз вздохнул и продолжил осмотр места для засады на конвойный поезд. В бездну! Все в бездну!

Крутой поворот дороги тоже не радовал — перекрыть его дело нескольких минут. В итоге — расширенная в середине кишка с одним входом и выходом. Откровенная ловушка, но... Но это то самое место — лоскут тряпки, обмотанный вокруг кривого ствола дерева, не позволял в этом усомниться.

Нет, с точки зрения засады и последующего нападения, место отличное и подходящее, вот только если на нападающих не нападут в свой черед другие нападающие. Тогда охотник в одно мгновение превратится в жертву. Вдвойне беспомощную, так как в один миг осознать, что уже не ты охотишься, а охотятся на тебя, практически невозможно. Для низших. Но если рассмотреть это место с учетом условий плана в плане, все идеально и превосходно. Лучшего места и не найдешь. Примарх Робаут Жиллиман поручил поиск подходящего места весьма неглупому человеку и цена за это не велика — всего три дня ожидания вестей от будущего предателя-примарха.

В том, что примарх его предаст и без раздумий нарушит их договоренность, Леонардо не сомневался. По условиям их сделки Леонардо получал Совершенного, примарх малую вероятность пленения неизвестного количества проклятых эльдар и обещание Леонардо покинуть империю. Незначимо и недостаточно для сохранения союза с опасным и непонятым существом. А вот если в качестве добычи, кроме эльдар, будет еще и он, Леонардо, то соблазн становился слишком велик, чтобы не поддаться ему. И примарх ему однозначно поддастся. Низшие все и всегда предают, это неизменно.

Они плохо просчитывают линии вероятностей, совершенно не учитывают возможные переменные и постоянно недооценивают или переоценивают противника. Выбрать золотую середину им не дано. И они всегда ослеплены своей неоправданной уверенностью в своих силах. Собрать много-много, навалиться всеми-всеми, не взирая на потери и последующий урон — материальный, людской, репутационный, что может легко перевесить все достигнутые ими успехи. Они наивно полагают, что количество всегда перевешивает качество. А потом недоуменно и неверующе смотрят на то, что они натворили и объясняют все это отсутствием им помощи от высших сил. Или же чьими-то коварными происками — врагов, чужих богов, предателей, идейных или продавшихся недругу вредителей. Своей вины они никогда не признают.

— Владыка?

— Да, Бруно?

— Ваше повеление выполнено младшими зверями, Владыка.

— Нашел их?

— Я виновен пред тобой, Владыка — я не смог их найти — Бруно низко склонил голову, олицетворяя собой вину и понимание этого — Их нашел Себастьян.

— Ты и не должен был найти их, Бруно, иначе это было бы неисполнением моей воли. А вот то, что их нашел Себастьян, это странно. Он тоже не должен был их найти. Себастьян!

Леонардо позвал своего второго зверя, не повышая голоса и не открывая глаз, сохраняя медитационную позу — зачем попусту терять время? Стремительная тень метнулась к нему со стороны гряды, замерла рядом. Перед Леонардо, но чуть-чуть сбоку. Никогда, нигде и никто — ни Зверь, ни Слуга не сможет встать напротив своего Владыки, это вложено в них еще на первых ступенях ритуала. Напротив него может встать только равный ему, его Ученик и его Враг. Не враги, врагишка и прочее с малой буквы, а только Враг.

— Я здесь, Владыка!

— Как ты нашел младших зверей, Себастьян?

— Мне указала на них Заря, Владыка.

Леонардо распахнул глаза, медленно заполняющиеся золотым расплавом, каким-то быстрым, хищным движением, как приценивающийся к добыче ящер, повернул голову в сторону девушки:

— Слуга?

Девушка мертвенно побледнела и одним махом упала на колени, с силой утыкаясь лбом в мокрую хвою. Яркое и длинное перо диковиной птицы на берете легло перед ней хвостом сказочного животного:

— Простите меня, мой Повелитель! Бруно и Себастьян были так удручены, что не могут выполнить вашу волю, Владыка, что я не смогла сдержать себя и помогла им!

— Это не ожидаемый мной ответ, Слуга! — лед голоса Леонардо хлестнул шрапнелью осколков торосов по напряженной спине девушки, заставив ее испуганно вздрогнуть всем телом и вжать лицо и ладонки еще глубже в опавшую прошлогоднюю хвою.

— Мне нужен от тебя другой ответ, Слуга!

Между кончиков пальцев Владыки мелькнули фиолетовые искорки, золото глаз любопытной пастью предвкушающее всмотрелось в Зарю.

— Я... Я обратилась к Великой Силе, Владыка. Она помогла мне. Простите меня Владыка! Любая ваша кара будет для меня наградой!

— Молодец, Слуга. Я доволен тобой — голос Леонардо стал вновь мягок и ласков —

Встань, Заря. Земля еще недостаточно прогрелась, ты можешь замёрзнуть. Себастьян, ты все закончил?

— Да, Владыка.

— Чудно — Леонардо вновь закрыл глаза.

Когда конвойный поезд состоящий из трех клеток на колесах плотно укрытых грубой тканью и трех же повозок со всем необходимым для долгого пятидневного пути, въехал в низину, солнце нехотя покидало апогей. Светило капризничало, прячась за облаками и склоняло день как неверного мужа ко второй половине суток, что родная сестра веселого и скучного, хмурого и наполненного нетерпеливым ожиданием ночи, вечно нетрезвого вечера. Неожиданно громко треснула ось одной из повозок, заглушая топот копыт, унылое бряканье железа, монотонный скрип ступиц колес и невнятные голоса переговаривающихся конвоиров. Поезд встал, встал на ноги и Леонардо.

Люди в низине сперва свились злыми осами в раздраженно жужжащий клубок, затем рассредоточились по кругу, занимая оборону вокруг клеток. Главный ос в сияющем панцире остался у сломавшегося транспорта и хмурым взглядом подгонял возниц, приподнимающих длинными слегами сломанную повозку.

— Пора! — сам себе шепнул Леонардо и вскинул обе руки ладонями вверх. Вербальные жесты признак неумения и слабости адепта Пути, но иногда это получается само по себе, естественно, как дыхание. Разложенные Себастьяном возле дороги туго скрученные суровой нитью пакетики со смесью пороха и ярко красного порошка воспарили вверх. Еле видимые, чрезвычайно короткие витые фитиля вспыхнули бенгальскими огнями, раздалось множество чуть разных по времени хлопков и на изумленно за этим наблюдающих людей пролился сухой красный дождь. Это было красиво.

— И раз, и два, и три. Падайте.

Солдаты у клеток, возницы, командир конвоя, кто-то непонятный в кирасе поверх сутаны, пятерка отцов-инквизиторов и пара монахов-четников, восседающих на мулах, медленно осыпались, повалились на землю. Глухо, мешком, или грохоча сталью доспеха, люди падали со скакунов на землю. Животные громко всхрапывали, тонко и испуганно ржали, дробно переступали копытами, выкатив глаза изгибали шеи и шумно обнюхивали своих неподвижных хозяев. Впрочем, трое из конвойных все еще слабо ворочались на земле, очумело трясая головой и постоянно опадали на спины в тщетных попытках подняться. Неуверенно опирались на постоянно подводящие их подламывающиеся и разъезжающиеся в стороны руки.

— Бруно, Себастьян. Свяжите всех. Рты заткнуть.

Звери за его спиной обратились в стремительные тени, гигантскими шагами мчащиеся к одурманенным людям.

— Идем, Заря. Нас там с нетерпением ждут.

Леонардо сорвал грубую ткань с повозки в середине. Материал выстрелил в пространство звуком переламываемого сухого дерева, заставив испуганно заржать пару скакунов, сполз рваными лохмотьями с прутьев клетки. Он не искал, он знал где тот, кто ему нужен.

— Здравствуй, Совершенный. Вот и мы встретились. Прости, что заставил тебя ждать. Знаешь, разные там случайности и нелепые препятствия. Но вот мы и вместе — ты и я. Ты рад? Или ты не рад? Кстати, ты играешь в шахматы или в тритрак?

Леонардо говорил и говорил всякую ерунду и пустую чушь, внимательно вглядываясь в

глаза Совершенного. И наконец увидел, то, что искал.

— Ты ждал меня, Совершенный? И твои хозяева ждали меня?

— Мы ждали тебя, Чужой.

Леонардо не торопясь развернулся к ответившему ему вместо Совершенного. Нарочито тяня движение, приложил к подбородку подушечку указательного пальца, плавно повел головой к левому плечу, к правому. Почему-то захотелось сложить пальцы рук в неведомую ему «рамку» и поднять их на уровень глаз.

— Ваш облик всегда столь невнятен или это что-то приобретенное, неконтролируемая мутация, нарушение генокода?

Стоящее перед ним существо было мужчиной? Женщиной? Ребенком? Стариком? Оно было никаким. Да, грациозным в движениях, высоким, с утонченными плывущими чертами и абсолютно черными глазами, но... Но существо было пустым, пыльным, пресным и скучным.

— Наш облик не менялся в течении тысячелетий, в отличие от вас, мон-кев.

— Бесконечная стагнация — путь к вымиранию, эльдар. Кстати, у тебя есть имя?

— Я аутарх Слау Ра, член кабала Нефритового ножа!

— Очень рад за тебя, аутарх Слау Ра. Член кабала — это твой ранг? Или титул? Что это?

— Ты тянешь время, Чужой. Ты так хочешь продлить мгновенья своей жалкой жизни? Ты так слаб духом?

За спиной эльдара беззвучно и неощутимо, тенями возникли Бруно с Себастьяном. Бруно наложил на горло эльдара клинок, Себастьян занес над его головой клевец. Заря была где-то рядом и далеко, как ядовитая змея в полной темноте. Леонардо вначале недоуменно вскинул бровь, а затем громко и заразительно рассмеялся. Он смеялся долго, с удовольствием, часто вытирая слезы в уголках глаз и вдруг в один момент перестал. Полыхнули золотом зарниц его глаза, он как-то весь стал выше, больше, всеподавляюще. Правая рука Леонардо невидимой хваткой вцепилась в горло эльдара, резко вздергивая его вверх:

— Та квонджу иту, гроттху! Ты оскорбил меня, раб! Хочешь что-то сказать своему сыну перед тем, как я раздавлю тебя?

Извивающийся в воздухе эльдар хрипел, рвал себе горло в кровь прозрачными когтями, бешено и бессильно вращал наполненными темнотой глазами. Через некоторое время он дрогнул, движения его ослабли и сквозь хрип просочилось выпускаемым из камеры воздухом:

— Дшшш-ааа...

Леонардо всплеснул пальцами, небрежно роняя эльдара на землю, как стряхивают мусор с рук:

— Все вы ничто пред Великой Силой — ты тварь, низшие, высшие. Только тот, кто идет по пути овладения ей велик и велико его милосердие. Живи пока, раб. И да, ты что-то хотел сказать своему сыну, эльдар. Говори, я позволяю.

Леонардо сделал пару коротких шагов вперед, не обращая внимания на возившегося на земле эльдара, осторожно трогаящего свое горло прозрачными когтями. Трое младших зверей из пятнадцати скрывающихся в лесу, небрежно бросали вдоль дороги связанные, с ломанными линиями фигур, тела. Трое эльдар, четверо Совершенных, пятеро, наверное, их прислужников. Взяли как детей. Вросли бесшумной травой за спиной, оглушили, сломали пальцы, заткнули рты и обмотали глаза тканью. Где ваша магия, где ваша сила? Низшие,

низшие. Беспомощные и жалкие. А Примарх Робавт Жиллиман будет невероятно счастлив. Возможно, Леонардо обернулся к так и не встающему с земли эльдару:

— Всего четверо? Четверо вас и четверо Совершенных? Вы вымираете, аутарх Слау Ра, член кабала Нефритового ножа.

Леонардо не спрашивал, он утверждал. Тем не менее эльдар ему ответил:

— Да, мы вымираем, Чужак. Варп проклял нас бесплодием. И... И бессилием. Я безгранично сожалею, что тебя не встретили наши воины-призраки с телами из прозрачной кости и могучие воители аспектных храмов. Ты познал бы их бесконечную мощь и был бы ими повержен. Радуйся этому, наслаждайся победой над жалкими остатками великого народа!

Аутарх Слау Ра, член кабал Нефритового ножа с пожирающей его самого бессильной ненавистью смотрел на Леонардо.

— Варп? Что это такое, эльдар? — все остальное Леонардо пропустил мимо своего внимания. Воины-призраки, какие-то прозрачные кости, аспектные храмы.

Где это? Где-то там, не здесь? Так зачем же тогда сотрясать воздух бесплодными угрозами?

Глаза эльдара стали еще больше, хотя куда уже?

— Тебе неизвестно, что такое Варп, Чужак? Как такое может быть? Как ты тогда явился в этот мир?

— Неизвестно. Может. Именно явился.

— Тогда... Тогда у меня есть то, чем выкупить наши жизни и жизнь моего сына, чужак!

— Ты и так хотел мне это рассказать. Не как выкуп. А как плату за то, что я больше не встану у вас на пути и не буду «выпивать» ваших Совершенных. Говори или начать мне?

Выстрел наугад, внаскидку, но не стреляют в пустоту. Стреляют на звук, на шорох, стреляют по наитию. Эльдар долго молчал, смотря на Леонардо черными нечитаемыми глазами, затем медленно заговорил:

— Тебе нужно идти на другую сторону океана. Там ты найдешь то, что ты ищешь.

— И что же я ищу, аутарх Слау Ра?

— Как все сильные, еще больше силы. Как все могущественные, еще больше могущества. Как все знающие, еще больше знания.

— Почему же вы сами не идете за океан, не обретете ту силу, могущество и знания? Почему вы здесь, а не там? Зачем вы ведете осознанно проигрышную войну с людьми? Почему ты уверен, в то, что я поверю тебе? И куда-то пойду?

— Потому, ман-ке, что ты чем-то похож на нас в рассвете нашей славы — голос эльдара постепенно переставал хрипеть, становился все более различимым и сильным.

— Ты также используешь ментал, как наши колдуны. Ты различаешь правду и ложь, как наши ясновидцы. Но ты Чужой и этим сильнее нас, а мы уже окончательно слабы. На тебе нет меток демонов варпа и принцев Хаоса, ты чист, но непрозрачен. Наша иссушенная этим миром ментальная магия обтекает тебя, бьется об тебя как волна об скалу, избегает тебя. Я уже долгое время пытаюсь воздействовать на тебя... Но... Но ты не просто чужой, а совершенно чуждый. Не только нам, но и этому миру. Миру не ограниченному этой планеткой. И тварная магия низших против тебя безуспешна — убитый тобой наш брат передал нам перед гибелью свои мыслеобразы. А насчет людей и войны с ними...

Эльдар растянул губы в чем-то, что должно обозначать усмешку или ухмылку:

— Более тысячи лет назад боевая баржа легиона космодесанта с ротой Дочерей Битвы

на борту столкнулась с нашим миром-кораблем Биель-Тан у этой планеты. Мы проиграли, мы были ослаблены после схватки с тиранидами, мы упали на эту планету. Но и люди не смогли покинуть этот мир. То, что началось между звезд, продолжилось на земле. И будет продолжаться пока жив хоть один эльдар. Мы не отступаем, мы не прощаем, мы не забываем.

— Как много «не». Как мало «да».

Леонардо повел пальцами по лицу, будто что-то стирая, отбрасывая и одновременно принимая. Взглянул на солнце, щелкнул, открывая, крышкой часов — время истекало, время торопило.

— Я понимаю ваше виденье Пути и своего места в этом мире, аурах. Это ваш Путь и ваш выбор. Я согласен взять плату за ваши жизни знанием. Где то место силы?

— За океаном. На другом материке. В горном разломе.

— Конкретнее.

— Ты найдешь, ты почувствуешь — эльдар вновь изобразил подобие кривой усмешки — Оно позовет тебя. Ты услышишь. Ты не сможешь не услышать. Когда ты...

Но Леонардо уже не слышал и не слушал его. Нити струн Силы вздрогнули, загудели тревожно, предостерегая и предупреждая. А вот и его высокопревосходительство примарх Адептус Астартес Робаут Жиллиман. Реальность мира дрогнула, небо стремительно потемнело, вначале слабые, но постепенно набирающий силу ветер попытался сбросить капюшон с головы Леонардо. Ощутимо похолодало. Примарх явился в силах тяжких.

Леонардо отошел от клетки с Совершенным, от лежащего эльдара на открытое место, посмотрел в сторону зарослей кустов, гряды, леса:

— Ты пожертвуешь этими людьми, примарх? — его голос, усиленный Силой, обрушил гром раскатов на лес, на заросли кустарников, на отблеск металла доспехов, обнаженного оружия, зачерненную серость стволов пулевых винтовалей, сытый глянец стали стволов мортирок — Ты пожертвуешь, своей честью, примарх? Нарушишь договор и станешь предателем? Это твой окончательный выбор, примарх Робаут Жиллиман?

— Мы, люди, не заключаем договора с тварями противными Господу. А обман врага не является предательством! Положи оружие на землю и встань на колени, именующий себя Леонардо! И Адептус Астартес пощадит тебя!

Голос примарха также усиленный магией низших прокатился по низине низким, заставляющим зануть зубы, долгим гулом. Он поднимал лошадей на дыбы, принуждая рвать поводья, испуганно ржать и полузадушено хрипеть. Связанные и уже очнувшиеся люди возле повозок и на дороге, болезненно морщились, скручивались телами, пытаясь прижать, прикрыть плечами нежные барабанные перепонки.

— Да-да, это просто военная хитрость... Что ж, это было вновь ожидаемо — негромко пробормотал Леонардо, пытаясь выявить, найти колдунов низших. Все эти огненные шары, ледяные иглы, огненные штормы, все это незначительно и не очень опасно. Но вот разверзшаяся под ногами земля, скала падающая на голову или несущийся на тебя вал огня заставляет принять меры предосторожности. Есть, нашел! В лесу, локально, сжато, что-то закручивалось в тугий жгут стихий и постепенно набирало мощь.

— Бруно, Себастьян, Заря! На два часа, триста метров! Убить всех! — он поймал взглядом замершие в движение тела, непонимающие взгляды и проворчал — Чуть правее от меня, триста шагов. Бе-гом!

И махнул рукой указывая направление, одновременно воздвигая Щит Силы. От

поворота до въезда в низину, от земли и до неба. И тут же в щит грохнули маленькими снарядами, тугими снопами картечи, взрывающимися гренадками мортирки. Вонзились огромными злобными шершнями тяжелые пули винтовалей. Что клубастое, иглистое, со шлейфом как у кометы бухнулось в щит, заставляя его на мгновение дрогнуть и побежать сине-белыми разводами. Следом за кометой в щит вплавилось около десятков раскаленных метеоров, прилипших к щиту и принявших его медленно прожигать. Снизу, от земли, всплыли прозрачные клубы зеленого едкого тумана. Пленка щита начала истончаться, терять плотность. Низшие сумели удивить.

Леонардо пожал плечами и поставил второй щит — нет необходимости экономить силу, вон сколько, благодаря стараниям примарха, у него появилось «батареек». Правда слабеньких, «мизинчиковых», но много. Леонардо оглянулся на Совершенного в клетке — от него просто несло запахом Силы. Чистой, вкусной, обильной.

— Скоро, скоро, моя прелесть... Вот сейчас мои зверята съедят плохих низших, и ты станешь моей!

И его слова оказались пророческими. Вначале редкие, а затем сливающиеся в один бесконечный вопль ужаса, крики вырезаемых людей слились в один безмерно громкий кошмарный рев. Так одуревший от крови хорек, ворвавшийся в курятник, режет бессильно мечущихся в панике птиц. Ловушка на охотника захлопнулась и принялась медленно и неумолимо перемалывать его кости, рвать в клочья мясо, выдирать кишки, перерезать горло беспощадными, неостановимыми, бритвенно острыми клыками его младших зверей.

В глубине леса оглушительно грохнуло и медленно, словно нехотя над вершинами деревьев взлетела... Ракета? Или спеченный в конус пласт земли, вздымающийся в высоту неба на широком столбе ослепительно яркого пламени. Вспыхнуло звездой, дрогнуло под ногами, обжигающая волна покатила из эпицентра огненным валом, заставляя деревья вспыхивать как спички. Даже тут, у повозок, стало невыносимо горячо, земля высыхала, рисуя на себе горячим воздухом сеточку мелких морщин. Леонардо ощутил тень волнения за Первых Зверей и особенно за Слугу и тут же отбросил неправильное чувство — если они не справятся, если они не выживут и не принесут ему голову примарха, то такие звери и такой Слуга ему не нужны. Это позор для Владыки, иметь столь слабую свиту.

Леонардо широко раскинул руки и принялся их медленно сводить. Тяжело, напрягая мышцы в разрывающем связки и гнущем суставы усилии. Щедро расходуя Силу и что-то свое, самое себя.

На висках выступила испарина, зубы вдавились друг в друга, заставляя истираться в порошок эмаль. Что-то внутри Леонардо не переносило, не терпело, ненавидело такой огонь. Это всепожирающее и неконтролируемое пламя. Таких бешенных зверей пристреливают, дабы не разносили далее чудовищную своей бессмысленностью гибель всего и всех. Эта слепая стихия должна быть покорна и управляема. Монстр должен сидеть в клетке, на привязи и в строгом ошейнике.

Ахнуло, словно рухнула скала. Толкнуло в тело горячим воздухом и пламя опало вниз. Побежало, спотыкаясь, редкими длинными, стремительно выстреливающими вверх и по земле, языками варанов. Убегая от своей гибели, затихания и никак не успевая.

Леонардо ощутил приближение своих Зверей и Слуги. Закопченные, где-то даже обугленные. С обгоревшими лицами и полностью без волос, бровей и ресниц, тем не менее они шли твердо, ступали мягко, смотрели на него с трепетным ожиданием похвалы. Трепетно смотрела Заря, ожидающе Бруно и восторженно Себастьян. Бруно нес что-то не

плече. Дымное, большое, переломленное в середине. Вслед за ними шли младшие звери. Такие же обгорелые, практически голые, покрытые спекшейся коркой крови. Три... Всего пятеро. Но старик-садовник, ныне старший над младшими выжил. Хуже, чем он надеялся, но лучше, чем ожидал. Леонардо щедро плеснул Силой, омывая ее потоками своих зверей. Всех, младших, старших, Первых. И особенно Слугу — ему очень не нравился ее внешний вид, ведь он обещал ей, что она будет прекрасна. Он щедро лил Силу, исцеляя, залечивая, стирая ожоги. Рубцую тонкими ниточками шрамов развалы рубленных и резаных ран. «Штопая» огромные дыры с почерневшими опаленными краями на груди, животах, бедрах, плечах. Пулевые винтовали наносили страшные раны своими «бочонками» свинцовых пуль. «Если бы низших было в два раза больше, то из младших никто бы не вышел из леса. Да и со старшими под вопросом...» мелькнула сполохом плохая мысль.

— Владыка!

Кто-то зовет его?

— Владыка! Что с вами!? Вы, вы... Вы...

— А что со мной, Заря? — недоуменно спросил Леонардо. Небо и земля менялись местами в завораживающем калейдоскопе, тучи ложились под ноги, парящие в высоте комья земли, стволы деревьев медленно уплывали резвящимися китами в закат. Мир обнимал его, принимая в свои уютные объятия, заботливо укутывая теплыми пледами тишины и пустоты, подставляя под вдруг ослабшие ноги скамеечку сна.

— Владыка! Вы... Вы истончаетесь! Владыкы-ка!

Оглушающий, неприятно будящий от сладостной неги, наполненный неопикуемой тревогой и страхом, голос Зари вырвал Леонардо из сна-кошмара, выдернул как рыбак рыбу, рвя острыми жалами крючка его тело. Боль. Боль — это хорошо, боль отрезвляет, не дает заснуть. Леонардо почувствовал, как руки зверей, надежные и сильные, как якорь в дурном тумане грез, подхватывают его.

«Контроль, он потерял контроль! Он слишком много отдал и продолжает отдавать. Он слился... Он сливается с Силой!».

— К... Кх-хы... К клетке... Где... Совер... — сил завершить произносить слово уже не было, но его поняли. Он чувствовал, как его несут, придерживают, накладывают его пальцы на виски Совершенного, что лежит недвижим под непреодолимыми прессами рук его зверей. Он чувствовал, как Сила такая восхитительная на вкус, пьянящая, дарующая силы. бурным потоком вливается в него, возвращая его в реальный мир. Он начинал ощущать себя прежним.

— Ты взял плату и обманул. Ты убил моего сына.

Леонардо распрямился, откинулся всем телом от высушенной до невесомости мумии Совершенного — когда только его звери успели разнести на части клетку? — обернулся к жалкой твари так и лежащей на земле, как там ее? А, аутарх Слау Ра, кабал чего-то там.

— Я не обещал сохранить жизнь твоему сыну. Только ваши жизни, жизни эльдар. Да и не сын он тебе, так, приемыш.

— Ты взял плату и обманул.

— Повторяешься, эльдар.

— Ты умрешь.

— И вновь ты... — начал говорить Леонардо, но не договорил. Тело бессильной твари вспухло, надулось неровным пузырем и всплеснулось в его сторону чем-то...

Леонардо не разглядел, не понял, чем — его опутала тьма.

Глава десятая.

О том, что автору надоели неуклюжие эпитафии пред главами и он, быстро решив, долго подумав, не будет более и далее, долго и нудно повествовать, рассказывать о том, что в этой главе... Все-таки занудил и как всегда, обманул.

«Какое небо голубое...» Нет, это не небо, это потолок разрисованный под небо. С кучерявыми облаками и дурацкими порхающими между ними бабочками. И птичками? Вот это вот, очень страшное! С дикими спичками-ножками, головами как шар и черточкой клюва, это точно птички? Ах ты, не распознал! Это — ангелы! А черточка, это труба, в которую они трубят. Руки бы оторвать этому художнику-маляру, поклоннику психоделики. Не таки какие-то у него ангелы. Неправильные. И все здесь какое-то не такое, и сам он какой-то не такой. Не с похмелья, не с болезни, а нечто невнятно. Вот словно он был в чужом доме, носил чужую одежду, ел чужую еду, спал с чужой женой, но вдруг все это стало его. Внезапно, окончательно и навсегда. Изменений не предусмотрено. Известно четко, ясно, без облачности, как будто ранее договор внимательно читал, а сейчас подписал. Все стало личным и близким, но пугающим при пробуждении утром, свой внезапной неузнаваемостью.

Он поднял руки к глазам, повертел перед ними ладонями — тыльная сторона, наружная, тыльная, наружная. Четкие линии жизни, гладкая кожа, костяшки не сбиты, нет специфической намозоленности, но есть странные мозоли, такие появляются, когда долго режешь или что-то точишь ножом. И все пальцы на месте. И левый мизинец и оба указательных. Нет, это не его руки.

— Владыка! Вы очнулись!

Кто Владыка? Он владыка? Когда он успел дослужиться до митрополитского сана? И кто радуется его пробуждению? Голос-то какой приятный, звонкий, чистый, вот бы и внешность такая же... Ничего такого, так, полюбоваться, в его то годах...

Он осторожно повернул голову и встретился со взглядом невероятно лучистых, бездонно голубых глаз. Четкий овал, сияющая кожа, точенный носик, пышные ресницы, губки... Красивая, невероятно красивая! А глазища-то! Утонуть можно.

— Где я?

— Вы на постоялом дворе, Владыка! Этот двор, он рядом с городом Дижон. Вы велели нам идти к нему, Владыка! К Дижону! Я так счастлива, что вы очнулись, Владыка! Мой Повелитель!

— Не нужно так волноваться. Ты теряешь контроль — вот это как так? Произнес легко и с ощущением полного права делать замечания и одергивать. Смело, че! Гастелло, млин!

— Простите, вашего Слугу Владыка! — Невероятно красивая девушка упала на колени, подхватила его ладони, осыпая жаркими поцелуями, обжигая горячими каплями слез счастья. Он лежал, не отнимая рук, думал, думал, пытался понять — что, что, мать его, происходит?! Что?! Впрочем, он разберется, не в первый раз очухиваться вот так, непонятно где и с кем. Только тогда рядом с ним не было такой красивой девушки, радостно целующей ему руки. Тогда ему руки не целовали, там наоборот... Гм-м. И вот первый вопрос. Он и ответ получит и подстрахуется от неожиданностей. Возможно.

— Сколько я был без сознания? — спросил и тут же поправился, видя сияющие

счастьем, очень пытающиеся, но не могущие понять его слова бездонные глаза — Сколько я молчал и не двигался?

— Полных пять дней и пять ночей, Владыка!

Ого, целых пять суток! Немалый срок. А силы есть, не чувствует он себя ослабленным. Он вообще чувствует себя молодым, полным сил и энергии. Молодым!

Он вырвал, отнял руки от губ девушки, еще раз внимательно их осмотрел. Судя по эпителию и цвету кожи на тыльной стороне ладоней, владельцу этих рук лет двадцать — двадцать пять, не больше. Ухоженные, правда с немного выросшими ногтями, сильные, с тонкими красивыми пальцами. С остатками качественного маникюра. Маникюра?! Что-то внутри него заворочалось, начало всплывать разбуженной тушей чего-то огромного и злобного, глаза привычно обтепело до век, поддвигая все поле зрения золотисто-красной дымкой. Маникюрр-рр... Сука! Сука! Сука! Маникюр! Разорр-вать!

— Не гневайтесь, Владыка, прошу вас! Я не понимаю... Простите, Повелитель! Я не могу понять вашей воли!

Он удивленно поглядел на нее сквозь золотисто-красную дымку- она не может понять? Ха! Пыль и прах! Гораздо важнее то, что он сам ничего не может понять! Хм, а совсем ведь не мешает видеть этот туман, дымка, пелена? Даже как-то все четче, резче, ярче. Вон на кожаной одежде двух подозрительно молчаливых мордovorотов за спиной девушке даже мелкие царапины видны. И острое железо на них. Такими ножиками колбаску не режут. Стоят, бесы, «фаса» ждут. У, демоны!

— Я не гневаюсь, девушка — погневаешься тут, вон какие амбалы против аргументируют и вдохновляют на правильность в ответах. Этих терминаторов мясных, двумя ломанами не перешибешь. Таких только гранатой глушить. Связкой противотанковой. Или сразу ящиком — экономии тут не место! И пару мин сверху, для гарантии. Психи.

А кто еще? Смотрят на него влюбленными глазами, как глядят влажно верные псы, увидавшие хозяина после долгой разлуки. Вот только хвостами не виляют, но чрезвычайно желали бы. Прямо горят взорами возжелания! Ух, как его в высокий штиль несет! Пафос градуирует до бесконечности, скромная вычурность на подходе. Тут думать надо куда он вообще попал, где он и с кем он, а не речь свою чеканить высокими шаблонами. Он вздохнул, с осознанной обреченностью — сам себя отвлекает, самобманывает пустыми размышлениями. Да, выбор есть и его нет. Только один приемлем. Спрашивать начистоту. Разговор вести только напрямую, только открыто, ставя этим все на кон. Такой себе Каггат, ритуальный поединок с самим с собой. С Темной стороной себя. Играющего страстями, жаждущего протравить желчью дорожки недоверия на плате недоверия на плате подозрительности. Еще раз покосился на замершую в ожидании девушку, все так же стоящую на коленях возле него. Ну, что? «Джеронимо!».

— Встань с колен. Сядь... Ну вон в то кресло сядь. Расскажи мне все. Все с того момента, когда я — какое же слово подобрать? — потерял себя?

— Вы упали, Владыка, после того, как что-то схожее с хрустальной сетью ударило вас в спину. Вылетело оно из тела эльдара. Затем над вами вилось такое серое, как... Как вечерняя хмарь. Она обжигала, не давала коснуться вас. Долго, в полную половину часа. И мы не могли это ни развеять, ни пройти. Бруно и Себастьян сожгли себе всю кожу на теле, пытаясь к вам пройти и вас унести, Владыка. Они не успели. Серое марево втянулось в вас, и вы тут же открыли глаза. Долго молчали и произнесли только одно веление нам — идти в Дижон. Затем вы замолчали и закрыли глаза, Владыка. На целых пять дней, Владыка! Я... Мы... не

оставляйте нас больше, Владыка!

— Я... — он подумал, а имеет ли право? Решил — имеет, внутренне ощущая, что не только имеет, а вообще ее, девушку и этих двух амбалов и еще кого-то, напоминающих маленьких медвежат, имеет. В смысле, не имеет, а в праве своем поиметь... То есть в Праве своем и Силой своей... Он вновь запутался в громких словах и резко оборвал затяжной дрифт своих мыслей. Уверенно и не допуская сомнений в голос продолжил словами свое решение:

— Я вас не оставляю — в голове хлопнушкой разбросал хмурое веселье грустно-смешной словесный гэг: «Я вас не брошу. Папа пить не бросил и вас не бросит!».

Губы сами собой открылись, выбросили вырубленные монеты слов велением-приказом:

— Себастьян, вина.

О, как! Не задумываясь и не сомневаясь, что этот молодой человек с фигурой сушеного бодибилдера — одни мышцы и жилы под кожей юноши с глазами ребенка, выполнит его приказ. Любой приказ.

— Фринийского, Владыка? Здесь только виноградное, яблочный сидр и пиво. Мне найти для вас фринийское, Владыка?

— Нет. Сидр подойдет.

Крайне неглуп, уважительно тактичен, смело инициативен и вариативен в выполнении порученного. Эффективный менеджер. Сила уму не могила? Пака думал, один из громил, тот самый молодой, беззвучно исчез за дверь. Значит, это точно Себастьян, а оставшийся Бруно. Может и этого Бруно куда-то или зачем-то отправить? Легче атмосфера станет, не так напряжена атомами воздуха. Вернул взгляд на девушку, севшую на краешек кресла и готовую мгновенно сорваться с места по его велению, по тени желания.

— Что было потом?

— Мы собрали все золото, все хорошее оружие. Младшие звери закололи всех людей, что там остались живыми, прислужников Совершенных и эльдар. Этим тварям мы отрубили головы. Двух Совершенных мы взяли с собой и пытались поить вас их кровью, Владыка. Но вы ее отвергали, тогда я напоила вас своей, мой Повелитель.

— Я пил твою кровь?

— Да, Владыка! Мою вы пили, а кровь Бруно и Себастьяна не хотели, сжимали губы. Владыка, не гневайтесь на Старших зверей! Они так переживали, что Бруно неосторожно раздавил голову Совершенному, а Себастьян плакал! Ой! Мой Повелитель!

— Не буду. Я не буду гневаться. Я спокоен.

Нет, «я совершенно спокоен» не дождетесь. Да это... Это что тут за... Этот ангелочек нежным голоском, радостно и довольно сообщает ему, что они кого-то там закололи, другим отрезали головы, всех ограбили и теперь ждет похвалы как за правильно выполненное домашнее задание. Это что за отмороженная рейд-группа орков-боевиков во главе с феей?! Переживали они, плакали, головы как гнилые арбузы давили. В расстройстве, млин! Головы! И еще они поили его кровью! Да как в голове своей они это родили? Как звери! Ага, вот именно! Звериное чутье, знание незнаемого. А фея, для него деликатес — «мою вы пили», а другой он, видели те, брезговал! Отвергал. Гм, как все вместе эротично прозвучало! Ну вот такие они, вампиры-наоборот, привлекательные извращенцы. А может... Он и сам вампир?

Он посмотрел на солнечный свет рвущийся в открытое окно — лето. Осторожно подставил руку под теплый луч — не обуглился. Потрогал клыки во рту — островатые и большеватые, но вроде бы в норме. И кожа у него, по крайней мере на руках, розовая,

здоровая, не как в фильмах мертвенно-бледная. Сердце стучит гулко, ровно, сильно, как матерым суперпрофессионалом отрегулированный мотор. Поет. Пульс? Очень хороший пульс. Как космический пульс, ровный как у астронавтов — все положенные 60 в минуту. Метроном. Нет он не вампир, это точно. А кто тогда? Эта вот золотая дымка в глазах, это ведь не очень нормально? Есть тут поблизости хорошие офтальмологи?

— Ваш сидр, Владыка.

— Спасибо, Себастьян — что это он так дергается, словно обычная благодарность равна ордену или даже больше, судя по его просиявшему лицу?

— Я счастлив вам служить, Владыка!

— Мы счастливы служить вам, Владыка!

Ого, какой бас у этого Бруно! Как корабельный ревун, мля! Почти оглушил, сволочь здоровая!

— Вольно, вольно. Расслабьтесь, дети мои. Не нужно служить человеку ли, идолу ли, как богу. Грех это. Господу служите, от сердца и души служите, не ради злата или пищи телесной, а ради спасения душ ваших.

Твою-жжж... Это то как он так завернул? И без шпиргалки? Естественно так, без надрыва или вымученного-заученного, словно от сердца выдал, словно он проповедовал или отправлял службы ежедневно. Привычно и не по разу в день.

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое! Да придет Царствие Твое!» Басистый раскат вспух в голове, ударил в виски. В голове рваными, подрезанными и склеенными, потрескавшимися черно-белой негативами замелькали кадры, обрывки фильма, статичные сценки, ролики без начала и конца.

Вот молодой юноша срывает виноградную ягоду, его другая рука на рукояти шпаги. Привычно и обыденно. По праву рождения. Он смеется, отталкивает пальцами униженными перстнями чью-то руку, игриво щекочущую его стебельком.

Красный песок пустыни, ветер сушит глаза, один стоит над другим, в руке стоящего гудит, плавит глубокой бороздой песок, багрового цвета меч. Глаза стоящего до краев залиты тяжелым золотом. И тяжелые, гортанно-шипящие слова древнего языка сносят песчинки в сторону, связывают своей силой ветер, сами расправляя темные крыльями плащ нового Дарт-лорда.

Горящий БТР, чьи-то окровавленные, исцарапанные, грязные руки тащат его от жарко горящего железного гроба. С криком сбивают с него пламя. Госпиталь, награды. Граната, контузия, плен. Нехорошо получилось, кровников с еще Первой встретил. Чрезвычайно ему рады были, как только не убили — бог ведает! Вредный оказался, выжил. Госпиталь. Увольнение из рядов. Сияющие оклады икон, тепло свеч, изуродованные руки с отрезанными указательными пальцами заливают масло в лампаду.

Лица, лица, лица. Юное, более взрослое, взрослое, старое. Юноша, мужчина, зрелый мужчина, глубокий старик.

Леонардо Мауриччи де Ла Маттэо де Франко Раннийский, сын герцога, наследник. Избалованный, капризный, равнодушный, пресыщенный. Не желающий уже ничего и желающий всего и вся. Власти, могущества, богатства и преклонения. Много.

Дарт Кэлл Сутта, далекий-далекий потомок истинных ситхов и темных джедаев с красноватой кожей, необычайно жестокий и властолюбивый. Предавший и убивший своего Учителя, завладевший его собранием голокорнов. Отшельник, маг, достигший невероятных успехов в Темном мастерстве и ситхской алхимии. Сознательный гематофаг, пьющий кровь

разумных как вино, разумное чудовище в человеческом облике. Растворившийся, сгинувший в Силе после неудачно проведенного ритуала по обретению еще большей силы и могущества. Еще больше силы, могущества и власти. Не вышло, хотя к успеху шел. Но он переоценил себя — невероятный апломб в негативном значении слова, сгубил ситха. Гневные эмоции помогли. Добили.

Капитан разведроты Леонид Кузнецов, обгоревший на Первой чеченской, попавший в плен и лишившийся указательных пальцев на Второй. Сперва почти монах, потом, после семинарии поп в убогом сельском приходе, что без сомнения присовывал изуродованный кулачище под глаз перебравшему самогонки грешнику, да и другое присовывал тоже очень грешным дояркам и птичницам. Обычный сельский поп с разбитой головой остывающий у обворованного иконостаса. Даже молитва не прошептала — быстро умер.

Не успел помучаться божьей милостью. Не желающий ничего, простивший всех — своих убийц и жену, плюнувшую ему в лицо. И пьяную, грязную, что-то кричащую и что-то требующую от него дочь. Не родную дочь, от другого дочь, но которую он растил как свою. Пытался вырастить. Тоже не получилось.

Все они что-то говорили ему, говорили с ним, объясняли, рассказывали, требовали, просили, благословляли.

Он слушал их, слышал их, понимал их, но не успевал осознать, принять, ответить и спросить. В разуме неистовствовал шторм, топящий кусочки его личности, их личностей. Бушующий ураган уносил осколки мыслей, фраз, выводов. Ревущий смерч втягивал в себя все, что было верным, правильным, переламявал и выбрасывал, развеивал пылью над пустыней сознания. Пол вдруг приблизился к лицу, тяжелый медный кубок так и с не отпитым, тяжело и густо пахнущим яблоками сидром выскользнул из пальцев. Великая Темная Мать ласково подхватила его под голову, накрыла глаза сухой, чуть-чуть шершавой, усталой ладонью и он уснул в спасительной темноте.

«Засыпай, на руках у меня засыпай. Засыпай под пенье дождя. Ты найдешь свой потерянный рай».

— Заря, где моя одежда?

— Владыка вы очнулись! Сейчас, мой повелитель!

Легкой птичкой девушка сорвалась с края его постели, вспорхнула крыльями-руками распахивая створки здорового шкафа, монструозной помеси раздевални и сундука-переростка. Тонкими, невесомыми ручками-веточками, крылышками, ага, распахнула. Легко и непринужденно.

Что же создал этот Дарт Кэлл Сутта, злой гений, сумасшедший творец, повелитель плоти. Чудовище? Чудо? Остановимся на чуде, ведь Заря так чудесно прекрасна и невероятно красива.

М-да, он был гением, этот краснокожий. Сможет ли он также? Скорее всего — да. Там внутри него, в глубине сознания, в полной готовности, по щелчку пальцев готовы всплыть на поверхность авианосцами флотами цельные массивы знаний и умений. Структурированные, отформатированные, каталогизированные. Все ему доступно, подвластно, покорно. Он цел, он целостен. Он цельный осколок трех личностей, слившихся, сплавившихся во едино. Осколок целого.

— Ваш одежда и ваш плащ, Владыка!

— Спасибо, Заря — называть ее слугой не поворачивается язык.

Омыл лицо, сполоснул тело до пояса, протер мягкой тряпкой. Понюхал под

подмышками.

— Бруно, тут есть мыльня или терма?

— Да, Владыка, есть. Мыльня.

— Пусть будет готова к вечеру. И никаких вслед или перед мной. На весь вечер. И пусть там будет лучшее холодное пиво, что есть в этой дыре.

Он оглядел себя в зеркало. Хорош. Не юноша, нет, от этого пацана Леонардо остались лишь густые черные волнистые волосы и губы. Остальные черты лица подсохли, заострились режущими гранями, глубокая складка между бровями по-хозяйски расположилась на переносице. Странно, бриться ему не нужно, ни намек на щетину, идеально гладкая кожа. Ах, да, наследие краснокожего! Ситх безупречно поработал над мальчишкой — он не стал вытеснять сознание пацана, подставляя себя, свои мысли и желания. Нет, он стал им, Леонардо 2.0. И незаметно изменил его, сделал сильнее, быстрее и честно говоря, умнее. А Леонардо и не сопротивлялся. Вначале не успел осознать, что меняется, после уже не задумывался. Да и не было глубоких противоречий и расхождений. Он был как юный брат-близнец ситха — такой же властолюбивый, жестокосердный, аморальный. Жаждающий власти. Нечего было им делить.

Да, о власти — почему ее жаждут? Ответственность же огромная, неподъемная! Но вот жаждут и все. Невероятно амбициозные граждане. А краснокожий еще и креативный тип, совершенно не скованный рамками шаблонов разумный — неожиданные решения, движение на пролом. Ни сомнений, ни терзаний. А как он красиво примарха материальной иллюзией поймел, как он всем мозги заплел! Ангел, мать его! Ситх'ари! Идеальное существо! Да, это достойно восхищения и бурных аплодисментов! Bravo и только bravo!

Он отдал должное уважение ситху короткой паузой и продолжил осмотр нынешнего себя. Плечи, обтянутые тонкой кожи походной куртки, широки и разлетны. Высок, строен, осанка как у суворовского юнкера или кремлевского курсанта. От него исходит явно ощущаемое, непроизвольно транслируемое вовне право повелевать. Сила и мощь, способные это право подтвердить. Не хотел бы он столкнуться с таким типом, там, у себя — невозможно удержаться, так и хочется вмазать в эту лоценную, высокомерную рожу, пусть потом тебя и в калеки определяют. А этот... То есть он, может. Легко и не только в калеки, а сразу на «футбольное» поле определить, без надписи на кресте в изголовье, так как не опознают. Что там опознавать в кучке пепла?

Он шевельнул плечами, качнул головой, чуть скрутил корпус, поднял правую руку, сжал в кулак. Все движения невероятно плавны, неестественно экономичны и четки. Это хорошо. И то, что его лицо изменилось, тоже хорошо — не опознают. А то наворотила эта парочка, красномордый гусь, да избалованная гагарочка, горы проблем. Наделали парни масштабных дел.

Прибили примарха Адептус Астартес, целого Робаута Жиллимана, легендарного военачальника легионов империума человечества. Не этой лоскутной, карликовой империи, а бесконечной, как была бесконечна империя ракката. Или он ошибается? Да, ошибается. Это же не тот настоящий командующий, это просто передаваемое как флаг имя. Ладно, что там далее по списку?

Затем вырезали не менее трех рот полного состава Ангелов Смерти вместе со взводом Дочерей Битвы и конвойный отряд. Отправили к их боссу каких-то монахов и пару святых отцов. Перед этим существенно проредили ряды местной инквизиции — завалили Тайного представителя Третьего отдела и его спутника в чинах немалых. А это весьма весомо

наказуется и преследуется без срока давности. Дале они мимоходом зачистили взвод Выжигающих Скверну, то же не последних парней в местной тусовке. Ну и неучтенную кучу народа в «мясо». Не ситхское это дело камешки под ногами в Пути его считать.

Да, этих сиаемских близнецов как оружие массового поражения надо в тыл врага сбрасывать — позади все горит, впереди от них все бежит и рыдает. Да они на одном своем пафосе всю империю на пинках могли вынести!

«Это мой Путь! На колени низшие!». Ну и прочее такое же, скулы сводящее.

А вот с револьверами надо что-то решать — узнаваемы, но лишаться их крайне не хочется. Да и патроны в них просто сказочные. В гильзах не порох, а алхимическая смесь. Пули изрезаны рунами и выварены в специальном декокте — ситх настоящий мастер разрушения, на своем месте человек! Такой пулей танк на части можно разорвать и безо всяких последствий для оружия — силоваяковка, уплотнение структуры металла, изменения атомарной и молекулярной структуры. Крибле-крабле-блямс и насрать на все законы физики и химии. Это Великая Сила и страшномогучая и непознаваемая ситхская алхимия народ, какие вам еще нужны объяснения? И главное все это тут работает без осечки, без сучка и задоринки, хотя это совершенно не та самая далекая-далекая Галактика. Объяснение этому есть? Объяснений этому нет. Значит, примем это как реальность, данную нам в ощущении. Аминь.

— Заря, Бруно, Себастьян! Пойдемте прогуляемся. На свежем воздухе. И на людях величать меня Владыкой и Повелителем запрещаю. Достаточно будет господин баронет и ваша милость. Ну и ...

Он приложил палец к подбородку. Дурацкая привычка кстати.

— Ну и кому пришла эта нездоровая идея насчет имени Дарт Серенус? Мне? Чудно, чудно.

Баронет Дарт Серенус. Темный Светлый. У кого-то явно больное чувство юмора.

Постоялый двор не поразил, не удивил, но и не разочаровал. Самый обыкновенный постоялый двор. Таких сотни по всей империи. Двухэтажный, широкий в длину. Обязательная коновязь, сама конюшня, куча пристроек, строений, строениц. Двор подметен, конские яблоки убраны в кучу. В поилке для лошадей чистая вода. Где-то квохчут куры, мычит и хрюкает скот для убоя. Что с его точки зрения, что Леонардо — все заурядно, привычно, знакомо. Носятся метеорами мальчишки на подхвате, переваливаясь с боку набок несет себя и зажатую под мышкой курицу толстая служанка. Курица метит пометом ее широкую, в сборку, юбку и свой последний путь. Конюх, видно в открытые ворота, сгребает деревянными граблями сопревшее сено. Вон тот жеребец с белой полосой на морде, это его жеребец.

— Себастьян, принеси яблоко, морковь, кусок хлеба с солью. Что-то одно, Себастьян. Уточнил, вспомнив, что со Зверями надо как с детьми — коротко, по делу и без двусмысленности.

Это со Слугой можно пространно философствовать и растекаться мыслями по дереву. Да с ней и намного приятнее этим и не только этим, заниматься. Мораль, нравственность и разные благопристойные глупости при этой мысли явили вместо себя зияющую пустоту, заполняемую пониманием — можно. Ему все можно. Ну и хорошо. Так легче, честно.

У ворот, вначале сидящие на бревнах и греющиеся на солнышке, а теперь, при его появлении, одновременно и слитно, как многорукое многоногое существо, стоящие на одном колене и склоняя головы, пятеро двуногих монстров. Массивных, могучих, с длинными

руками, с ногами-колонами. Плечи размером со сруб колодца, ну ладно, намного меньше, мышцы распирают валунами плотные кожаные куртки. Кожаная одежда — извечная классика. Это младшие звери.

Те пятеро выживших. Самые сильные, самые живучие, самые удачливые. Прошедшие самую наилучшую отбраковку. И только самцы. Так Сила решила, он это ощутил и понял открытый намек — всему есть грань, ситх ее перешел, а вот ему переходить не следует. Ну никто и не собирался.

Вернулся Себастьян с куском хлеба. Он прошел в раскрытые ворота конюшни, не обращая внимания на склонившегося в глубоком поклоне конюха, огладил горячие бархатные ноздри жеребца, похлопал по холке.

— Но-но, не балуй! — строго одернул пытавшегося игриво прикусить руку скакуна, почему-то на русском, скормил угощение.

— Надо бы тебя выгулять. Застоялся небось, коник? — вновь половина слов на русском, вторая половина на имперском. Очевидно, в имперском или как его называют местные, высоком готике, нет аналогов для используемых им слов и определений. Необходимо учесть.

Вышел со двора. Дорога слева, дорога справа. Не тракт, не кривое колеистое проселочное убожество. Уплотнена, просыпана вперемешку со щебнем вроде бы гравием и речным песком. По краям дороги начинающие просыхать кюветы — солнце пригревает все сильнее и сильнее, все же почти юг империи. Быстро шагая поднялся на подобие холмика, режа голенищами высоких сапог начавшую расти на встречу солнцу траву. Не выбирая место, скрестил ноги и сел, принимая позу для медитации. Закрыв глаза. Солнце приятно грело кожу лица, озоруя и играясь, пыталось проникнуть под опущенные веки. Как-то легко и привычно он потянулся к Силе. Внутри себя, вокруг себя. Укутался как в плащ в ее потоки, провалился в осознанную пустоту. Непередаваемое ощущение, даже не стоит и пытаться описать.

Сила внутри него ощущалась чем-то неделимым с ним, как вторая кожа, не замечаемый ток крови по венам и артериям. Хочешь — она взбурлит горным потоком, лавой вулкана, вздуваемая гневом, ненавистью, яростью. Выплеснется сокрушающим горным селем, сжигающей в пепел магмой, заставляя нестерпимо засиять золотым расплавом глаза. Взвоят ураганом, делая реальность покорной его воле, мягкой как пластилин. Хочешь — потечет ровно, повеет мягким теплым ветром, омывающей тебя чистой прохладной водой, исцеляя и очищая. Хочешь — станет жалом змеи, ласковым горькой медовостью голосом психоаналитика. Она вольется ядом в уши, в разум другого, отравляя, подменяя понятия, делая черное белым, а белое полосатым с вкрапленными искорками.

С Силой вне его было не совсем так, как это помнил переданным знанием Дарт Келл Сугта. Не разлитая в мире Сила, а океан. Бездонен, но ограничен. Темная Мать была гостем в этом мире, как и он сам. Гостем... Нет, это определение неверно. Ошибочно и неточно.

Темная Мать была приглашенным специалистом, вот точное определение его ощущения. Специалистом, которому хозяева заглядывают в глаза и в рот, стремятся угодить и поднести отвертку в лапках, налить чашечку горячего кофе. Но все знают — и хозяева, и специалист, что, когда работа будет выполнена, специалист уйдет, а хозяева останутся. Да, он сможет вернуться в этот дом, украдкой обменявшись с женой хозяина, дочерью, на худой конец с тещей номерами телефонов, но это будет... Да, это будет неправильно. Будет нарушено равновесие.

Он мысленно хмыкнул — значит, приглашенный специалист. А он его инструмент.

Многофункциональный мультитул на аккумуляторной батарее. Как те китайские чудо-инструменты, сочетающие в себе перфоратор, фрезу по металлу, краскопульт и диодный фонарик с лучом направленного света. А вот почему лучевой фонарик ему не выдали? Как он будет всех низвергать без светошашки? Плащ пафосный у него есть, а лучистого и жужжащего сейбера нет. Ах ты! Все у него есть! Сила на то и Великая, что и это предусмотрела — ситхская алхимия. Здесь есть кузницы, прекрасная сталь, а у него есть знания.

То, что он так спокойно принял свое предназначение как инструмента, его нисколько не расстроило и не возмутило. Ну, инструмент для достижения неведомой цели и что? Взамен дается вторая жизнь, молодость, здоровье и, гм-м, опять же могущество. Мало? По нему так более, чем достаточно. Какова работа, такова и плата. Вот только, что ему надо сделать, что совершить? Для чего его душа вырвана из бесконечно вращающегося Колеса Сансары?

Концепция христианского рая оказалось не состоятельной, туда вошел, обратно не выйдешь. В христианской доктрине загробной жизни задействована не подменяемая система ниппель; туда дуй, обратно... Это самое.

Итак, для чего он избран? И это не пафос, что измениться, если он произнесет — выбран, отобран, предпочтен? Смягчение значения, не более.

Он отдался течению мыслей, поплыл по безмятежной глади созерцания, оглядывая, осматривая, иногда приближая к себе, подхватывая ладонью камешки, стекляшки, изрисованные листы воспоминаний. Вспоминал отстранено, с кем, как и о чем он говорил. Каким тоном, в каком месте, с какой целью.

Он искал, и он нашел.

Да, капитаном корабля ему еще не доводилось быть. И матросом. Только пассажиром, но это разве, что-то меняет? Неменяет. Значит, ему за океан. На другой материк, к горному разлому. Все очевидно и прозрачно, никаких других вариантов.

Что там, кто там, в разломе — древне зло, очередной спящий бог, заточенный ангел, прикованный цепями к скале архидемон, это не важно. Иди и делай. И лично. Как говорят крепкие парни с не менее крепкими головами, в другом мире: «Никто кроме нас!». То есть, кроме него. Кстати, а чем его приложил этот аутарх Слау Ра? В голове перед мысленным взором появилась картинка-комикс с высоким существом в длинных, вычурных одеждах, вспухающим ломаным облаком. Блок-схемы в рамочках с пририсованными к ним стрелочками поясняли: «Ментальный удар «Последнего шанса». «Защита — отсутствует». «Достигающийся результат — уничтожение разума противника, частичная деструктивизация его личности и сути на осколки». Вот так. Расколол эльдар на осколки Дарт Келл Сутта. А из них собрался он, игрок под вторым номером. Замена состава произведена.

Он чуть посомневался насчет себя и в своей равноценности замены, затем прервал процесс самоуничтожения. Он не хуже, он лучше. Он гибче.

Так, цель определена, путь известен — все прямо и за горизонт, теперь надо определяться с возможностями.

Что у него есть? О, как говорил один невысокий француз, у него это есть: «Деньги, деньги и еще раз деньги». Но на океанский лайнер с бортовой артиллерией ему их не хватит — местный океан обитаем не только подводными чудовищами в виде вкусных кракенов и диетических мясом акул, но и разным морским народом. Иссские корсары, например. И одним из них краткое время был его Бруно — пиратствовал, мерзавец.

Вообще-то богатая и насыщенная жизнь была у мужика — стрелок из винтовали в капитанстве некого Марко Тодд. Пират, егерь, вице-капрал в личной армии Раннийского герцога, затем личный нянька-слуга этого пацана. Ну а теперь он Первый Зверь. Все карьерный рост закончен, дальше расти некуда, вершина достигнута. Свобода воли? Не, не слышал.

Ладно, вернемся к мореманам — там, уже ничего не поправишь.

Итак, флот Островного королевства, флот Данатаской республики, производителя и поставщика лучшей в этом мире стали, флот Южного губернаторства, флот... И все изредка бьются друг с другом без объявления войны. Тлеющий конфликт на углях инцидентов. На «купце» или на шхуне переплыть через океан при таких условиях шансов будет пятьдесят на пятьдесят. А ему нужны все сто, вдруг при удачном выполнении миссии предусмотрен значимый бонус? Да, дано не мало, но может еще что-то подкинут? Например, возможность летать как птица? Было бы замечательно парить в небесах и гадить все на головы.

Он снова мысленно усмехнулся, одновременно анализируя и взвешивая себя на весах душевного равновесия — нет, это не истерика, это просто неудачная шутка.

Итак, первый пункт плана — добыть денег на крейсер океанского класса или как тут они зовутся — фрегат, бриг, бригантина? Вот на это.

Второй пункт — стать тем, кому продадут или построят корабль.

Третий пункт — достичь порта, где ему его продадут, построят или где он его захватит. Неважно и не значимо. Более критично расположение и принадлежность порта. То, что ему империя уже ни разу дом родной, это понятно. Из империи нужно уходить как можно тише и быстрее. Не обсуждается и не оспаривается.

Но вот куда и в качестве кого там быть? Имперским баронетом Дарт Серенусом? Фееричная глупость. Документы на это имя нужно уничтожить, имя сменить.

И дело тут не в том, нравится ему или не нравится, просто не нужно считать местных идиотами и в самом деле низшими. Он более чем уверен, что старшина Ночной гильдии Кребс и обе его Руки, давно уже «поют» в камерах приората. Впрочем, он вновь ошибается. Никто не «поет» и не рассказывает взхлеб о нем, все они умерли от остановки сердца. Ситх не скупцом, он щедро раздавал сторожей своего инкогнито — Печати молчания, налево и направо одарял, сеятель разумного. Всех, с кем говорил, кому приказывал, мимо кого проходил. Чрезвычайно предусмотрительный в этом моменте сукин сын!

Но все равно, все равно — найдется неглупый аналитик, покачает на косвенных, опросит молочника, угольщика, писаря в магистрате, архивариуса. Сложит ноль целых пять десятых с девяносто пятью десятыми и получит результат. А такого аналитика найдут не десяток, а сотню — он в лесу не кабанчика завалил, а целого примарха. А до этого Тайного представителя Третьего отдела Святой Конгрегации и его безымянного горластого друга.

В самом негативном варианте у него давно уже должна гореть земля под ногами, но не горит. Вероятно, лесной пожар уничтожил все следы и пока там что-то отыщут направляющее на его поиски, то он станет не отыскиваемым. Под другим именем.

Так, с этим решил. Теперь решить, куда ему... Им идти в первую очередь. Пункты назначения нужно выбрать правильно, не как в фильме-ужастике. А обстоятельно все обдумать и проложить правильный маршрут. Без нежелательных встреч. А пока ничего не придумывается, он пойдет обратно на постоянный двор.

Он открыл глаза. Наступающий вечер украл свет и начал задерживать шторы на окнах дня. Да, время за размышлениями пролетело незаметно, настает закат.

Когда он вошел в нижний зал постоялого двора, тот, пустой днем был теперь заполнен. Охранники караванов, погонщики скота, четверка суровых мужчин, молча наливающих неразбавленным вином. В углу шумят крепкие матерые мужики — лесорубы или каменщики. Еще кто-то в слабой темноте у стен, непонятный чем живет, мужского пола, один сидит. Все пили, ели, орали, рыгали, трясли костями в стаканчике, грызли кости. Хлопали или пытались хватать за пышные зады, визгливо хихикающих шустрых подавальщиц.

Когда они вошли, на них сразу же уставились, скользнули взглядами, покосились. Оценили и взвесили. Быстро отвели, попрытали взгляды и продолжили заниматься прежним — есть, пить, рыгать, разговаривать, рассказывать, слушать соседа. Высокородная морда с баронской цепью на груди и двумя горами-охранниками, не тот предмет, который можно задеть хотя бы взглядом.

Он чуть замедлил шаг, делая выбор — его комната или вон тот столик в углу, пустой и чистый, для высоких господ. Выбрал столик. Хозяин постоялого двора возник рядом мгновенно, вот его не было и вот он тут. Угожливо склонился в глубоком поклоне, вывернул ухо в готовности услышать пожелания высокого господина. Взлетела и легла на столешницу застиранная, когда-то радикально черного цвета скатерть — дураков нет держать белую, хрен ты ее потом отстираешь. Легли веско на скатерть литые железные ложки и двузубые вилки. Мальчик-прислуга застыл рядом с глиняной чашей для омовения рук с лепестками какого-то цветка в ней на поверхности воды.

— Что у тебя есть самое крепкое из алкоголя?

— ???

— Какое у тебя самое крепкое вино?

— Настоянный сидр двойной перегонки, ваша милость! Очень крепкий!

— Неси. И на стол — мясо, сыры... Что у тебя есть из хорошей еды?

— Есть только что испеченный пирог с птицей, полтуши поросенка, есть...

Вспомнилось, как тот, еще не инфицированный вирусом ситха Леонардо, не одевший еще корону Владыки, хотел съесть зажаренного поросенка. Помянем.

— Поросенок и пирог. Морс. Много. Иди.

Принесли быстро, словно на крыльях летели, в клювах несли. Пирог неплох, мясо жестковато, у сыров странный и непривычный вкус. А вот сидр порадовал. Запахастый, прозрачный, пьющийся легко. В меру крепкий, градусов тридцать-тридцать пять.

Первый стакан, в самом деле стакан из тяжелого синеватого стекла, упал и стремительно проскользнул внутрь, словно за ним гналась таблетка антипохмелина. Второй он уже поделил на три раза. Третий удостоился только одного глотка — чувствовал, ему уже вполне достаточно, потерять контроль как там, в лесу, совершенно не хотелось. Но чего-то другого хотелось. Тоже бесконтрольного, но все же контролируемого. Он оценивающе поглядел на Слугу. Заря радостно и ожидающе вспыхнула теплым светом, зовущего пламени. Да, но чуть позже, но непременно.

— Бруно и Себастьян!

— Да, ваша милость!

— Сидеть, не вставать, не вмешиваться. Заря, ты можешь вмешаться, когда я излишне... — он приложил палец к подбородку, подбирая слова и определения — Когда я излишне разойдусь, попроси меня остановиться.

— Когда вы, Владыка... Ваша милость! Вы что сделаете?

Понял, что слово «разойдусь» он опять произнес на русском.

— Когда я начну их калечить, то попроси меня остановиться.

— Я поняла, ваша милость. Я буду вас умолять, ваша милость. Всем сердцем!

Шутница. Или нет?

Он встал из-за стола, снял куртку, бросил ее на спинку стула. Снял и цепь баронета — ее он тоже небрежно кинул на стол. Для исчезнувшего Леонардо слишком мало, для Владыки немислимое унижение. Низкостатусная, отвратительная по качеству исполнения побрякушка. С возрастающим неудовольствием оценил и свою сорочку — недостаточно темна. Гнев внутри него огляделся, поднимая драконью голову. Огляделся и он, прикинул — места хватит, вполне достаточно. Вышел к стойке и чуть вперед:

— Есть среди вас мужчины с крепкими кулаками и стальными яйцами? Плачу полновесный флорин, тому кто собьет меня с ног. Хотя бы один раз.

Ну да сперва ожидаемая тишина. Затем невнятные гмыки и голос откуда-то из глубины зала, протяжный, лениво-уверенный в себе, рушащий ожидание упругой раскочки низших:

— Нет тут дураков связываться с твоей милостью. За благородного сразу на шибеницу сволокут, а если до крови, то и к «веселой вдове», пеньковый «воротник» себе на шею мерять.

— Ты видишь на мне цепь высокого господина? Сюрко с гербом? На моей руке сверкает камнем родовой перстень? Ты знаешь меня? Ты не знаешь меня, и кто я. Ну? Это не сточенный полновесный золотой! Чей он?

Тяжелый кругляш монеты взлетел в воздух, бликанул четко отштампованными «орлом» и «решкой». Подтвердил собственную полноценность широким ребром с глубокими рисками. Со звучным и сочным шлепком упал в его ладонь.

— Ну... Если так... Ну не обессудь тады, незнакомец. Меня кстати, Сом Кувалда кличут, из-за кулаков моих. Не передумаешь паря, когда их увидишь?

— Ну иди сюда, Сом Кувалда. Покажи мне свои кулаки. Если ты не солгал, то я не буду бить тебя сильно. Так, поглажу.

Он широко и открыто улыбнулся.

И было ему хорошо и станет ему еще лучше. Хадзимэ!

Глава одиннадцатая.

Об убогости местного оружия и кратком экскурсе в оружейное производство, о новых кандидатах в звери, раздумьях о лейтенанстве, о планах Силы, где есть место и для Сюззи, о посещении борделя с неожиданным финалом, о дивизии роялей, о первых уроках.

— Бруно, приведи ко мне его. Надоел своим мельтешением.

— Сейчас сделаем, ваша милость.

Бруно встал с корточек оттолкнувшись от рукояти маховика механизма наводки трехногой станины мортирки. Лениво и вразвалочку зашагал к краю пустыря. Неплохо, результат, как говорится, на лицо и на слух. Десять часов из жизни потрачены не напрасно. Десять часов бережного и осмотрительного вторжения в разум Зверей. Плавное в каждом этапе и осторожное на каждой ступени наложение матрицы первого слоя поведения. Внедрение комплекса вторичной пластики движений, без доминирования ее в экстренных ситуациях над основной. Изменение лексикона, добавление жаргонизмов в базис первичного использования. Сбалансированная эмоциональная составляющая. Привнесение измененных алгоритмов в мелкую моторику и рефлексивных сокращений мышц. Выделенная в отдельную периферию специфичность деталей мимики, манеры говорить, акцентировать тоном голоса произносимое. И много, многое другое. Это была просто адова работа!

Что-то пришлось существенно изменять и на ходу переделывать. Что-то отбросить как несочетаемое, часть изменений отложить до лучших времен. Нет у него пока полного понимания векторов развития последующих процессов. Что-то получалось и так, само собой. Показалось, что в целом он легко справляется с внесением изменений в поведение Зверей.

Но по завершению работы ощущал себя как выжатый лимон. Выжали и нарезали на мелкие кусочки. Взболтали в блендере и безжалостно вылили получившуюся бурду шлепком на землю. И морально неприятно и невыносимо больно физически.

Но зато теперь его Звери не бездушные истуканы и олицетворение исполнительности. Они почти похожи на обычных, нормальных людей этого мира. Очень помогли сохраненные и оставленные ситхом без изменений поведенческие мотивы, основа личности и сформированная средой обитания ментонадстройкой над основным массивом поведенческих стереотипов.

Но каких усилий ему стоило вытащить «клещами» все это «человеческое», что безжалостно задавил в глубины сознания чертов псих, то есть ситх, и вспоминать не хотелось.

И все же, краснокожий, ты не был полностью безумным. Что-то еще осталось в твоём разуме, и оно остановившее окончательное превращение Себастьяна и Бруно в бездушные и без эмоциональные живые функции. Или это осталось от Леонардо? Ведь Бруно этот избалованный мальчишка по-своему ценил. Как ценят дорогую и полезную для владельца вещь. Машину, например. Некоторые даже разговаривают с этим крашенным и лакированным куском железа, а на царापину на крыле взирают с паническим ужасом как на разверстую рану.

Мысль мгновенно перескочила на другую тему, да отдохнем сменой размышлений. Нужно выбрать себя имя, говорить о себе «он», куцо и слишком обезличено. Но какое имя? Выбор должен быть взвешенным и безошибочным, откатить назад, как глюкнувшую систему

не получится. Пока же придется обходиться тесными и безликими «Господин баронет» и «Ваша милость».

Он вернулся к осмотру разобранный на детали винтовали. Ужасная однозарядка с откидным вверх-вперед затвором, фиксируемым в закрытом положении. Нарезная, калибром в четыре целых две десятых линии. Прицельное приспособление — грубоватая латунная мушка в форме четверти круга и целик — низкая вертикальная планка с поперечной риской на основании. В винтовали используются патроны снаряженные дымным порохом. Ремень, антабки, цельное ложе. Все. Что-то привнести новое в эту невероятно простую конструкцию невозможно, только менять на другую и как плохой сон забыть. Но смотрится это чудо оружейной мысли невероятно брутальной, паротанковой. Этакое тяжеловесное изящество. Точно такой же конструкции и дробовые винтовали, только с более коротким стволом, гладкоствольные и калибром в 5,5 линий. Зачем разделять и выводить в отдельный класс оружие абсолютно одинаковой конструкции, совершенно непонятно.

Вот же, рядом с винтовалью лежит повторительная «магазинка» с трубчатым подствольным магазином, напоминающая одновременно винтовку американского оружейника Генри и всем известный «винчестер» мистера Винчестера, что просто улучшил творение мастера Генри. Увеличь калибр, удлинит патрон, уменьши боезапас и получи многозарядный дробовик. Да, массивный, неуклюжий, не скорострельный, но не однозарядный же! Но нет, вот такие выверты оружейной мысли. И все на «дымаре». Дым выстрелов на поле битвы ранеными облаками лежит.

Все три образца оружия произведены на одной фабрике, что подтверждает выгравированная на стволе длинная надпись: «Его императорского величества Первая оружейная фабрика под покровительством Адептус Механикус». Лучше бы уделили больше внимания и средств на тщательную отделку деталей оружия, чем занимались гравированием каждого «ствола» столь долговязой надписью. Или придумали вместо этого ужаса малоразмерное клеймо. ЕИВПОФППАМ, например.

Он произнес эту аббревиатуру вслух и поморщился от ее невнятного звучания. Ерунда какая-то, словно трам-парам-парам напеваешь, зажав что-то в зубах. Ладно, пусть гравируют хоть с обеих сторон, ему то что? От количества и качества гравировки оружие не изменится. Останется все таким же неухватистым, неточным, тяжелым и неудобным в обращении, не скорострельным.

Он вновь посмотрел на «магазинку». Без сомнений, этот образец оружейной мысли требует к себе бережного обращения и ухода. Следовательно, не очень надежна в полевых условиях. Патроны не капсульного, а кольцевого воспламенения, что делает стрельбу из такой винтовки не очень дальнобойной. Ну и пробивная способность пули оставляет желать лучшего на дальних расстояниях. По-другому никак — если будет капсуль на донце, то следующий патрон «наколет» своего собрата при ударе или сотрясении. Бах и ты без оружия, если пальцы не оторвало. Что же выбрать?

Впрочем, кто ему запрещает вооружить своих «парней» обоими видами оружия? С их то здоровьем и грузоподъемность? Никто и ничто. Решено, каждому из младших зверей однозарядную нарезную винтоваль и «магазинку». Дробовики пусть пока будут не востребуемыми, нет смысла в их применении — тут ни окопов, ни траншей пока не применяют на поле боя. Окопная «метла» не нужна, точность важнее — скорострельность то одинакова. А с координацией и меткостью у его «зверят» все просто превосходно, прирожденные снайпера, раз и хедшот. Вот только совершенно не любят огнестрел. Все

стремятся грудь в грудь сойтись, накоротке. Но это он из них вытравит на очередном сеансе групповой психотерапии.

— Себастьян, отбери лучшие винтовали и «магазинки» и раздай их младшим. Оставь по пять единиц и того и другого на замену. Остальной хлам пусть приведут в порядок для продажи. Что не приводится — пустите в разборку на запчасти.

— Исполним, ваша милость.

Он одобрительно кивнул на ответ Себастьяна и его тон голоса, перешел к мортирке. Ничего поражающего разум, пробуждающего удивление и сверхнеобычного. Стандартная тренога с фиксирующими опоры цепочками и Г-образными стержнями. На массивном поворотном основании мортирка крепится двумя изогнутыми вверху в виде буквы «с» литыми дугами. Под стволом, в середине, жестко закреплена еще одна дугообразная опора для вертикальной наводки с шаром-стопором на конце. Маховик крутишь, наводишь на цель. «Надеваешь» на осевой стержень, снаряженный маленькими снарядами барабан на девять выстрелов, фиксируешь его и с щелчком шестерни опять крутишь рукоять. «Гнездо» барабана встает напротив каморы ствола, пружина при нажатии курка «натаскивает» на ствол ну и собственно стреляешь в направлении куда-то там. О точности говорить не получается и не хочется. Дальше все и так понятно — барабан отстрелял, снял, второй номер тут же заменил его на снаряженный. Все просто как мычание. Разные по начинке снарядики промаркированы краской — красные это подобия «гранат», черные снаряжены ядрами, не окрашенные — вязанная картечью. Мобильность у мортирок низкая, дальнобойность никакая. Так себе девайс, но для местных вооруженных сил однозначно вундервафля и вооружены такими мортирками только роты Адептус Астартес, у гвардии Наместника и стражи приората таких пушечек нет. У них штатным вооружением являются однозарядные, в несколько раз уменьшенные, копии обычных пушек, фальконеты. Владение мортирками может стать проблемой.

Он задумался — рискнуть и использовать? Или утопить в реке? Топить поздно, десятки глаз из-за забора и из кустов видели их. Непростительная ошибка. Надо уходить. Лучше всего сейчас, но придется утром — будет время на сборы и меньше подозрений. Паника как рысь со спины набросилась. К чему бы? К дождю слез? И заново безмятежное спокойствие. Перепады настроения как в женские циклы, все еще он не цел внутри.

— Ух ты! Это же то самое второе «ангельское» ружье! Та скорострельная мортирка!

— Видел уже?

— Ага, ваша милость. Старые видел, почти новые сейчас вижу. А стрелял я только из старых. Мой бывший капитан таких всего две на Первой фабрике купил. Цена у них зубастая. А у вашей милости их целых пять! И вторых! Это сколько же вы за них отдали интендантской крысе?

— Много.

— Цены то да, эти гады дерут! А на фабрике за совсем новые так, наверное, за одно как за эти пять возьмут!

Он решил обернуться на собеседника. Невысокий, весь какой-то нескладный, но сутулость не рахитичного слабака, а пригнутость кошки, что подбирается к добыче, подметая пушистым брюхом землю. Жилистый, истертый, как ствол годами используемой винтовки, взгляд смелый с внимательным прищуром. Интересный недолжной безбоязненностью. Уверенный в себе собеседник.

— Ну-ка разъясни мне про старые, новые и совсем-совсем новые «ангельские» ружья.

То есть про мортирки.

— Так ваша милость, я Жан Лоддо, по прозвищу...

Сутулистый смолкнул, глянул осторожно, искоса — прозвище здесь было почти тоже самое, что второе имя. Жанов, Жаков, Вальжанов тысячи, а вот Жан по прозвищу Парящий в небе бык, всего один.

Он кивнул ему, поясняя жест взглядом и легкой усмешкой — продолжай, я понял, что прозвище твое стало излишне известно и несет неприятности для его носителя.

— Ага, ну так вот, ваша милость. Это вот «ангельское» ружье — Жан Лоддо подскочил к мортирке, ловко скрутил винт зажима, оттянул с усилием левый «рог» держателя ствола — Точно, оно! Оно Яблочного года проект, доработки мастера Пакла, с латунным уплотнителем на посадочном отверстии. На старых это место без всего, голый металл. «Рог» одел на штифт, затем стопорная чека насквозь и все. На самых новых уже не штифты и «рога», а короткий стержень — «пенек». А «пенек» в эти заходит... В эти... — Жан выпрямился, принял значимую, в его понимании, позу и произнес по слогам — Под-шип-ники! Это такие шутики, которые...

— Шариковые, радиальные? Впрочем, для этой цели лучше всего подойдут линейные.

— А?!

— Продолжай, Жан. Но без умничанья. Будь проще.

— Слушаюсь ваша милость. К-ха! Ну так вот, ваша милость — налет самоуверенности и превосходства слетел стряхнутой пылью с фигуры Жана и полностью исчез из его голоса.

— Новые «ангельские» ружья они с подшипниками на держателях ствола, барабан стал на семь выстрелов и крутиться он как бешенный. Там механизм добавлен сложный. Реду... Редуто...

— Редуктор.

— Да, он самый, ваша милость. Редуктор. Калибр увеличенный, в целых 18 линий или сорок два миллиметра, против старого в 15 линий. Тренога не литая, а пустотелая, трубчатая да складная вдвое, что легче намного и удобнее. Прицел не простая прорезная планка да кусок железа как мушка, а крестовый. С пятью кругами от центра до конца перекладин. Ну и ствол удлиненный и облегченный, а значит и стреляет дальше. И он сверленный, а не отлитый как у первых! А, там еще приспособа есть! Хитрый съёмный упор с пружинной добавили — это чтобы отдачу скрадывать. А то опрокидывает их постоянно и задирает. Бывает и руки фейерверкеры ломали. А ваши мортирки, ваша светлость, скорее всего из Лесселья.

— Почему ты уверен, Жан? Между этим городом и городом где я их купил, более полутысячи километров.

— Ну да, ваша милость — Лоддо усмехнулся — Так-то да, не понять сразу чьи это моритрки и откуда, ваша милость, без умения — голос Жана до краев наполнился весельем, он чуть ли не пританцовывал, торопясь поделиться очень смешным для него.

— Наш император их же в обход Адептус Механикус велел производить, вот на них ни номеров порядковых, ни клейм и нет. Все только на фабричных бумагах, а бумаги то теряются, то их мыши грызут. Но не положено мортирки клеймить без соглашения. Так что, все и гадают откуда они и чьи они!

— А ты почему не гадаешь? Почему так уверенно — Лессель?

— Так вот, заметно же, ваша милость — какие царапины на станине! В Лесселе нет хорошего песка, так они пемзовым порошком чистят. Видите, ваша милость, как тут убили

«ноги»? — палец Жана указал на самый низ треноги, рядом с опорной пяткой.

Он присмотрелся — действительно, грубые, глубокие и многочисленные царапины. И нет нигде ни клейма, ни серийного номера. Чудно, чудно, а ведь так никто не сможет определить чья эта карманная артиллерия. Его личная, честно купленная, или им где-то затрофеенная. Но есть одно но.

— Так в бумагах, подтверждающих покупку можно указать, откуда это оружие Жан. Так и определить место происхождения.

Жан выпучил глаза:

— Он вштырь-травы накурился, ваша милость? Он вам так и написал — мортирки?!

— Кто накурился?

— Так интендант же!

— Нет. И он мне ничего не выписывал. Ни каких бумаг.

— Уф-фф... Упас святой Круг! А то ваша милость как сказала про бумаги, так и страшно стало за игрушки эти — враз на посту трактовом конфисковать могут, как имущество военное.

— А так не конфискуют, без бумаг?

— Так не конфискуют, ваша милость — нет бумаги, нет и принадлежности что это имперское. Ваше оно и все, коль на них описного листа нет в розыском комитете. Купили вы у неизвестного на дороге неизвестной. Нет же на них описного в розыском, ваша милость?

Очередной дикий выверт законотворческой мысли в местном варианте. Купил не известно у кого на неизвестной дороге пять маленьких пушечек со всем обвесом и в идеальном состоянии. Нет, лица и имени продавца не помню. Время и место тоже. Пьяный был. Вы не верите? Я вот тоже, но вот они, мортирки! А денег нет!

— А если есть?

— Так это легко поправить, ваша милость! Прицелы на новые сменим, кузня тут хорошая, станины полирнем и затемним вываром земляного масла, цепи на ремни сменим. И вес лишней уберем и шума меньше. Недорого вам все это встанет, ваша милость — десять флоринов всего, ваша милость!

— И зачем мне платить тебе, Жан, целых десять флоринов, если все это могут сделать мои люди?

— Так ваши люди долго это делать будут по первому разу. Да и они у вас бойцы чистые, не оружейные мастера, это сразу видно. А тут тонкая кое-где работа будет, а у меня и оправки и приспособы разные с собой. Да и время вы потеряете, ваша милость, а герцог Локкский найм раз и закроет. И напрасно вы до Теплых берегов дорогу проделаете, только потратитесь

Он вызвал слепок с памяти Леонардо. Герцог Локкский, неверный как шлюха и изворотливый как угорь союзник империи, вечно воюющий то с империей, то с Островным королевством за спорные земли. Вследствие этого и всюду нанимающий кампании с патентами и просто отряды наемников. Как его до сих пор не занулили империя с королевством — непонятно. Очевидно кому-то нужно такое, вечно конфликтное государственное недоразумение. Теплые берега — та самая спорная территория, где часть прибрежной полосы захвачена много лет назад Островным королевством.

В герцогстве Локкском три портовых города и три верфи, по одной в каждом городе. Две строят любые корабли, любому, кто делает заказ, но качество постройки чуть выше

среднего. Одна верфь стоит наособицу — строят корабли только океанского класса. Вооружают эти корабли там же — свои литейные цеха, оружейный завод с многолетней историей и мастерами, зарекомендовавшими себя. Идеально? Возможно.

— Все что я слышу, ты говоришь верно и правильно, Жан Лоддо. Но ты не говоришь истины. Не говоришь правды. Теперь скажи мне Жан Лоддо, по прозвищу Локоток, честно и правдиво — зачем тебе это? Что ты от меня хочешь? Для чего ты с утра маячишь у меня за спиной?

Жан дернулся и замер на месте, вытянувшись в струну и продолжая тянуться дальше. Бруно не просто мгновенно возник за его спиной с кинжалом у горла, а давил лезвием под подбородок, заставляя Локотка вытягиваться и постепенно вставать на цыпочки.

— Бруно, ты ему голову не отрежешь?

— Не извольте беспокоиться, ваша милость. Если только поберею немного. Ему не помешает.

Чудно, чудно! Вот мы и шутим. Скоро совсем на людей станут похожи его Звери и не отличишь их ни с первого, ни со второго раза от простецов. А третьего раза не будет, так как невежливо столь нагло пялиться, можно и нарваться!

На остальных трех спутников Локотка он не оглядывался и лень было использовать Силу для контроля пространства за спиной — там Себастьян и пара младших зверей, рядом с ними Заря. Беспокоиться не о чем.

— Я слушаю тебя, Жан Локоток.

— Ваша... Милость... Знает меня?

— Бруно, помоги нашему новому другу правильно ответить.

Неуловимый глазом тычок двумя пальцами в поясницу. Локоток падает на землю, жадно глотая болезненно искривлённым ртом так желанный ему воздух. Нога Бруно с силой впечатывает, придавливает его к земле.

— На службу... Вашей милости! В лейтенанство ваше!

— Отпусти его, Бруно.

Локоток отдышался, потер поясницу, болезненно морщась и злобно оглядываясь на Бруно, отхаркался, встал чуть пошатываясь, склонился, изображая официальный поклон свободного просителя — обе руки на сложены на груди иксом, подбородок плотно прижат к груди:

— Примите на службу в ваше лейтенанство, ваша милость! Меня, Жана Лодда по прозвищу Локоток и соратников моих — Фрица Безносого, без второго имени, Пьера Ламакко, по прозвищу Три дырки, Прескотта Фитца, по прозвищу Фитиль. Клянусь Господом и святым Бесконечным Кругом, что нет за нами проступков пред богом и людьми. Нет не закрытых контрактов и в листах розыскных мы не значимся.

— Ну прямо агнцы божьи — чисты и непорочны как Дева Мария. Не дефлорированы еще ни разу, целки нетронутые. Небритые ангелы.

— Как кто, ваша милость? Чего мы?

Он коротко и сердясь сам на себя отмахнулся. Локоток понятиливо замолк.

— И кто вы по ВУС? — да что же такое!

— Стрелки, пикинеры, арбалетчики? Кто вы? Ты и твои соратники?

— Я ваша милость, очень хороший револьвист! Равных мне еще поискать по империи — голос Локотка наполнился нотками самодовольства — Пьер — стрелок из трехствольной винтовали, оттуда и прозвище. Прескотт и Фриц младшие фейерверкеры с нагрудной бляхой

подтверждения. За вашими мортирками как за своими женами глядеть будут! Не пожалеете, ваша милость!

— Заря! Пусть Себастьян приведет его... — он усмехнулся, глядя в лицо Локотку — Таких же невинных друзей. Я хочу посмотреть, какие ныне у небесных агнцев рожи. С рогами или без.

Встали они кривой шеренгой, по стойке «вольно», пузо вперед, ноги не вместе. Но по росту, руки за спиной, ладони сложены в «крест» на поясице. Что-то и где-то из понятий армейской дисциплины в них вколотили. Возраст у всех от двадцати пяти — двадцати семи, не меньше, но и не больше тридцати пяти. Битые, тасканные, потасканные. Плохо выбритые и обросшие. Пахучие. Не вонючие нет, но с ощутимо веющим запахом старого пота. Одежда, вроде бы и чистая, не откровенное тряпье, но тем не менее видно, что это их единственная «шкура». Замены ей нет. У двоих на мятых и обрюзгших лицах розоватые пятна давно заживших подпалин. черные, намертво въевшиеся в кожу, точки от пороха. И желтеющий стоп-сигнал от больной печени. На их грудях на медной цепи медная же начищенная бляха вице-фейерверкера. Это Прескотт и Фриц. Пьер Ломакко стоит перекошенным на левую сторону, тяжеленная трехствольная пулевая винтоваль тянет его к земле. Взгляды как у битых псов. Настороженные, быстро полосующие всех и все вокруг — кто пнет, куда бежать, кого половчее прихватить клыками. Красавцы!

— У меня пока нет лейтенантского патента, поэтому предлагаю временный найм как охране. Срок найма — пока месяц. Плата за это время будет как две трети от платы линейному стрелку первой линии. Перезаключим договор на лейтенанство, добавится доля в добыче. Согласны?

Переглянулись, молча переговорили взглядами. Мелькнули быстро стираемыми улыбками — глупый этот ваш милость, ровных и правильных цен за «кровь и плоть» не знает. Какая может быть плата на испытании? Да почти никакая, испытание же! А его милость денег кладет как отконттраченному «гусю».

— Да, ваша милость. Мы — гнусавое перечисление имен с прозвищами и без него — отдаем нашу кровь и плоть в руки господина баронета Дарт Серенус с правом выкупа отданного и возврата отданного по концу срока.

Все, формула «присяги» произнесена.

— Заря, займись составлением с ними контрактов на испытание. Пока без моего имени.

— Слушаюсь, господин барон. Контракты как длинные открытые составлять с местом под изменения или короткие испытательные?

— Длинные.

Опять улыбаются, отблески насмешек над уже очень-очень глупым бароном почти не прячутся в темных уголках их век. Смейтесь, смейтесь, мои будущие звери. Что у нас насчет смеющегося последним, стреляющего первым? Заря тоже искриться смехом, отблескивает лакированной гладью ямочек на румянящихся щечках, вспархивает ресницами и сверкает жемчугом зубов. Она не читает мысли Владыки, но тут и не нужно их читать, достаточно чувствовать веселое настроение Повелителя, разглядывающего этих низших. Владыка бесконечно мудр и сети его никогда не рвутся. Ее господин не погрешим, ее господин велик.

Улыбались и Бруно, и Себастьян. Как улыбается сержант-сверхсрочник, добро так, по-отечески, когда смотрит на стриженных тонкошеих призывников с оттопыренными ушами и трепетными взглядами. И даже младшие звери тоже улыбались.

А Жану Лоддо, Пьеру Ломакко, Прескотту Фитц и Фрицу Безносому без второго имени.

вдруг стало не уютно и очень захотелось поежиться под этими лучами счастья. Такими добрыми и теплыми.

Дижон самый образцовый город империи. Его можно как эталон выставлять в Палату мер и весов, накрыв стеклянным колпаком и привинтив табличку с надписью «Эталон».

Стандартные городские стены, стандартно обветшали, как и в других городах обленившейся и заживевшей империи. Они уже давно прикрыты от разглядывания толстыми каменными стенами домов Застенного квартала и их высокими черепичными крышами. И тонкими, из всякого мусора — обзол, дранка, кривые жерди, побеленными и снаружи почти приличными, домов Внешнего пояса. Ратуша как ратуша, соборы как соборы. Ах, да, площадь! Дижонская городская площадь не стандартна — это длинный-длинный эллипс с памятником графу Гутто Артур Мария Шэгрро де ла Пинно Корсунскому по прозвищу Длинный. Что именно у графа было длинным или длинным он был сам, неизвестно, но памятника он удостоился по праву. За долгие годы его правления Дижон богател, ширился и разрастался. А в году Небесного цветения, граф много имен, даровал городу самоуправление и вскоре скончался, ввергая в искреннюю скорбь добрых горожан. А в остальном, более никаких достопримечательностей. Улицы как у всех носят названия простые и конкретные — Рыцарская, Булочников, Ратушная, Королевская миля и так далее. Сами улочки кривые, в центре мощенные, на окраинах грязью навощенные.

В общем это город, в городе дома, в домах живут люди. И достаточно о городе Дижоне. А если хочется большего, то наймите мальчишку за полпенни, и он вам расскажет, кто и с кем спит, кто что печет, тачает, клекает. Где и как поймали стражники неуловимого Дейнека Кровавая Шея — мошенника, вора и многократного осквернителя святого места дочки бургомистра. Сколько ступеней в лестнице до дворца Наместника, камней в фундаменте собора святого Маслотара, сурового изгонятеля злых духов из прихожан и прихожанок очень страшным способом!

«Еще полпенни благородный сэръ, месье, герр, лэр и я вам такое про святого расскажу!».

И он вам расскажет, неимоверно привирая и постоянно шмыгая сопливым носом, такое же и прочее, неистребимо местечковое и невероятно скучное.

Он, Заря и Себастьян — Бруно остался на «хозяйстве, и двое младших зверей, не нанимали мальчишку-проводника и не расспрашивали прохожих. Он чувствовал где его другие «младшие», которым он приказал сопровождать и охранять Сюззи и Паккету. А если приложить еще немного усилий, то и ощутить в каком состоянии «младшие» — спят или бодрствуют, по насыщенности оттенка свечения их «искры». И «младшие» чувствовали приближение своего Владыки.

Узкие, если вносить что-то крупнее корзины с продуктами, то придется поворачиваться боком, двери двухэтажного, вытянутого в высоту дома, открылись, когда он был от них в пяти шагах. «Младшие», выскользнув из темноты дома, встали на одно колено, низко склонили голову.

— Вам есть что мне сказать?

— Нет, Владыка. Ваша драгоценность в безопасности. Никаких повреждений, Владыка.

Драгоценность? Повреждения? А, ну да, сразу вспомнилось: «Беречь как драгоценность, оберегать от всего и всех. Варианты выполнения моего приказа — любые». Но почему все же драгоценность? Неудачно подобранное определение? Или ситх что-то вкладывал в это слово?

— Где драгоценность?

— В доме, Владыка. Второй этаж, комната налево. Ведется обучение высокому готику преподавателем нанятым госпожой Паккетой.

— Чудно.

Он вошел в дом, задев ножами шпаги косяк, брякая шпорами и отзанивания на каждом шаге стальными подковками по плиткам пола. Немного раздражало — ненужный и глупый шум, но положение обязывало шуметь, греметь, бряцать этими признаками статуса. Огляделся — чистенько, просторно, виден не выпячиваемый, но крепкий достаток. Ну да, денег он тогда дал им прилично. И обезличенный вексель на тысячу флоринов. Десять кило золота. Состояние.

При его появлении в низком поклоне склонилась выглянувшая из-за двери на шум сухая вобла в глухом сером платье и с непривычно большим святым Кругом на плоской груди. За ее спиной полез толстым телом в дверной проем бородатый мужик. Да, мужик, не мужчина. Он поднял бровь в немом вопросе:

— Я духовная сестра Елина, владетельный. Я бегинка. Я помогаю по дому и наперсница госпожи Паккеты. Это Клаус, слуга госпожи Паккеты.

Ни разу не добавила господин. В атаке она что ли, на тропе войны чутье потеряла? Спина склонена в поклоне, но пряма, словно стоит на плацу. Нагла не в меру, не очень умна и полностью обделена чутьем. Или тупа и непробиваема в своей броне веры.

— Более тут ваши услуги не нужны. Покиньте дом.

— Так расчет надо бы свести, владетельный господин.

Голос у мужика сволочной, звучит как холодец, дребезжит как надраенная под вид дорогого металла латунь.

— Заря, займись.

— Я исполню, господин.

Женщина же вновь низко поклонилась и исчезла за беззвучно притворенной дверью, напоследок полоснув взглядом как ножом. Пиявка-бессребреница. Явиться в свой Gotteshauser, Божий дом, и перемоем ему все кости, растворив их в кислоте своей слюны. Тем более прочь и более никаких «духовных» надсмотрщиков. Паккета почувствовала себя госпожой и окружила себя свитой? Выходит так. Ну и какая госпожа, такая и свита.

Ох, женщины, женщины... Любопытны как кошки, наглы как вороны, шумны как сороки. В меру умны и подобны дельфинам — красивые, вечно улыбающиеся, ничего не говорящие, не создающие, не изобретающие, ни открывающие, но милашки и вторая разумная раса. Дрессуре поддаются, приручаемы, но постоянно косятся в сторону открытого океана. Правильно их японцы ловят и жрут. Гордых самураев не проведешь, расовое чутье не подводит — только притворяются друзьями человека, касатки карликовые.

Он прислушался, со второго этажа глуховато и плохо слышимо донеслось: «Accusativus являются sc. Casus, то есть винительный падеж. А dat, dativus sc. Casus и есть тот самый дательный падеж, что вы никак не хотите запомнить, юная госпожа!».

Ученье — свет.

— Сюззи!

Его громкий голос многоголосым эхом — интересный акустический эффект, разнесся по всему дому, заставив замереть с занесенной лапкой тараканов, притихнуть наглых крыс и притвориться мертвыми пауков в недоступных углах балок перекрытий. Наверху что-то с шумом опрокинулось, кто-то охнул, снесенный в сторону ураганом из сияющих глаз, голенастых нижних и плоских верхних, переполненных до краев счастьем. Настоящим,

искренним, ничего не требующим, только дающим — истинным.

— Дядя Лео! Дядя Лео приехал! У-иии!

Визжащий, пританцовывающий, подпрыгивающий и как стробоскоп, выстреливающий улыбками и сиянием радости, теплый костлявый ступок веселья закрутился вокруг него, крепко обнял, прижался полыхающей щекой к коже куртки и затих. Только сердечко стучало так-так-так, быстро-быстро.

— И тебе доброго дня, маленькая фрау Сюззи.

— Ох, дядя Лео! Я такая... Я такая... Простите меня, высокий господин Лео. Доброго вам дня, высокий господин Лео!

— Сюззи! Мы договаривались без высоких господ.

— Да дядя Лео! А вы надолго дядя Лео? Вы за мной дядя Лео? — за мной, не за нами. Где-то в доме есть постоянно пробегающая черная кошка — Я сегодня с вами уеду?

Даже так?

Он приподнял осторожно и нежно лицо девушки-подростка вверх, к своему. Глаза к глазам. Смотрел недолго, хватило времени и увидеть, и понять. Все что он хотел увидеть и предположил, что увидит и поймет. Госпожа Паккета, значит. Не мать, госпожа.

В доме похолодало, увял солнечный свет, поблекли цвета покрашенных стен комнаты. Себастьян хищно напряжился, младшие звери натянули полоски губ ощериваемыми клыками. Заря, впорхнула в комнату не заметив двери, острая как кончики стилетов в рукавах платья.

— Тихо, тихо дети. Сюззи, скажи мне — а где твоя мама?

— Мама, дядя Лео? — не моя мама, просто мама. И с ответом тянет.

— Мама, Сюззи, твоя мама. Где она? Где добрая госпожа Паккета?

Мужик, что выглядывал очумело и испуганно в дверной проем без двери, вынесенный небесным порхающим созданием в одно касание хрупкого плечика, побледнел и растворился в глубине комнаты свернувшей свое дыхание кляксой.

— Она ушла на рынок с добрым господином Готтье, дядя Лео. Он владелец мясной лавки на углу Ратушной и Каменщиков.

— Мы ее подождем. А пока ты позволишь воспользоваться гостеприимством в твоём доме, маленькая госпожа Сюззи?

Он легко щелкнул девочку по носу, оживляя засыхающий росток улыбки.

— Да, дядя Лео! Будьте как дома, дядя Лео, в нашем... Вашем доме.

Госпожа Паккета вошла в дом величаво, неся себя, держа себя как благородная дама. Голова поднята, на лице раздраженно-недовольное выражение — не встретили, дверь пришлось открывать самой. Как неудобно перед господином Готтье, что любезно проводил ее домой и согласился остаться на обед. Где эти тупые чурбаны-охранники? Где этот лентяй Клаус? Где Элина?

— Паккета, что я велел тебе?

Сердце обмерло, ссыпалось горохом вниз, к сбитым пяткам неудобными, но очень новомодными туфлями. Там, где сходятся вместе ноги, мокро затеплело. Голова закружилась, колени ослабли, вялая рука еле ухватилась, скользя слабыми пальцами по ткани рукава камзола доброго господина Готтье. Это он...

Это то чудовище, что смотрело на нее своими демоническими глазами при их отъезде в Дижон. Это то чудовище, что сгорело в святом пламени отцов-инквизиторов в Гигрушском лесу. Оно не сгорело. Обманули святые отцы как всегда.

— Я осмелюсь...

Когда за твоей спиной возникает кто-то смертельно опасный и просто стоит, не хватая за плечо, не чисти ногти устрашающим тесаком и не тычет острым в спину, а просто стоит и ждет твоей ошибки, тени ее, смелость куда-то исчезает. И спрашивать уже ничего не хочется. Хочется исчезнуть, отмотать время до того момента, когда тебя тут не было.

— Паккета, ты виновна в неисполнении воли моей. Ты ведь понимаешь, какое наказание понесешь?

Упала. Мертвенно бледная, сломанная как кукла.

— Заря, как ты думаешь, что она ожидала в качестве наказания?

— За невыполнение воли господина наказание одно — смерть.

Добрый господин Готтье шумно испортил воздух.

— Вон!

У господина Готтье вынести дверь как у Зари, не получилось, но он очень старался.

— Заря, но ведь ты не ловишь комара, зудящего рядом, не судишь его и не казнишь. Ты просто отмахиваешься от него.

— Я поняла свою ошибку, господин. Я подумаю, где обманулась в понимании вашей воли.

— Чудно. Ты у меня умница.

Он повернулся к все это время молчащей и затаившей дыхание Сюззи. Девочка вырастет красавицей, будет повелевать мужскими сердцами и владеть их кошельками. Если вырастет. Стоит ли, нужно ли это ему? Будет ли она ему благодарна за ее судьбу, выбранную им? Или возненавидит и проклянет?

— Сюззи.

— Да, высокий господин Лео.

— Я спрошу один раз и ответ твой должен быть искренним и правдивым. И ответить ты должна будешь только «Да» или «Нет». Прежде чем ты ответишь, знай — твоя жизнь изменится бесповоротно навсегда. Навсегда это навсегда. Ты это понимаешь? — короткий кивок — Хорошо. Ты будешь рядом со мной — рядом со мной в огне, в холоде, в смертельной опасности. Да, я буду тебя беречь и оберегать как самое себя и больше, но даже Великая Сила не может предусмотреть всего. Сюззи, ты...

— Да!

Он помолчал, неожиданно для себя пожевал губами — что за мерзкий жест! — легко погрозил пальцем:

— Я еще не спросил тебя, Сюззи. Больше так не делай.

— Простите меня, дядя Лео. Я больше так не буду.

— Чудно.

Указательный палец самопроизвольно лег на ямочку подбородка. Чужой это жест, знакомый, но не его. Это даже не привычка, это подражательство, это обезьянничанье.

— Сюззи, желаешь ли ты стать моей Ученицей?

— Да, мессир! Я желаю!

— Сюззи, Сюззи...

— Да!

И когда звонкая гласная «а» стихла, он почувствовал, как что-то коснулось его плеча и ненадолго сжало его. Так кладут руку на плечо и сжимают его, одобряя и поддерживая. Что ж, если сама Темная Мать не отвергает и не порицает его спонтанное решение, а наоборот,

то он все сделал правильно.

— Собирай свои вещи, Ученица. Утром мы покинем этот город. Нас ждут и не дождутся Теплые берега и герцог Локкский.

— Я быстро-быстро, дядя... Да, Учитель. К утру я буду готова.

— Чуд... Гм-м! Прекрасно, Ученица. Младшие?

— Да, Владыка.

— А где тут самый лучший бордель? Необходимо продолжить ваше обучение, Себастьян и Заря, как вам казаться людьми. Простецами. Низшими.

— Владыка?

— Вот же валенки боевые. Урфин Джюса деревянные бойцы. Себастьян, узнай.

— Да, ваша милость. Я мигом!

— Заря, а ты не лыбься кисло, как преподаватель нравов и доктор морали — ты идешь с нами.

— Ох, Владыка!

Он заинтересованно посмотрел на своего ангела эфирного, не способного взлететь к небесам из-за тяжести стали острой, что под лифом и в лифе, под корсетом, платьем, нижними юбками, кружевами, в волосах и даже неудобно предположить где, спрятано.

— Я не могу понять, Слуга, чего в твоём восклицании больше — удивления или предвкушения?

— Мой господин, больше всего в моем ответе вам — скромности.

Засранка.

Дижонский бордель произвел впечатление. Себастьян даже не рассматривал варианты «подешевле» и «попроще», да и в средствах он его непредусмотрительно не ограничил. Велели ему найти, он нашел — самый лучший, самый дорогой бордель, грандбордель.

Трёхэтажный, мать его, почти дворец, с широким пространством перед входом. Суровые охранники на дверях. Множество светильников — на масле никто не экономит — гонят тьму и тени прочь. Брусчатка подметена и вымыта, пара мальчишек с холщовыми мешками в полной готовности прибрать конские «яблоки». Напротив борделя трактир, выше среднего уровня. У входа в него и рядом трутся, кучкуются в группы суровые усатые и бородатые мужчины с ног до головы обвешанные оружием. Охрана решивших отдохнуть благородных, владетельных и прочих господ. Правильно он решил не брать с собой младших. Смотрелись бы они здесь как линкор «Ямато» в полной боевой готовности, среди юрких миноносцев и стремительных эсминцев. Мрачно, сурово и вызывающе. К ним бы прицепились, они бы всех убили. Не нужный ему шум и проблемы с их нанимателями. И это однозначно, пусть эти усачи хоть пушками вооружаться.

Толку то от размера твоего тела, будь ты хоть трижды матерый и опытный телохран, если рядом с тобой режет океанскую волну нещадно тяжелым форштевнем прирожденный убийца. Монстр с двумя сердцами и бешеной регенерацией. Продержишься на половину секунды больше и все. А приказывать «младшим» никак не реагировать на откровенные наезды, это ломать об колено их нежную и ранимую психику. Дети же, сущие дети. Такие же бездумно жестокие и делящие мир на своего Владыку и просто «мясо». Цвет на белый и черный. А мир они не делят, они в нем живут. Просто живут.

Что-то он излишне задумался. Прочь, прочь мысли! Он ведь пришел сюда развлекаться, отдыхать, набираться новых впечатлений и ощущений. Да, Леонардо был в разных борделях и жаркий опыт его стучался в его сердце огнем воспоминаний об испытанном, но это был

он, а сейчас это... Гм, это он. Что-то все-таки необходимо предпринимать со соей звуковой и смысловой идентификацией, господин баронет Дарт Серенус. Тьфу!

Он вошел в услужливо распахнутые перед ним двери — низшие «на дверях» умеют каким-то возвращенным долгими годами работы чувством определять, КТО перед ними. И пусть на нем скромная кожаная куртка, прикрытая плащом, серебряная цепь баронета, ножны шпаги просты и не изукрашены драгметаллами и драгоценными камнями, двери распахнулись как перед герцогом. Стремительно быстро, широко, с глубокими поклонами и опущенными глазами. Чуют, директора «вертушек», верно чуют.

Хаос круглых столиков, кресел, диванов, диванчиков, банкетов, соф и изогнутых в спинках невесомых стульев. Свет приглушенный, шум оживленный, звенит хрусталь, злится на него и громко брякает стекло. Смех, смех, смех. Заигрывающий, сытый, мурлыкающий, обещающий, натужный, вынужденный. Разные голоса. В основном звонкие или бархатные женские. Девушки, женщины, дамы, девчушки на вид и на вес вьются малыми роями, перемещаются, порхают. Теплом своего тела греют сидя на коленях иззябших в одиночестве мужчин. Мелкими глотками пьют легкое вино, машут на себя или едва касаясь бьют по шаловливым ручонкам веерами. Смеются, закидывая далеко назад голову, удлинняя и обнажая красивую беззащитную шею — кто как хочет это видеть. Встряхивают локонами, буйными гривами, красуются строгими прическами. Смеются широко открывая рот, хвалясь жемчугом зубов и розовыми невероятно чистыми — однозначно лезвиями налет соскребали, язычками. Буйство красок, буйство плоти. Кто-то так уже говорил? Ну пусть предъявит за свои авторские права.

Он ледоколом пронзил, расколол смесь горячего дыхания и ароматов, сел, сразу откинувшись на широкий дива. Подтянул носком сапога банкетку, выложил на нее ноги, безнадежно портя бархат обивки шпорами. Встретил лучиками долгожданного веселья взгляд дернувшегося неприметного человечка у стены, громила-горилла рядом с ним был умнее, стоял недвижимой статуей. Соображает человек.

Он щелкнул пальцами в никуда, не сомневающийся, что тут же появятся исполнители его желаний.

Он отдавал себе отчет, что его несет, он ведет себя вызывающе, на грани, но... Но ему было наплевать. Тесные оковы вдруг разжались, душный воротник расстегнут, пуговицы вырваны с мясом, ремень ослаблен.

— Владетельный господин желает вина, сладостей... И сладостей?

— Для начала вина. Фринийского. Много. Виноград, сыр. И пусть девочки, словно невзначай проходят мимо меня. Все девочки — он не посмотрел, не повернул голову, просто выделил тоном, но он уверен — перед ним пройдут все, даже те, что сейчас «работают» в комнатах наверху — Нет, не все. Только те, что сегодня еще ни с кем не были.

— Есть невинные, владетельный господин. Очень юные.

— Не интересуется. Я не собираюсь проводить обучение начальным азам за собственное золото.

— Владетельный мудр.

— Ты даже не представляешь насколько я умудрен. Да, и пусть пройдутся мальчики. Так, чтобы они не мне мозолили глаза, а ей — он кивнул на Зарю — Или пусть будут и мужчины, Заря?

— Простите мою дерзость, мой господин, но — нет! Только мальчики. Ну или нежные, еще пахнущие молоком, юноши. Для меня существует только один мужчина в мире — это

вы, мой господин.

И головку склонила и румянец на щеках и ресницы так трепещут, так трепещут! А взгляд буквально плещет смехом. Но необходим подзатыльник:

— Ты почти рядом с границами, Слуга.

— Прости меня, мой господин!

— Все. Запомни. Не забывай. Веселись. Себастьян?

— Мне бы в возрасте, ваша милость. Ну и чтобы побольше сверху... Снизу тоже можно побольше.

Бровь в удивлении ползет сонной мухой вверх — такого скорее ожидаешь от Бруно, но не от юного Себастьяна. М-да, о вкусах не спорят, душа — потемки.

— Ты меня слышал. Их тоже. Исполняй.

Неслышимо появившийся, неслышимо исче. Тут же на столике материализовался хрустальный графин с вином и фужеры. Виноград, плачущий прозрачной слезой сыр. А перед ним запорхали яркие бабочки — махаоны, кометы, парусники. Только блеклых «капустниц» не было.

Он улыбался, пил вино, брызгал соком виноградин, смотрел наслаждаясь или наслаждаясь смотрел. Он отдышал.

Заря как-то быстро определилась с выбором и уже, вдруг лизнув юношу в щеку, кормила его виноградом с рук. Себастьян же еще мучился муками выбора. Хмурился, вздергивал голову, пару раз невольно развел руки в сторону, задумчиво сравнивая параметры демонстрируемого с массогабаритными характеристиками своего идеала. Наконец выбрал и он.

Ему же приглянулась чернявая, вертлявая, вся какая-то порывистая. Да и она сама крутилась перед ним, отталкивала других девушек, словно бы неосторожно плеснула вином на платья пары товарок, устраняя конкуренток. Ужом проскальзывала вперед, жгла взглядом, сыпала улыбками, расточала себя, не обращая внимания на все более хмурый взгляд — кто он тут? — распорядителя, зрителя, сутенера. Распорядитель даже сделал ей пару знаков, но чернявая игнорировала всех и все, кроме господина баронета.

— Мне вон ту, черненькую. Заря, Себастьян вы закончили выбор?

— Я выбрала, мой господин. Я выбрал, господин — с секундной задержкой, но почти одними словами.

— Веди нас, Вергилий. В лучшие комнаты.

Тонкие ловкие пальчики быстро пробежали невесомыми мотыльками по его телу, избавляя от перевязи со шпагой, оружейного пояса, куртки, взлетевшей облаком сорочки. Стащили сапоги, развязали тесьму штанов, расстегнули поясные пуговицы. Жаркие мягкие губы приняли в себя его восставшую плоть, обхватили, втянули в себя. Язычок чернявой нежно щекотнул, страстно облизал, крепко обвил ствол не дерева.

Снизу-вверх поцелуи торили дорогу вверх. Бесстрашными альпинистами покорили пики сосков, обогнули долины ключиц, рискнули «провесить» путь к ушной раковине. Ее губы коснулись его губ. Руки ее вились вымпелами на ветру. Ощупывали, оглаживали, вцеплялись жадно в ягодицы. Ее руки не находили себе места, в отличие от его рук, твердо возлежащей на груди левой и по-хозяйски обхватившей ягодицу чернявой правой.

Шаг в сторону постели и на нем повисает двурукий и двуногий питон, старающийся задушить его в своих объятиях. Только жало змеи жаркое и не раздвоенное. Он нежно развел ее ноги, скользнул ладонью — мокро, можно, нужно, да заждались его уже! Вошел,

вдвинулся-выдвинулся, чувствуя, как его там, внутри, пытаются удержать стенками, не выпустить из себя. Нарастил темп, амплитуду, пытаюсь отследить нужную скорость и глубину проникновения. Еще, еще, еще. Так, так, сильнее, быстрее, глубже! Водопад страсти, стремнина чувств уносила, возносила его. Роняя и поднимая. К бесконечным небесам и в бездонную пропасть. На штампы хотелось злобно оскалиться в перерывах между произвольным рычанием и жаркими долгими выдохами. Дыхание горело огнем и одновременно затихало, успокаиваясь. Семя давно изверглось, но не эта позорная преждевременная эякуляция, а им самим определенная, бурная. Но он все двигался, он все еще ощущал себя «каменным», не закончившим.

Что-то не то. Что-то не так.

Сила внутри него взбурлила гневным потоком, расплавленное золото глаз диким зверем рванулось из глазниц. Только каким-то чудом не разрывая в клочья оскалившуюся чернявую с выпущенными иглами белоснежных клычков. Бушующая внутри него Сила в пыль разнесла одуряющую вязь плетений. Кто-то внутри него скучным голосом прокомментировал: «Магия крови. Так себе, ниже среднего». Внутри метрономом бухнуло ярящееся сердце. Его хотели... Его приняли за пищу?! Что-то клейкое, липкое коснулось его. В голове многоголосием зазвучало, забило каждым звуком, ломая все, что пыталось цепкими лианами связать его. Связать его?!

...Через мощь я познаю победу. Через победу мои оковы рвутся. И великая Сила освободит меня!

Рухнуло осыпаясь. Просочилось сквозь щели половиц измельченным и насильно просеянным прахом, пеплом. Чернявая забилась в угол, крупно дрожа, скаля клычки и метаясь взглядом. Так беспомощный котенок вздувает шерсть, трубит хвостом, скалится и обреченно шипит, встретив на пути крысомордого подслеповатого бультерьера. Бежать некуда, да и не убежать, а так может и полениться связываться с ним это чудовище.

— Все чудесатее и чудесатее, говорила девочка Алиса, выпивая пятую рюмку. Только познакомишься с пудингом, а он на тебя с ножом. С зубами то есть. Ты кто, чудо? Кровосос вульгарис? Или что-то еще из рода пиявочных?

Чернявая молчала. Он пожал плечами, нашел Силой «искры» Зари и Себастьяна взгляделся. У Себастьяна оттенок искры ровный, сильный, периодически вспыхивающий мощными всполохами — работает человек, трудится в поте лица. А вот у Зари какой-то странный, двоящийся и мерцающий... Гневом? Яростью? Злостью на себя или кого-то еще. Досадой. Надо бы посмотреть, что со Слугой.

— Сиди тут, кусака.

Сила распяла чернявую на стене, вздергивая вверх к балкам перекрытий и невольно раздвигая ей ноги. Он произвольно засмотрелся, поймав уже отворачиваемым взглядом притягательное зрелище. Вначале-то не до разглядывания было. Красиво. Хмыкнул:

— Думаю, надо повторить — и погрозил пальцем чернявой — Попортишь себе что ни будь, исцарапаешься — накажу. Виси тихо!

Вышел из комнаты, не обращая внимания на свою наготу, надавил рукой на полотно двери в комнату Зари. Дверь рухнула внутрь, грохоча и выбивая пыль из ковра, но Заря не отвлеклась на шум. Узы Силы позволяют чувствовать своего Владыку. Она оседлала выбранного ей юношу и яростно скакала на нем, держа над его ртом левую руку с которой медленно капала кровь в клыкастый рот мальчика. Еще один любитель гематогена.

Заря стонала, рычала, прикусывала губу, закидывала голову, сжимала свободной рукой

грудь, терла промежность. Но она никак не могла кончить. Бедная девочка. Наконец Заря взлетела с вампиреньша, упала перед ним на колени, захлебнулась торопливыми словами:

— Владыка, Владыка! Возьмите меня! Прошу вас! Я... Я не могу...

— Я понимаю тебя, Слуга. Я дам тебе просимое, я дам тебе твою награду — ты порадовала меня зрелищем.

Он подхватил Зарю под мышки, вскинул на себя, резко «насадил». Несколько быстрых и сильных качков и Заря громко вскрикнула-застонала, всхлипнула и обмякла на нем, сотрясаемая крупной дрожью. Что же они так все дрожат? Слуга выскользнула из его рук, откинулась на спину, благодарно и счастливо улыбаясь. Когда ты знаешь, за что «потянуть», где «потянуть», как сыграть на «струнах», то довести до оргазма дело несложное. Нечестно? Вы нормальны? Подарить счастье и наслаждение желающему этого — нечестно? М-да...

Заря через пару секунд подхватила, вскочила пантеро-ящеркой на кровать, обхватило ладонью все так и стоящий член вампиреньша:

— Владыка, можно я заберу с собой эту игрушку?

Вампиреньш где-то блуждал разумом, белки его глаз метались под закрытыми веками, грудная клетка бурно вздымалась, а клыкастый рот еле слышно страстно шептал:

— Светозарная госпожа... Светозарная...

— Ты хочешь его целиком или только ту часть, что держишь рукой?

— Целиком, Владыка. Я приму от вас любое наказание за свою наглую просьбу, но пусть он живет. Он такой милый, Повелитель! И он может усыплять, он может прятаться в тенях, он очень быстрый. И не боится солнца! Пусть он будет мой щеночком, Владыка!

— Я доволен тобой. Ты научилась хоть немного думать и продумывать последствия своих поступков. Твой «поводок» крепок? Не сорвется «собачка»?

— Да, Владыка. Он не лгал, когда говорил, что выпивший крови светозарного не может больше пить другую кровь и иссыхает. Так говорили ему его Старшие. Я чувствую — это правда.

Все мужчины в постели болтуны. Он мысленно хмыкнул. Этот мир не перестает его удивлять — эльдары, потомки космодесантников Империи Человечества, святая магия. Просто маги. Место Силы и Могущества за океаном, а теперь вампиры и их магия крови. Мешок с подарками, просто праздник какой-то! А если праздник, то не «привязать» ли ему к себе смуглянку? Порадовать себя. Хороша чертовка и «встает» у него на нее.

— Приведи себя в порядок, Слуга. Затем ко мне в комнату со своей новой игрушкой. Перед этим «сними» с тела Себастьяна, а то он низшую затрахает до смерти.

Внимательно присмотрелся к тусклому «огоньку», затухающему под пылающей «искрой» Себастьяна. Да, пора останавливать мальчика.

— И у нас скоро будут гости.

Вернулся к себе, с улыбкой посмотрел на черноволосую красавицу на стене. Хороша пиявка! Надо бы написать ее, маслом. Или акварелью, там краски теплые. Вот такую, голую, возбужденную и, да, желанную. Он вспенил ток крови, сильно сжал кулак, заставляя взбухнуть канатами вены на руке. Чернявая не отводила от него взгляд, жадно облизывала губы. Ткнул кончиком кинжала в вену, подставил под тугую струю бокал.

— Не спеши.

Его голос бетонной стеной остановил метнувшуюся к нему смуглянку, отбросил назад. На него посмотрели невероятно обиженно и потерянно — он отобрал у нее весь мир!

— Моей крови надо остыть и немного выдохнуться. Иначе ты сгоришь. Я не

обманываю. Птенцов.

Угадал, уловив мимолетный испуг. Впрочем, что тут угадывать? Гнездо, вампиры, птенцы. Все не как у людей. Потрогал пальцем кровь, несколько раз махнул ладонью, разгоняя палящее марево над бокалом. Подумал и выплеснул половину в камин — еще сдохнет от передозировки.

— Пей. Маленькими и медленными глотками. Если будешь непослушна — отберу.

— Да, да, Светозарный. Я буду самой-самой послушной!

— Ну-ну. Пей, можно.

Смуглянка — вампиршей не хотелось ее называть — да и какая она вампирша? Маленькая, ладная, тёпленькая, вкусная, послушная — вон как медленно цедит, старается, жгуче сверкает глазенками. А вампирши должны быть холодными как айсберг, черты лица резкие, титьки — во! зубы — во! И на пальцах загнутые когти. А это... Так, миленькая пиявочка.

Смуглянку вдруг выгнуло, она захрипела, судороги скрутили ее тело, потом резкий выдох и распахнутые ничего не видящие глаза.

— Господин... Мой Светозарный господин...

Дрожь волной, еще раз, вскрик-стон, просто стон. Смуглянка безотчетно закрутилась, поползла вперед, ворочая головой, широко раздувая ноздри втягиваемым воздухом, слепо шаря руками. Коснулся ее Силой, спасая от своего огня, забирая боль, исцеляя. И она дурочка и он хорош — свинцом расплавленным еще бы напоил.

— Я здесь, Уголек. Все хорошо. Иди на мой голос.

Девушка нацупала его ногу, ткнулась, обхватила ее руками, осыпала поцелуями, заплакала. Слезами счастья, радости и обретения — ее наши, ее спасли, позвали за собой. Она нужна Светозарному господину! Вновь сильная дрожь сотрясла ее миниатюрное тело, чернявая затихла счастливо и безмятежно улыбаясь. Он тяжело вздохнул — одни наркоманы, то есть наркоманки, кругом.

В комнату неслышно вошла Заря, уложила на кровать, принесенную ей на руках «игрушку». Тоже счастливо и безмятежно улыбающуюся. Проскользнул в провал двери Себастьян. Смущенный и прячущий взгляд. Ипарь-террорист хренов.

— Себастьян, следи за окнами.

— Да, господин.

Голос у него тоже виноватый-виноватый. И тут же он почувствовал, как на этаж взметнулось по лестнице что-то стремительное, острое движением. Пронеслось по коридору тенью, воткнулось с разгона в Пелену, трепыхнулось в Тисках Силы и замерло. Но не покорно. Сильное существо, опытное и все же недостаточно сильное. И недостаточно опытное. Но смелое.

Существо низко опустило голову и глухо произнесло:

— Прошу Вас пощадите моих Птенцов, Светозарный господин. Пощады, Светозарный господин. Назовите плату за их жизни, Светозарный господин. Любую плату!

— Плата... Один раз мне уже предлагали плату, а затем ударили в спину.

Существо напряглось, он в ответ усилил давление Тисков, а затем резко сбросил его. С кончиков пальцев ударили в гостя змеистые фиолетовые молнии. Существо еле слышно вскрикнуло, упало. Скорчилось на полу. Он погасил молнии, потер подушечки пальцев друг о друга — кожа неприятно зудела и в фалангах что-то неприятно кололо холодной иглой. Нужно больше практиковаться.

— Кто ты? Представься.

— Я Отец... Я... Я Старший. И я... Я наместник императора в Дижоне, Светозарный.

— Наместник императора? Чудно, чудно! Просто прелестно! Ну что же вы лежите в дверях, наместник! Вставайте и проходите, проходите! Себастьян, мальчик мой, помоги лэру наместнику! Наместник, у нас с вами столько тем для разговора! Очень разных и очень-очень важных. И у вас есть то, что мне нужно, я более чем уверен. А я хочу у вас многое купить. Заря, девочка моя — вина господину наместнику! Или вам лучше крови, Отец?

Барон Август Бри Сутта развернул свиток, пробежал глазами четкие строки, вырывая некоторые из их абзацев: «... и ото дня сего, года сего, печатью и подписью своей, я Наместник Императора нашего... Лейтенантский патент, что является бессрочно нерушимым и полным в правах, согласно эдикту Императора от года Сияющих вершин, в третий день поминания святого Киприллиана... И знаком сего господина лейтенанта будет серебряный орел с бриллиантовыми крыльями».

Не золотой капитанский с теми же бриллиантовыми перьями, но и самый высокий ранг в лейтенанстве. Да и какой из него капитан наемной компании без единого сражения за плечами? А так, новорожденный барон Август Бри Сутта «занес» кому надо и куда нужно и имеет за это максимум возможного для безвестного лейтенанта неизвестной никому наемной кампании. Но это пока неизвестной. И новое имя ему нравится. Со значением и смыслом имя. Про Августа и так понятно, Бри — творец, кузнец, огрызок от его прошлого имени, ну а Сутта... Отделять себя от безумного ситха он не будет, да и права не имеет — он это он, а он это он. И незачем заниматься проведением границ в целом и неделимом. Так и до раздвоения личности один короткий шаг. Маленький шаг диссоциативного расстройства — большая проблема для разума.

Август вытащил из перевитого шнуром тубуса следующий документ: «... сим удостоверяется приобретение лейтенантом наемной кампании с названием «Звезда Смерти» 5 (пяти) мортирок проекта Яблочного года, свой ресурс истративших и более для легионов императора непригодных. Расчет лейтенантом наемной кампании «Звезда Смерти» бароном Августом Бри Сутта произведен полностью, на месте, монетами золотым достоинством...».

Ну да, вспомнилось, не удержался и назвал так свою наемную кампанию. А что до того, что как назовешь, то так и поплывет, то найдите здесь хоть одного джедая. Или хотя бы самый убогий космический истребитель с протонной торпедой на подвеске. Да и: «Кххы-ы, кхыы. Темная сторона Силы, кхыыы, не дозволит!».

Август рассмеялся во весь голос. Настроение просто превосходное, погода прекрасная. Гнуса и комаров нет. Аврора рядом, над ухом мурлычит, мнет ему плечи своими лапками. Да, на самом деле юная неопирка, гм, звучит как пионерка, ранее носила имя Берута, но что это за имя? Берута! Грубо и тяжеловесно. А вот имя Аврора ласкает слух, ну и с прошлым именем буквой «р» и звучанием перекликается.

И да, никакими настоящими вампирами, Детьми Ночи, ужасными Носферату и прочее и прочее, она, как и ее кровный брат с «отцом», не были. Ни гематофаги они, ни тем более страшные бескуды, ожившие мертвецы. Обычные, не очень умные низшие. Заигрались с магией крови, перешли не переходимые границы и стали неопирами — магами крови, что без нее существовать уже не могут. Эти люди вечно так глупо и предсказуемо поступают — находя одно, теряют другое. А вот то, что их «отцом» оказался сам наместник императора — это просто сказочное везение. Чудо, эксклюзивный «рояль» в выкошенных кустах. По сравнению с этим танк за углом в открытой степи смотрится бледно и тускло. За двадцать

литров крови младших зверей он получил все, что хотел. Кровь Зари и его Первых зверей являлась для неопиров наркотиком с мгновенным привыканием и привязкой — неопиры от нее сразу отказались. Кстати, противоядие от крови истинных Светозарных господ, то есть от его крови, не существовало. Мгновенная смерть. Тело выпившего рассыпалась на спеченные комочки — проверили на виновном в краже Птенце. Или добровольце. Авроре невероятно, сказочно повезло, что он не желал ее смерти, спасал своей Силой. Ну и Темная Мать уберегла ее.

Август вновь улыбнулся, вспоминая повторную встречу с наместником. Торг тогда стоял бешенный, но он уперся и ни на шаг отступал от назначенной им цифры. Двадцать литров и ни граммом более. Что-то не позволяло переступить, зависить значение. И Сила настойчиво предостерегала его от этого шага.

В цифре 21 скрывалось им непонятое, но очень важное для неопиров и опасное для него. В один из моментов он, окончательно взбешенный непробиваемым упрямством наместника, отпустил скованную узами контроля Силу.

Всех, буквально всех в доме, охватил необъяснимый страх. Неимоверно тяжелое пригнуло невидимой тяжестью, впечатало в стены. Он чувствовал, как от него исходит волна жажды убийства, желание теплой, еще парящей крови, страсть к уничтожению и разрушению. Тяжелое золото Каддаф потоком выплеснулось из его глаз, окутало разъедающей дымкой всех без исключения — наместника, Старших, его птенцов. Заставило неподвижно замереть и Слугу и Первых Зверей. Они лишь покорно склонили головы и молчали, терпя обжигающую боль.

Никогда он не чувствовал себя так хорошо и свободно всем — телом, духом, чувствами, Силой. Он тогда встал, нет, он взлетел в воздух — сам не ожидал, что он так умеет — а за его спиной распахнулись материальной иллюзией угольно-черные крылья. Его безжизненный равнодушный голос, так может говорить бездна, океан или бескрайнее небо, вморозил всех в камень стен и полов:

— Это мое последнее слово, низший. Времени у меня для тебя больше нет. Либо — да и ты продолжишь свое жалкое существование, либо — нет и я с радостью сожгу вас всех. В яростном огне моей Силы.

Разумеется, ему сказали — да. И он стал бароном, Лейтенантом наемной кампании. Получил кучу разных бумаг — право на владение, подтверждение права на владение. Подорожные, купчая на мортирки и прочее и прочее. И три чистых, незаполненных листов с большой печатью наместника и его подписью — самый тяжелый пункт торга. Пригодятся.

— Ваша милость, а ваша милость?

— Что тебе, Локоток?

— А чего мы тут делаем? Стол этот тут, для чего он? Еще час тут простоим и до Претлс только к началу ночи доберемся. Ворота закроют, ночевать на окраине придется. А окраины там... Плохие они там, окраины, ваше сиятельство.

— О, это вскоре перестанет волновать тебя, Жан. Поверь мне, через час ты даже не вспомнишь о своих тревогах.

Локоток что-то почувствовал. Возвращенный в полной опасности жизни инстинкт самосохранения заорал, затрубил ему ревом пароходного гудка — беги, беги, беги! И он побежал в крепкие объятия «младшего». Трепыхнулся и замер — некуда бежать.

— Тебе понравится то, что произойдет с тобой, Жан. Не бойся ничего. Я подарю тебе Москву... Тьфу! Новую жизнь. Бруно?

— Все готово к ритуалу, Владыка.

— Чудно. Ты готова приобретать знания и овладевать своей Силой, Ученица?

— Да, Учитель.

Сюззи, бледная, напряженная, но предельно собранная, встала от него по правую руку.

— Идем, Ученица. Слуга, ты тоже.

— Я благодарю вас за доверие, Повелитель.

Заря встала слева.

— Ну-ну. Идемте, девочки. Первый раз, в первый класс.

Барон Август Бри Сутга, Владыка, размахисто зашагал к широкому столу в центре поляны из толстых крепких плах. Белый плащ с вышитым серебряным орлом на спине, вился за его спиной. Вился без ветра, вздуваясь грозovým облаком, крыльями тьмы. Ощутимыми потоками Силы Темного лорда.

— Первое, что вы должны запомнить, мои Ученицы, что неважно время проведения ритуала и его место. Неважна глубина и правильность прочерчивания рун, качество эликсиров, декоктов и ингредиентов. Что-то у вас все равно получится — дурной кошмар, нежизнеспособный уродец, кровожадная тупая тварь. Самое главное и важное — это верить в себя и в свою Силу. Без веры вы ничто. Это понятно?

— Да Учитель!

— Да Владыка!

— Хорошо. Бруно, закрепляй Пьера, он самый негодный по качеству. Еще одно важное условие — объект ритуала должен быть жестко зафиксирован и неподвижен более, чем допустимо по известным критериям. Ни каких дурманов, оглушения, любым способом лишения сознания! Иначе вы будете иметь дело не с разумом объекта, а с его дремучими инстинктами. Что вы получите на выходе мне пояснить?

— Неразумную, но послушную, тварь! — в один голос ответ, только быстро переглянулись друг с другом.

— Молодцы, ученицы. Вы меня радуете. Продолжим.

Август встал за головой бледного от ужаса, обмочившегося Пьера.

— Теперь внимательно смотрите, слушайте и запоминайте.

Над поляной вязью стальных струн, ощутимой плотностью рун, поплыл каркающий, шипящий невероятной древностью звук чуждого этому миру языка. Руки Августа в ореоле легкого сияния опустились на голову Пьера. Тело трансформируемого в Зверя выгнулось дугой и замерло в этом неестественном положении. Только крепкие ремни на поясе не давали напрягшимся мышцам переломить позвоночник. Ладони Владыки взлетели, вытянулись сумрачными облаками над грудной клеткой будущего зверя. Невесомое, плотное, непрозрачное и одновременно непроглядное темнотой слилось на тело Пьера, окутало его мутным коконом.

— Подойдите, ученицы. Сюззи, ты первая. Протяни руку, срастись с ним. Ощути биение его сердца, сделай его своим. Управляй им как своим. Делай, не сомневайся.

— Да, Учитель.

Сюззи вытянула руки с еле заметно дрожащими руками, прикусила губу. Ее ладони погрузились в дрожащее марево кокона. Минута, две, три. По ее виску скатилась прозрачная капелька, по подбородку насыщенно красного цвета. Тело будущего Зверя дрогнуло, дрогнуло, напряглось, ослабло. Глухо стукнулось о холодные листы хладного железа. Грудная клетка содрогнулась, застыла и вдруг заходила в рваном ритме, забила пойманной

птицей.

— Хватит, ученица! Отпусти его!

Сюззи обмякла, уронила руки, отступила, оступилась и упала бы, если бы не подхвативший ее Бруно.

— Молодец, ученица. Для первого раза просто очень хорошо. Я доволен тобой, Сюззи. Слуга! То же самое. Верь в себя, Заря. Я же в тебя верю.

— Да, Владыка.

Заря встала на место Сюззи. Но ничего не происходило. Ни через пять, ни через десять минут.

— Плохо, Слуга. Мало веры в себя, мало контроля. Но, что хуже всего, ты не веришь в свою Силу, Слуга! Я недоволен тобой.

— Прости... Те... Простите, Владыка!

— Сила простит, Слуга. Иди. Ну что ж, Пьер Ломакко, начнем, пожалуй. Ты ведь не против?

— Простите меня за дерзость, Владыка!

Август удивленно и несколько недовольно обернулся на оклик:

— Себастьян? Продолжай!

— Можно мне, Владыка? Можно я попробую... Сделаю! Испытайте меня, Владыка!

Август молча приглашающе провел рукой, отступил на шаг. Себастьян со скулами-камнями, губами-полосками, глазами-сталью, встал над телом. Руки его не дрожали, губы оставались плотно сжатыми. Минута, две и те же три. Август терпеливо ждал, внимательно отслеживая «искру» своего Второго Зверя. На «мясо» он не смотрел. Вот что-то дрогнуло в «искре» Себастьяна и тут же шевельнулась грудная клетка «мяса». Раз, другой. Неровно, с неравномерными перерывами. Но все неожиданно выровнялось, тело Пьера дышало, сердце билось то затихая, то ускоряясь, абсолютно покорное воле его Второго Зверя.

— Хватит, Себастьян. Отпусти его.

Себастьян чуть пошатываясь отошел, всем телом повернулся к своему Владыке. Дышал он чаще и глубже распятого на столе тела, звук его сердца оглушал, казалось он доноситься до краев лесной поляны.

— Мои искренние поздравления, Ученик. Самый лучший результат. Ты безмерно радуешь меня.

— Но, Владыка! Я ученик?! Но Заря не ученица!

— Не разочаровывай меня, ученик, своей ошибкой в ответе! Мысли, думай! — голос Августа, нет, Темного Владыки хлестнул обжигающим холодом как плетью, Второго Зверя.

Себастьян собрался, глубоко вдохнул. Несколько мгновений он молчал. Затем медленно, словно он преодолевал бьющий сверху поток воды, поднял голову. В его глазах роились невесомо в завораживающем танце золотые точки.

— Я понял свою ошибку, Владыка. Я не слуга и более уже не зверь. Я возвысился возвышая вас, Владыка. Я клянусь в верности вашему учению, мой Повелитель. Станьте моим Учителем, Владыка Август Бри Сутта!

Себастьян опустил на колено, склоняя голову.

— Чудно! Славно! Мой новый Ученик. Великим ситхом ты станешь, если доживешь. Отныне ты будешь носить имя Дарт Ниаш.

— Спасибо мой Учитель!

— Встань Ученик. Наблюдай. И знай — у нас на Темной Стороне всегда по пятницам

скидки и шоколадные печеньки отличникам. Но вернемся к работе — у нас много еще славных дел впереди. Надо быть к ним готовым.